ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 47 (3305)

17 — 24 ноября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Солдатские матери протестуют. (См. в номере материал «...На Россию — одна моя мама».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 25.10.90. Подписано к печати 13.11.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2942. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

7 НОЯБРЯ 1990 ГОДА

Фоторепортаж вели
А. ГОСТЕВ,
Ю. ФЕКЛИСТОВ,
М. ШТЕЙНБОК.

■

Наконец-то принят Закон о свободе совести и религиозных организациях. Это первая попытка дать свободу совести человеческой и свободу исповедания веры за столько времени существования нашей свободной страны. Закон вышел обновленным, но не новым. Новыми вошли в него некоторые положения: о благотворительности, о пенсионном обеспечении, о налогах. Но запрет преподавания религии в школе как учебного предмета является самой дискриминационной стороной и старого, и «нового» Закона. Хотим мы этого или нет, но религия существует, церковь живет, занимает свое место не только в обществе, но и в умах и душах самых различных людей. Хотелось бы, чтобы она занимала достойное место и не уродовалась тем же самым религиозным невежеством.

В наше время было бы разумным введение факультативного изучения истории и основ религии в общеобразовательных и высших учебных заведениях представителями ведущих конфессий с правом участия этих представителей в педагогических советах. Религию и атеизм нужно поставить исключительно в одинаковые условия (политические, административно-финансовые).

Отправление служб и обрядов является только мизерной частью вероисповедания. Свобода слова, митингов, печати должна предоставляться и всем верующим в рамках существующих законов. Я хочу предложить отменить термины «культ» и «служитель культа», так как в последние времена эти термины приняли зловещую окраску. А есть церкви, служители церквей — христианской, буддийской, иудейской и т. д. Это термины политические и богословские, подходящие ко времени и способу выражения. На сегодняшний день церкви необходимо помочь возродить былую издательско-просветительскую деятельность, которая была ей присуща.

Хотелось бы знать, как быть с сохранностью памятников архитектуры и может ли государство давать дотации религиозным объединениям в связи со множеством вновь открывающихся храмов, монастырей, мечетей, костелов и т. д.

Итак, чтобы закон стал новым, нужно его строить на новом основании, не делая косметического ремонта. Такого закона ждали все: и верующие, и неверующие, потому что все мы должны быть одна семья.

Н. САКИДОН,
священник
Барвенково

■

Живет моя семья и еще около 8 тысяч человек в Черниговской области, недалеко от печально знаменитой Чернобыльской АЭС. Поселок наш — это образцовый учебный центр Киевского военного округа. Пятый год всех нас — офицеров, прапорщиков, солдат, женщин и детей — убеждают в отсутствии опасности для нашего здоровья. Но тогда зачем правительство принимает постановление об увеличении должностных окладов для работающих в зараженных областях? Кстати, данное постановление никоим образом не коснулось военнослужащих. Может быть, защитный цвет их формы является и защитой от радиации? Если так уж безопасна жизнь в нашем гарнизоне, то, может быть, есть смысл перенести сюда штаб Киевского военного округа со всеми его служащими и освободить в городе служебные и жилые помещения для коренных киевлян?

Сейчас очень часто в публикациях прессы, на радио и телевидении звучит тема «Детям Чернобыля». Кого подразумевают под этими «детьми»? То ли дети Припяти, то ли дети различных областей Белоруссии, то ли дети руководителей различных рангов. Я ни разу не слышала, чтобы дети нашего поселка в детских садах или школе получали особые «чистые» продукты, а уж об их оздоровлении и говорить не приходится. Наверное, трагедия на ЧАЭС обошла стороной военный гарнизон. Министерству обороны, видимо, не хватает средств. Кто же ответит за возможные последствия?

А. ЖУКОВСКАЯ,
жена военнослужащего
пос. Десна Черниговской обл.

■

29 октября 1990 года вышла трехчасовая программа «Авторского телевидения». Закончилась поздно, но люди все равно звонили — поздравляли, радовались новому, что появилось вдруг на экране.

Утром поздравил и наш главный редактор.

В час дня позвонил он же и трагическим голосом сообщил, что меня вызывает председатель Гостелерадио.

За столом М. Ф. Ненашев, его заместители П. Н. Решетов и Г. А. Шевелев и мы, руководство редакции.

Отметив, что передача «неплохая», было подвергнуто критике практически все (начиная от приглашенных нами людей и заканчивая негативной оценкой рубрик, представленных в программе «Авторское телевидение»). Прозвучала мысль и о том, целесообразно ли вообще делать эту программу.

Я слушала, смотрела на людей, поочередно учивших меня все 22 года, что я работаю, и думала. По сути, мало что изменилось с тех давних пор, когда я впервые пришла сюда. Так же нам присылают партийных непрофессионалов, которые ломают, корежат телевидение и нас. Только за последний год произошло огромное обновление руководства телевидения и редакций. И практически все эти люди пришли со стороны, не зная, не любя, не умея делать телевидение. И уходит последнее, что было с нами,— надежда. Мы еще пытаемся схватить, удержать ее, силой заставить быть с нами. Нам кажется, что мы, как профессионалы, нащупываем что-то очень важное для созидательной роли НОВОГО телевидения. В «Авторском телевидении» работают не экстремисты, не политики и конъюнктурщики, делающие карьеру. Мы не меняем одну конъюнктурную идею на другую, мы не хотим быть рабски послушны ни одной новой «правде», ни одному новому лидеру.

Наша внутренняя свобода, осознание себя, своей ответственности как граждан, как профессионалов не отменяют законов, действующих в цивилизованном мире.

1 ноября состоялась коллегия Гостелерадио. Молодежная редакция подверглась резкой критике председателя. Для руководства 1-й и 2-й программами чрезвычайные полномочия он дал своему заместителю П. Н. Решетову — тому самому, который год назад в передаче «Пресс-клуб» сделал 22 цензурные вырезки, даже не предупредив об этом руководство редакции, и долго не ставил в эфир нашу программу, снятую в шахтах Донецка. На требование шахтеров показать ее по телевидению написал нам следующую рекомендацию: «Прошу подготовить ответ депутатам, что вследствие нерасторопности редакции и рассогласованности действий внутри редакции фильм вовремя не вышел на экран и сейчас несколько потерял актуальность», а позже снял с эфира «Взгляд».

Сейчас Решетов начал с того, что пытается грубо вмешаться во все острые программы «Авторского телевидения». Одна из них сейчас находится на грани запрета.

И последнее. Весь год П. Н. Решетов (после знаменитых 22 вырезок) практически не вмешивался в работу редакции. И вдруг такой знакомый незабываемый командный стиль партийного руководства. Что произошло?

К. ПРОШУТИНСКАЯ

■

Наше демократическое правительство осудило вместе со всем мировым сообществом нападение Ирака на Кувейт и даже перестало поставлять оружие столь дружественному режиму. Но это сверху, а те, кого выпестовала система, в своем тесном кругу решили продолжить подготовку военных специалистов для иракской армии, подпитывать тоталитарный режим специалистами, хорошо обученными науке убивать. Подготовка ведется и под Ригой, о чем правительство Латвии вынесло официальный протест союзному правительству. Этот шаг встретил понимание и в военных кругах. Что может быть аморальнее не весь мир кричать об осуждении агрессоров, а самим натаскивать их военных специалистов?

Некоторым офицерам учебного центра, где обучаются наши «братья по оружию», было рекомендовано не отказываться от приглашения на прием в честь «блистательной» победы иракской армии над Кувейтом.

Верно глаголет истина: «Единственный урок, извлекаемый из истории, состоит в том, что из нее не извлекают уроков». Ираку помогаем осуществлять свои бредовые идеи, Ирану продаем современнейшие МИГ-29, а значит, и их курсантов надо скоро ждать в гости. Вот и хочется задать вопрос: до каких пор мы будем вооружать современным оружием весьма сомнительные режимы, готовя тем самым большие неприятности не только себе, но и всему миру? Все понятно: сбыт оружия — это валюта, все так делают — США, Англия, Швейцария. Только не становимся ли мы похожи на того прапорщика, что в Афгане душманам патроны продавал?..

А. ГОРШУНОВ,
военнослужащий
Рига

■

Я работаю в куйбышевском производственном объединении «Завод имени Масленникова». У нас издавна существует порядок распределения литературных приложений к журналу «Огонек». Занимается этим партком, который оставляет львиную долю для своих активистов, оставшаяся часть идет на другие общественные организации (профком, СТК, совет ветеранов и др.) и администрацию. Предполагалось, что так будет и в этом году.

Секретарь нашего парткома сообщил приятную для меня новость, что по линии администрации мне намечено выделить подписку на А. Дюма. Но радость моя мгновенно улетучилась, когда я услышал, что приложение предназначено только для коммунистов и им премируются только партийные активисты. Мои робкие ссылки на то, что сейчас другие времена, не возымели действия. Результат один — беспартийный не достоин читать А. Дюма. Хочешь получить приложение — подавай заявление в партию. Вот такой совет получил я от секретаря парткома.

И как же грустно становится после всего этого!

И. ПОСТОЛЬНЫЙ,
начальник отдела социального развития и услуг Куйбышевского производственного объединения «Завод имени Масленникова», беспартийный
Куйбышев

■

Сожгли дачу. Рассказываешь об этом друзьям, почти у всех одинаковая реакция: «А знаешь, сколько дач жгут сейчас повсюду?» (В моем письме речь идет о дачах, сожженных в одном из старейших подмосковных поселков, Кратово, построенном в начале 30-х годов.) То есть происшедшее воспринимается почти как норма.

В цивилизованном мире считают, что человек не зря прожил жизнь, если он построил дом, посадил дерево и вырастил сына. Оставить таким образом свой след на земле — мощный стимул для жизни человека. Какой же дом можно построить у нас в стране, в которой до сих пор не принят закон о частной собственности и нет понятия о том, что собственность неприкосновенна?

И другая сторона дела. Чьи дачи так активно жгут в этом году в Кратове? (За период с мая 1989 года по март 1990 года сожжено 9 дач, из них 7 дач евреев.) Одна из этих семи дач была построена заново ветераном войны, профессором и сожжена на второй день после окончания строительства.

Какова же реакция Раменского ОВД, на территории которого находится пос. Кратово, на небывалое количество поджогов в этом году? Никакой. По известным нам фактам, милиция с 1984 года не привлекала к ответственности за поджоги дач ни одного человека. Поджигатели чувствуют себя в поселке довольно вольготно.

В 25-м номере «Огонька» была публикация о свастиках на еврейских могилах на Ваганьковском кладбище. При осквернении еврейских могил во

СВОБОДНА ЛИ СОВЕСТЬ? ●
ПО ГОРСТИ ЗЕМЛИ НА ПОКЛОННУЮ ГОРУ ●
КОМПЕНСАЦИЯ ПОСЛЕ ДЕВАЛЬВАЦИИ ●

Франции по всей стране прошли массовые демонстрации протеста против фашизма, в которых принял участие и президент.

У нас в стране при проявлении национальной ненависти даже в случаях с массовыми убийствами людей, как это было в Сумгаите, Фергане, Баку, Оше и других городах, никаких демонстраций протеста в столице не было. У меня создалось впечатление, что большинство людей довольно безучастно относится к этим событиям и тем самым дает возможность реакционной части нашего общества стравливать нас по национальному признаку. И если мы не поймем, что национальная ненависть может задеть каждого из нас, и будем пассивно наблюдать за развитием событий не только на юге страны, но и в центре, локальный национальный пожар может перерасти во всеобщий.

Е. НАРОДИЦКАЯ
Москва

■

В прошлом году, кроме документов о реабилитации расстрелянного в 1937 году отца, я получила сообщение о необходимости обратиться в финансовые органы для получения компенсации за изъятое имущество отца.

Чтобы почтить память дорогого для меня человека, могилы которого нет, я решила перечислить компенсацию в фонд «Мемориала» и сообщила туда об этом в письме. Увы, поторопилась.

В официальном ответе из финансовых органов мне сообщили, что в соответствии с действующими нормативными законодательными документами «возврат реабилитированным гражданам или их родственникам конфискованных до 1947 года наличных денежных сумм производится с учетом денежной реформы 1947 года и изменения масштаба цен в 1961 году, то есть в размере одной сотой части изъятой суммы». В данном случае сумма к возврату составит 1 рубль 04 копейки.

Конечно, дело не в деньгах, хотя в 1937 году эта сумма (104 рубля) значительно превышала месячную зарплату матери — учительницы, но «законное» стократное уменьшение ее оскорбительно. Это что, нынешняя цена жизни? Горько и обидно за наше государство. Законы и указы вроде хорошие, а результат печальный.

В. ВАСИЛЬЕВА,
пенсионерка
пос. Шаховская Московской области

■

Добровольные народные дружины, рожденные в эпоху хрущевских «преобразований», благополучно дожили до перестроечных времен. А живой принцип добровольности превратился в обязаловку, включенную даже в один из пунктов социалистического соревнования: «За срыв дежурства в ДНД коллектив лишается призового места, а соответственно и премий».

И вот ответственные за это «добровольное» мероприятие «палками» загоняют людей на боевое дежурство.

Обязаловка никогда не приносила какой-либо пользы. Ретивые чиновники в погоне за процентоманией требуют от трудовых коллективов высоких показателей по выполнению дежурства в ДНД, руководствуясь принципом: чем больше, тем лучше. На дежурства направляют всех без разбору, порой даже больных, беременных женщин, лиц с уголовным прошлым. Удостоверение «дружинника» при этом имеют единицы, а остальные довольствуются повязками. Люди совершенно беспомощны юридически. А поэтому могут допустить, сами не желая того, правовое нарушение. А как оказать преступнику сопротивление? Мы знаем из средств массовой информации, что они прекрасно вооружены. Вот разве что попытаться усовестить? Но вряд ли это поможет.

Наш город имеет десятки больших и малых промышленных предприятий. Ими отчислены сотни тысяч рублей на борьбу с преступностью. Я думаю, что это действенная помощь милиции. Пусть каждый занимается своим делом. А если уж милиция не может обойтись без ДНД, то в народную дружину можно привлечь людей, способных выполнять это ответственное дело, а их труд стимулировать материальным вознаграждением.

Ю. ЕВСЕЕВ,
машинист локомотивного депо
Елец

■

С благодарностью воспринял я публикацию нескольких моих произведений в 34-м номере «Огонька». Во вступительной заметке автор ее рассказал, что многие мои книги в прошлые годы «правились», то есть искажались. Так было, и я просил не называть имен правящих и искажающих.

Но если не называешь имен, могут незаслуженно подразумеваться добрые и честные люди, с которыми я работал. Чтобы поправить это многозначительное чтение, я должен назвать тех, кто в тяжелые старые времена ставил подпись под моей книгой. Это были люди отважные. Все редакторы моих книг не то что «помогали» — они «прошибали» выход книги в свет. А уж над ними стояло неминуемое «начальство», которое мучило и меня, и редактора. Вот несколько имен добрых, достойных, к которым до сих пор отношусь с нежностью и благодарностью: Л. Либет, И. Скороходова, К. Арон, М. Катаева, Т. Носова, Г. Гладкова и, конечно, редактор «Учительской газеты» в те годы В. Матвеев.

Они только помогали, а уж искажали другие.

Юрий КОВАЛЬ

■

Я хочу коснуться сооружения памятника Победы, очередной конкурс на лучший проект которого, судя по скудному освещению в прессе, тихо и бесславно завершился. На мой взгляд, идея сооружения памятника Победы давно переросла рамки чисто архитектурных и художественных задач и требует совершенно нового, неформального подхода.

С давних времен у людей многих народов был такой обычай: чтобы надолго сохранить память о близких, брал человек горсть земли с могилы. Она помогала ему быть крепче духом в трудные минуты жизни. Вот и предлагаю я соорудить подобным образом, а не только с помощью крановой и бульдозерной техники, на Поклонной горе памятник. Для этого пусть каждый, кто захочет, возьмет с могил своих дедов, отцов, братьев, погибших в эту войну, по горсти земли и принесет или передаст ее на Поклонную гору.

Пусть ветераны войны возьмут с наиболее дорогих им мест, где они воевали и где погибли их боевые товарищи, по горсти земли и принесут эту землю в Москву. Пусть члены поисковых отрядов возьмут с братских могил по горсти за каждого бойца, похороненного в них, и вложат в этот холм. Пусть дети и внуки тех, кто ковал нашу Победу в тылу, не дожил до наших дней, сделают то же самое. Если это осуществится, то в холме этом будет земля с могил тех, кто отстоял нашу Родину в самую суровую годину испытаний. Вершину этого холма должен увенчать «Вечный огонь».

Вот, собственно, и вся суть моего проекта. Мне кажется, он найдет отклик в душе советских людей, у тех, кому дорога наша Победа и память о ней.

М. КОРОТКОВ
Москва

■

Не первый год я переписываюсь с другом из Бразилии и вижу, что как в застойный период письма проходили перлюстрацию, так и сейчас. Только раньше это делали поаккуратнее, теперь же не стесняются и не утруждают себя отпариванием клапана — просто разрезают бритвой, а потом ставят штемпель, будто письмо к ним пришло уже такое.

Та же история и с бандеролями. Ничего крамольного я оттуда не получаю — небольшие книжки, брошюрки, журналы. Сначала пакеты с журналами приходили со старательно перетертым по периметру краем, так, что журналы или полностью выпадали через эту прореху или можно было через нее рассмотреть содержимое пакета. И я посоветовал другу, чтобы он обклеивал пакеты по периметру широкой клейкой лентой. И что же?

С тех пор просто стали вспарывать пакеты бритвой. Иногда на них стоит приписка: «В местное отделение пришло в поврежденном виде».

Скрывать мне нечего, так как по профессии я художник и военных секретов не знаю, но все равно неприятно, когда бандероли приходят в выпотрошенном виде. Как все это увязать со статьей Конституции, касающейся тайны переписки?

С. ЯРОВОЙ
Москва

■

Я блокадник, получивший недавно почетный знак «Жителю блокадного Ленинграда». Отсюда и мысли все о хлебе.

До сих пор в стране идут жаркие споры, как лучше сохранить его в домашних условиях. Как оказалось, безрезультатные. Сотни больших и малых конкурсов на лучшую хлебницу таковой не выявили: в металлической хлеб на вторые сутки каменеет, в пластмассовой покрывается плесенью. Не спасает и дорогая, за 20—25 рублей, деревянная.

Семь лет назад мы вместе с моим финским знакомым из фирмы «Энсо-Гутцейт» Пентти Райвио совершенно неожиданно сделали открытие: картон! Лучше, надежнее всего хлеб хранится в картоне. К этой идее привел нас ломоть хорошо сохранившегося хлеба недельной давности, который был завернут в трехслойную толстую оберточную бумагу. Картон же оказался оптимальным материалом — легким, дешевым, отвечающим всем санитарным требованиям, а главное — гигроскопичным, в котором хлеб «дышит» и остается свежим в течение десяти дней. Причем совершенно не зеленеет!

Наша неплохая, по-моему, мысль тут же была подхвачена директором А/О «Энсо-Гутцейт», и первая тысяча прочных, быстро и просто складывающихся из предварительно вырезанных по трафарету картонных хлебниц дебютировала в Москве на международной выставке «Упаковка-83».

Успех ошеломил нас: официально приглашенные лица, специалисты, работники Внешторга, представители торговли и здравоохранения буквально расхватали новинку «на испытания», длящиеся... до сих пор! И на том все заглохло, хотя могло обернуться значительной выгодой: реально экономя хлеб, мы получили бы возможность пересмотреть закупку его за рубежом за твердую валюту. И плюс к тому сохранить дерево и металл, идущие на изготовление малополезных ящиков для хранения продукции пекарен.

Замечу, что «хлебный домик» исправно несет свою службу у нас в семье с 1983 года. И с тех пор мы не выбросили в отходы ни корки!

С. БРАТУХИН,
сотрудник отдела патентной информации ПТК Главмособлбыта

Обретя самостоятельность, «Огонек» отныне сам может выбирать себе главного редактора. 6 ноября 1990 года на общем собрании единогласно был утвержден главным редактором Виталий Алексеевич КОРОТИЧ. Согласно уставу журнала главный редактор избирается сроком на пять лет.

Игорь КЛЯМКИН

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЫБОР ПРЕЗИДЕНТА

Странички из политического дневника, автор которого пробует разобраться в том, что происходило и что произошло на нашей политической сцене с июля по октябрь 1990 года

ПЕРЕСТРОЙКА КОНЧИЛАСЬ. НАЧНЕТСЯ ЛИ РЕФОРМА?

Слово «перестройка» многие ругали и ругают до сих пор. Говорили (и говорят), что оно из старого идеологического словаря, обслуживавшего тоталитарное жизнеустройство — то самое, которое вроде бы и подлежит переустройству. Слово казалось (и кажется) неуместным и даже подозрительным, потому что строить по заранее составленным планам и чертежам и соответственно перестраивать (по другим планам и чертежам) только тоталитарную систему и можно, нормальное же общество, к которому мы вознамерились двинуться, спроектировать и построить нельзя, как нельзя спроектировать и построить организм и душу каждого из нас.

Все эти соображения, конечно же, справедливы, но слово «перестройка» вошло в отечественный и мировой повседневный обиход, и многие из нас, в том числе и я, долго использовали его как равнозначное слову «переход» (от тоталитаризма к демократии). Но в октябре этого года произошли события, после которых я, наверное, уже никогда не рискну произносить «перестройка», а подразумевать — «переход». Потому что в октябре этого года слово «перестройка» выявило наконец свой до того не очень явный смысл. Как-то сразу вдруг стало ясно, что оно не было таким уж неудачным, а было, наоборот, очень даже точным, и если оно кого-то смущало, то лишь потому, что использовалось не по прямому назначению. Мы относили его к обществу, переходящему из одного состояния в другое, а оно было уместным лишь по отношению к тому общественному слою, который обществом руководил и который, чтобы сохраниться, должен был попробовать превратить себя во что-то другое. Я имею в виду нашу центральную бюрократию, которой понадобилось пять с половиной лет, чтобы понять, что, во-первых, ей не удержаться без рынка, что, во-вторых, его нельзя приспособить к себе, а надо приспосабливаться к нему и что, в-третьих, надо, по возможности, изобрести такой рынок, который не оставил бы ее не у дел. Простой перелицовкой и даже капитальным ремонтом тут было не обойтись, тут нужна была именно перестройка, когда некоторыми, совсем уж прогнившими частями старого здания власти ей (власти) пришлось пожертвовать, в том числе и в фундаменте, другие заменить, а оставшиеся нетронутыми кабинеты с прежними или новыми хозяевами употребить для работы, которой в них раньше не занимались.

Да, только в октябре нынешнего года, когда были утверждены основные направления перехода к рынку, устроившие *все* центральные институты власти (и Президента, и правительство, и Верховный Совет), выяснилось наконец, чем была наша перестройка. Повторяю: она была, как мне кажется, долгим приспосабливанием нашего правящего слоя к условиям перехода к рынку и проектированием такого рынка, к которому можно приспособиться. Об этом я еще, разумеется, скажу подробнее, но и сказанного, думаю, достаточно, чтобы иметь право утверждать: если перестройка старой власти для проведения реформ закончилась, если она заговорила на чистом рыночном языке, перестав засорять его идеологическими архаизмами из словаря административной экономики, если она спустилась, наконец, с зияющих высот на землю и перестала удерживать там других, то слово, служившее символом обновления нашей жизни, теперь уже ничего не символизирует, а раз так — от него пора отказаться, к чему я вас и призываю.

Нам всем очень важно понять, что закончилось и что началось в конце октября. Это важно, чтобы бодрящие надежды вчерашнего дня побыстрее признать наивными иллюзиями, а иллюзорность надежд признать недостаточным основанием для их крушения, но вполне достаточным для их пересмотра.

Людям демократических убеждений пора понять, что надеяться они могут не на людей при должностях, даже самых высоких, а прежде всего на самих себя, что жизнь складывается не так, как им хочется, только потому, что они слабы, чтобы повлиять на нее серьезно и основательно, а слабы потому, что старая власть за пять лет успела себя перестроить, чтобы проводить реформы по-своему, демократия же не успела себя построить, чтобы составить конкуренцию власти. Пора понять, что наш Президент постоянно колеблется и проявляет непоследовательность не потому вовсе, что у него не хватает личной решимости послужить делу демократии. Да, стране нужны глубокие реформы, но реформы, или, что то же самое, революции «сверху», отличаются от революций «снизу» тем, что их проводит старая власть, старый правящий слой, который для этого должен себя «перестроить», в чем и должен помочь ему лидер-реформатор. Не забудем в конце концов, что и Бисмарк в Германии, и его российский последователь Столыпин, которого так любят поминать сегодня добрым похвальным словом, в первую очередь думали о перестройке средневекового помещичьего хозяйства и старого государственного аппарата на новый, товарно-капиталистический лад, а не о том, чтобы как можно скорее отправить их на свалку истории. При этом они тоже в той или иной степени вынуждены были заниматься тем, что мы называем «демократизацией», и очень многие демократы тоже ругали их за непоследовательность и нерешительность, но лишь очень немногие понимали, что упреки посылаются не по адресу. Реформаторы занимались «демократизацией», старались пробудить к экономической и политической жизни новые, свежие силы, но не для того, чтобы вытеснить старые, а для того, в том числе, чтобы эти последние увидели реальных конкурентов и поняли, что без перестройки им не обойтись.

Так что во избежание новых разочарований не будем требовать от Михаила Горбачева, чтобы он, находясь в положении Яноша Кадара, действовал, как Вацлав Гавел. Я не знаю, сумеет ли наш правящий слой, завершив свою перестройку, начать реформы в экономике и довести их хотя бы до того рубежа, перед которым остановилась Венгрия при Кадаре. Но я знаю, что надежды нашей юной демократии должны питаться не этим, а тем, что революции «сверху» не сводятся и не могут сводиться к самообновлению «верхов», что они не могут не открыть хоть какой-то простор для экономического и политического самоутверждения бывших «низов». Освоить это пространство и, накапливая силы, расширять его — вот в чем сегодня, как и всегда в такие моменты, историческое призвание демократов, и, чтобы не изменить ему, им и нужно побыстрее определить, каковы их интересы, в чем эти интересы совпадают и чем отличаются от интересов перестроившейся власти. И тогда, быть может, исчезнет соблазн устраивать на политической арене фехтовальные турниры лидеров, в которых столкновение несовпадающих интересов выглядит как столкновение личных обид и уязвленных самолюбий, что, конечно же, вносит не желанную ясность, а новую порцию пугающей темноты в уставшие головы миллионов людей.

Определиться важно еще и для того, чтобы не мучить себя и других неразрешимыми загадками, кроссвордами и ребусами, не испытывать снова и снова нашу сообразительность, в который раз предлагая объединить «центр» с «левыми» против «правых» после того, как ни первых, ни вторых, ни третьих в прежнем виде уже не существует. Да, такая знакомая, такая привычная политическая картинка, в середине которой — Горбачев, слева от него — Ельцин, а справа — Лигачев (потом Полозков), безнадежно устарела. С этим нелегко примириться: ведь совсем недавно она была очень точной. Еще летом и в начале осени все политические персонажи находились на своих местах, несхожесть их была всем очевидна, их взаимоотношения выглядели прозрачно-ясными, а будущее этих взаимоотношений казалось многим более чем обнадеживающим для «левых» и более чем безнадежным для «правых». Но сейчас, после октябрьских дебатов и голосований в союзном парламенте, эта картина уместна разве что в музее истории перестройки.

Вполне отдаю себе отчет в том, что мои утверждения сами начинают напоминать кроссворд или ребус и что пора объясниться. Но, чтобы объясниться и быть понятым, я должен пригласить читателя в пока еще только воображаемый музей и вместе припомнить, а припомнив, поразмышлять о том, что же происходило на нашей политической сцене с июля по октябрь нынешнего года.

ЛЕТНИЕ НАДЕЖДЫ И ОСЕННИЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ

В конце июля — начале августа Горбачев сделал несколько заметных шагов влево. Но сначала — несколько известных, почти прописных истин, без упоминания о которых июльский поворот Президента будет не очень понятным.

Нашей хозяйственной жизнью до самого последнего времени заведовали два всевластных чиновника: партийный и ведомственный, причем оба они были тайными или не очень тайными сотрудниками военно-промышленного комплекса, составлявшего скелет советской экономики и сообщавшего устойчивость тоталитарному режиму.

Но вот наступил день и час, когда они вдруг увидели, что при дружной их работе дело не идет. И ладно бы только с колбасой и сыром возникли осложнения — такие трудности им были не страшны, за могучей спиной военно-промышленного комплекса это и не трудности были вовсе, а так, пустячок. Но тут выяснилось, что и военно-промышленный комплекс начинает терять силу, чтобы успешно гнаться за другим, заграничным военно-промышленным комплексом, и, того и гляди, вот-вот начнет безнадежно отставать. Увидев это, два наших чиновника задумались над тем, как справиться с выпавшими на их долю неожиданными испытаниями и, если понадобится, «перестроиться». И это именно им потребовалось свыше пяти лет, чтобы после невеселого опыта ускорений, госприемок, двух моделей хозрасчета и других оригинальных изобретений прийти к тревожному выводу насчет того, что нельзя перестроиться, ничего не меняя и не меняясь самим, если, конечно, рассчитываешь выжить, а не похоронить себя под руинами, оставленными перестройкой, не сумевшей стать реформой.

Так жизнь подвела наших реформаторов во главе с Горбачевым к чужим словам: «рынок», «приватизация», «частная собственность» и заставила сделать их своими. Но реформаторы, сами вышедшие из среды партийного и ведомственного чиновничества, прекрасно понимали, что для него это спасительное чужое лекарство страшнее яда. Поэтому, быть может, они так долго и медлили. Но когда медлить стало еще опаснее, чем не медлить, и чужие слова стали произноситься, как свои, чиновник не на шутку встревожился и рассердился. Особенно партийный, который только потому и мог считать себя нужным и претендовать на безбедное существование, что советских людей, которыми он руководил и которых направлял, куда следует, соединяли друг с другом не рыночные, не экономические связи, а политические и идеологические, а при таких связях труженик партаппарата чувствовал себя так же уверенно, как предприниматель на рынке, и даже лучше: риска все-таки меньше. А теперь еще раз вспомните все, что происходило нынешним летом на Учредительном съезде компартии России, а затем на XXVIII съезде КПСС, вспомните, как набрасывались на Горбачева работники аппарата, вспомните, как возмущались они тем, что новый экономический курс был намечен в Президентском совете, минуя Политбюро, вспомните все это, и вы согласитесь со мной, что это были отчаянные попытки уберечь себя от уничтожения рынком.

Попытки, как известно, успехом не увенчались. Партийный съезд, его большинство поддержали курс Горбачева на углубление и ускорение хозяйственной реформы и освободили его от опеки консерваторов в высших эшелонах партийного руководства, выведя их из Политбюро и оставив в меньшинстве в ЦК. Это был конец прямого господства партократии, которая вынуждена

была удовлетвориться тем, что ей удалось сохранить «партию-авангард» (то есть партию с аппаратом и ячейками по месту работы), и смириться с тем, что ей придется приспосабливаться к рынку.

Смириться и приспосабливаться — значит не мешать, но и не способствовать, считаться инициатором реформ (партия, что ни говори, правящая!) и остаться как бы в оппозиции к ним, не беря на себя ответственность за последствия. Смириться и приспосабливаться — значит попробовать изменить политическое лицо и — одновременно — сохранить его, значит так изловчиться, чтобы совместить в одном лице предпринимателя, чьи доходы возмещали бы тающие поступления от членских взносов и партийной печати в партийную кассу, и защитника трудящихся от предпринимателя, который должен быть заранее объявлен капиталистом и эксплуататором, наживающимся на народных страданиях.

Я совсем не уверен, что завершающий свою перестройку партаппарат долго просуществует в двух лицах, смотрящих в противоположные стороны. Скорее всего партийный чиновник, пускающий сегодня в дело партийное имущество и обнаруживающий в себе талант предпринимателя, завтра постарается расстаться со своими нынешними друзьями и соратниками, которые могут делать жизненную карьеру только на том, чтобы не поступаться принципами. Но эти будущие раздоры у нашей бывшей партократии впереди; пока же она пробует приспособиться к новой жизни, сохраняя старое единство.

Присмотритесь, скажем, к последним речам Полозкова, которого так много и охотно ругают за нелюбовь к рынку. Присмотритесь, и вы увидите, что он вовсе не против рынка, но лишь в том случае, если рынок не оставит его и его партию без приличной политической работы и оставит без серьезных конкурентов в коммерции, соперничества с которыми этой партии не выдержать. Поэтому Полозков очень не хочет, чтобы на рынке появились люди, которых «пока называют классом предпринимателей», и очень хочет, чтобы основным действующим лицом на нем, то есть основным «предпринимателем», контролирующим ведущие отрасли хозяйства, осталось государство: предполагается, наверное, что о давних родственных отношениях с партией оно не забудет и мешать ей не будет. Перечитайте выступление Ивана Кузьмича на последнем Пленуме ЦК КПСС, и вы убедитесь, что его представление о рынке я передаю правильно. Не исключаю поэтому, что тот рынок, за который в октябре проголосовал Верховный Совет СССР, лидера Российской компартии вполне устраивает, как устроил он, судя по публичным заявлениям, Егора Кузьмича Лигачева. Потому что экономические позиции нынешнего государства, его центральных органов «Основные направления» защищают решительно и безоговорочно. Думаю, кстати, что совсем не случайно на том же Пленуме Полозков решился произнести так много ободряющих слов в адрес Президента, который к тому времени не успел еще стать автором «Основных направлений», но успел отказаться от своей прежней программы и получить дополнительные полномочия, увеличившие экономическую силу союзного государства. Сторонники Полозкова надеются, что сила эта не будет использована в ущерб их интересам, и я думаю, не без оснований, если вспомнить, что один из первых же указов увеличившего свои полномочия Президента взял под защиту принадлежащую партаппарату собственность.

Вот и задумаемся: где теперь проходит граница между «правыми» и «центром»? И существует ли она, эта граница?

Но я забежал слишком далеко вперед. В июле, когда закончился XXVIII съезд, Полозкову хвалить Президента было еще не за что, наоборот, нужно было сдерживать себя, чтобы не ругать. Потому что Горбачев сразу же после съезда, поддержавшего курс на переход к рынку, начал двигаться по дороге, на которой партийный чиновник стать его спутником не мог, и расстояние между ними быстро увеличивалось. Как вы помните, Президент протянул тогда руку человеку, который сделал себе громкое политическое имя на противостоянии партийному чиновнику и который на XXVIII съезде во имя полной от этого чиновника независимости объявил себя беспартийным.

Президент, как вы помните, протянул руку Ельцину. Это был шаг логичный и, казалось, единственно возможный. К тому времени всем уже было ясно, что переход к рынку на первых порах требует от людей жертв и терпения, а жертвовать и терпеть они могут согласиться, если реформы проводит власть, пользующаяся их доверием. Горбачев не мог не понимать, что по части доверия у него есть проблемы. У Ельцина этих проблем не было. Кроме того, Ельцин успел уже из оппозиции переместиться во власть, пробившись на высший пост в самой большой нашей республике. И эти два слишком очевидных плюса не могли не перевесить один не менее очевидный минус — разрыв Ельцина с партией, которую продолжал возглавлять Президент.

Многим казалось, что после этого поворота у Горбачева дороги назад нет, что он сделал свой выбор раз и навсегда, и выбор этот в том, чтобы помочь укрепиться новым силам и новым людям, пришедшим к власти в России и других республиках, опереться на них и вместе с ними продвигаться вперед по пути реформ, отодвигая в сторону их противников. Оглядываясь назад, я вижу, что уже тогда были основания усомниться в окончательности этого выбора, но тогда сомневаться не хотелось, сомневаться все устали, хотелось надеяться. Да и трудно было в то время предвидеть, каким и куда может быть отступление. Но — обо всем по порядку.

Впервые Горбачев повернулся лицом к «радикалам» 27 июля, когда он пригласил к себе группу ученых и публицистов, пишущих о реформе в экономике. Я был на той встрече и хорошо помню главное свое ощущение: Президент демонстрирует готовность идти влево. Именно так: не идет, а демонстрирует готовность идти. Этим я объяснял себе, почему, с одной стороны, были приглашены люди, не устающие критиковать экономическую политику властей за консерватизм, а с другой — почему среди них не было ни одного действующего левого политика, ни одного представителя новых партий и движений.

Поворот демонстрировался слишком явно и недвусмысленно, чтобы слушавшие Горбачева могли не заметить этого. Во-первых, ни одного слова о левой опасности. Во-вторых, отчетливо выраженная мысль о том, что при переходе к рынку нужно объединение всех демократических сил против правых. В-третьих, призыв к созданию ради этого «левого центра», в котором и он, Горбачев, видит свое место. В-четвертых, признание, что в сложившейся обстановке отказываться от союза с Ельциным — значит плыть против естественного течения жизни. Мы не могли не оценить смелость и новизну тех заявлений, помня о том, что до этого Горбачев демонстрировал обычно совсем другое — раздражение левыми и нежелание ни соглашаться с ними, ни даже искать согласия.

Кое-что, правда, в высказываниях Горбачева смущало и в тот день, прежде всего его просьба не очень обижать правительство и не требовать его отставки, так как оно, мол, ничего против рынка не имеет и его намерения двигаться к рынку день ото дня становятся все определеннее и радикальнее. Смутило, по крайней мере меня, и высказанное Президентом соображение о том, что наверху противники реформ отодвинуты (имелось в виду поражение консерваторов на XXVIII съезде), и теперь главный очаг сопротивления — среднее хозяйственное звено. Получалось, что наверху, то есть в ведомствах и в правительстве, намерения самые решительные, и потому опять-таки нет никаких оснований для недовольства им: оно, конечно, ошибалось, но вот-вот исправится.

Мы тогда с этой прямой и косвенной защитой правительства, разумеется, не согласились и пробовали доказывать, что его политическое время исчерпано, доверия народа после невыполненных программ и обещаний ему не вернуть и что продлить это время Президент может только за счет своего. Теперь я понимаю, как наивны были наши советы. Нам казалось, что раз уж обнаружилась отсутствовавшая раньше политическая воля для быстрого движения к рынку, раз уж появилась решимость объединиться с левыми, то этой воли и этой решимости вполне достаточно и для того, чтобы добиться отставки правительства. Тем более что полномочий для этого у Президента хватает. Но, насколько помню, никому из нас не пришла в голову простая мысль о том, чтобы попробовать сравнить экономический и политический вес сил, стоявших за правительством, с весом тех, кто требовал его отставки.

Мы не думали обо всем этом скорее всего именно потому, что наверху началось долгожданное движение. Казалось, что коли уж решился на него такой расчетливый, неопрометчивый человек, как наш Президент, значит, он считал, что главные препятствия устранены. И поначалу эти предположения вроде бы подтверждались. Правительство, правда, оставалось на месте и продолжало порученную ему Верховным Советом доработку программы перехода к рынку. Но в начале августа Горбачев действительно заключает открытый союз с Ельциным, и под их общим руководством создается группа, которой поручается представить другую программу. Это, признаюсь, было даже несколько неожиданно. На июльской встрече Горбачев убеждал нас, что правительство сумеет найти кратчайшую и наилучшую дорогу к рынку, и не очень прислушивался к возражениям насчет того, что по этой прекрасной дороге за правительством, которому не верят, никто не пойдет. Создавая группу Шаталина — Явлинского, Горбачев тем самым заявлял, что он сомневается в том, в чем убеждал нас несколько дней назад, то есть сомневается в самой программе правительства и не надеется, что оно сможет сделать ее приемлемой. А если вспомнить, что вскоре Горбачев выступил в Одессе, где впервые высказался в пользу частной собственности и приватизации, то будет нетрудно сообразить, что его собственные представления о приемлемом и неприемлемом к тому времени существенно поменялись.

Казалось, что дни руководителей Совмина сочтены, что они не выдержат давления со всех сторон и вот-вот сойдут со сцены. Они не хотели соглашаться с тем, что предлагали их оппоненты из созданной Горбачевым и Ельциным команды, и давали понять, что поступаться своими идеями и браться за воплощение чужих они не собираются. Между тем Президент явно склонялся к этим чуждым им идеям. На сессии Верховного Совета он скажет, что отдает предпочтение шаталинской программе, которую и предложит затем с некоторыми поправками.

И вот когда все вроде бы было предрешено, когда парламент России, почти единогласно проголосовав за «500 дней», не оставил парламенту союзному никаких шансов проголосовать иначе без огромных потерь для своей репутации, произошла осечка. Верховный Совет, который обычно соглашается с руководством, если то что-то предлагает, на этот раз Президента не поддержал и программу его не выбрал. Больше того, под давлением правительства и Верховного Совета Горбачеву пришлось соглашаться на создание новой программы на основе не одной, а двух программ, которые сами их авторы не раз и не два объявили взаимоисключающими и потому несогласуемыми.

Так закончилось, натолкнувшись на какую-то невидимую преграду, недолгое движение нашего Президента в левом направлении.

Попробуем же выяснить, в какую стену он уперся и почему воздвигнувшие эту стену оказались сильнее, чем он, хотя все вроде бы было против них.

ПОЧЕМУ ЖЕ УСТОЯЛО ПРАВИТЕЛЬСТВО?

Надеюсь, читатель не забыл о втором чиновнике, который вместе с партийным долго правил бал в нашей жизни,— о чиновнике центральных ведомств. Он оказался покрепче своего старшего брата и устоял. Устоял потому, что оказался нужнее, чем партийный идеолог и организатор, военно-промышленному комплексу, а военно-промышленный комплекс, в свою очередь, устоял потому, что отодвинуть его труднее, чем казавшуюся несокрушимой партократию, отодвинуть же труднее потому, что сила его не только в сказках о «светлом будущем» и даже совсем не в них.

Вот кто стоял за спиной правительства и вот почему его не удалось отправить на заслуженный отдых от государственных дел — об этом несколько дней назад на сессии Моссовета хорошо говорил и Гавриил Попов. Мы еще, кажется, не поняли толком, что произошло. Несколько недель страна просыпалась и ложилась спать под звуки одних и тех же призывов и возгласов, напоминающих Рыжкову и его помощникам, что они должны немедленно уйти в отставку. Этого еще летом потребовали готовящиеся бастовать шахтеры, потом требовали Ельцин и российский парламент, требовали огромные митинги в самом центре Москвы и множестве других городов. Мы еще не поняли, не отдали себе отчет в том, что правительство устояло *против страны*, а это значит, что в стране есть что-то посильнее, чем страна. Вероятно, Рыжков и Абалкин осознавали это лучше нас. И поэтому, наверное, так спокойно, уверенно, не без чувства собственного достоинства и не без уважения к собственной твердости держались они на парламентской трибуне, поэтому, успев по ходу внедрения в жизнь своих программ посадить нас всех на карточки и талоны, они продолжали настаивать на том, что только их планы выведения нас из кризиса правильны сейчас и были верны всегда, а другие планы не выдерживают критики.

Разумеется, вслух о стоящих за ними силах политические деятели обычно не говорят, и руководители нашего правительства исключением из этого правила не стали. Как и полагается в таких случаях, они говорили о народе, который хотят защитить, и о его интересах, о которых не имеют права забыть, а также о вещах менее значительных, но, с их точки зрения, существенных. Они говорили о том, что доработку программы им поручил Съезд народных депутатов и, пока он своего решения не отменил, никакую другую программу Верховный Совет не имеет права обсуждать вообще. Они говорили о том, что принимаемые ими меры ведут не к улучшениям, а к ухудшениям не потому, что эти меры плохи, а потому, что в стране нет стабильности, стабильность же зависит не от них, а от политического руководства, и желающие могли догадаться, что под политическим руководством они не в последнюю очередь подразумевают Президента. Но если бы они в свое оправдание могли сказать только это, если бы не было у них козырей, о которых обычно не говорят, но о которых, кому надо, всегда знают, то они бы, конечно, не устояли.

Догадываюсь, что такого либерального и интеллигентного человека, как Леонид Иванович Абалкин, может покоробить провозглашение его идеологом ведомственного чиновничества и военно-промышленного комплекса. Но, если вдуматься, ничего обидного в этом нет. Это сегодня в нашей стране примерно то же самое, что быть идеологом реформы, если под реформой понимать не бог весть что, а самообновление старой власти. Роль, конечно, не столь эффектная, как у идеолога слома прежней системы, но тоже вполне достойная. Тем более что мы теперь знаем: слом хорош, когда сломанное есть чем заменить, иначе может случиться очередной великий скачок в никуда. У нас же насчет замены пока хуже некуда, и это — серьезный довод в пользу неспешности и постепенности. Сторонник обновления старой власти мог бы, например, сказать, что центральные ведомства желательно не разрушать, а реформировать, отдавая им контрольные пакеты акций на акционерных предприятиях, по той простой причине, что в той же России, допустим, никаких других крепких органов хозяйственной власти нет и в один день они не возникнут. Можно было сказать и о том, что неумно разваливать военно-промышленный комплекс, составляющий фундамент на-

шей экономики, что надо постараться «перестроить» его таким образом, чтобы он работал не сам на себя, а на наши с вами нужды. Можно было, наконец, сказать и о том, что грубо ущемлять интересы военно-промышленного комплекса в целом и армии в частности — значит провоцировать тот самый военный переворот, которым так любят пугать нас сегодня самые демократические демократы, забывая, что он случается обычно или в обстановке, когда гражданская власть парализована, или в ситуациях, когда военных начинают очень уж обижать.

Короче говоря, сторонник обновления старой власти мог бы привести немало доводов в защиту своей точки зрения, с которыми можно не соглашаться, но которые заслуживают того, чтобы быть услышанными. Но в том-то и дело, что руководители нашего нынешнего правительства чаще выступали не как идеологи обновления правящего слоя и его приспособления к рынку, а как идеологи приспособления рынка к необновленной власти. Они выступили как идеологи центральной бюрократии, но идеологи не очень сильные и очень недальновидные. Вспомните, как и за что критиковали они шаталинскую и президентскую программы, и вы, я думаю, согласитесь со мной.

В этих программах при всех их достоинствах по сравнению с правительственной было, как многие считали, немало уязвимого. Их авторы общедоступно не объяснили, как им удастся нынешние бумажки, которые мы по привычке называем деньгами, заменить на настоящие деньги, не вводя свободные цены; как они намерены, не имея настоящих денег, стабилизировать экономику и заставить производителей и потребителей искать и свободно выбирать друг друга; как они добьются, чтобы прекращение централизованного финансирования не привело к закрытию предприятий, продукция которых нам с вами больше всего нужна; как они уговорят производителей, выпускающих товары первой необходимости, продавать их по замороженным низким ценам, если другие предприятия смогут устанавливать цены по своему усмотрению. Вопросы были, а убедительные ответы были не всегда. И многих смущало, что в тех случаях, когда ответов не было, авторы все свои надежды возлагали на спасительную силу государства: пока не появятся настоящие деньги и возможность свободно выбирать партнеров, ему поручалось следить за сохранением старых хозяйственных связей и заставлять производителей производить то, что им экономически невыгодно. По силам ли это нашему слабеющему союзному государству и еще не созданному государству Российскому, экономисты почему-то не думали, полагая, наверное, что это дело политиков, а политики, соглашаясь с экономистами, не думали о том, сумеют ли они справиться с заданной им задачей.

Но руководители союзного правительства, критикуя шаталинскую и президентскую программы, об этих слабостях почти не говорили, а если говорили, то походя. Да и что могли они возразить своим оппонентам и конкурентам, верящим в силу государственной власти, если сами они верили в эту силу еще больше! Но — и в этом, собственно, вся разница — одни говорили о власти республик, требуя, чтобы центр признал их право распоряжаться собственностью, а другие — о власти центра, требуя республикам ничего существенного не отдавать. В этом, повторяю, вся принципиальная разница, все остальное — детали, нюансы, следствия, включая наделавший столько шума вопрос о централизованном административном повышении цен: о нем уже, кажется, все благополучно успели забыть, хотя, быть может, и рановато. Но вряд ли забылся, а если забылся, то уж точно зря, вопрос, заданный парламентариям и всем нам академиком Абалкиным: у нас есть единое государство или его уже нет? Если есть, то оно должно иметь власть, которую имеет любое государство, а не дробить ее на пятнадцать или больше частей. А если нет, тогда надо в этом признаться, не вводить друг друга в заблуждение, распустить все центральные органы, а заодно и самих себя, то есть союзный парламент. Так или примерно так рассуждал академик Абалкин, настаивая на проведении реформы из центра при сохранении всех или почти всех его полномочий по отношению к республикам. Любой московский гражданский или военный чиновник мог быть доволен: его права отстаивались последовательно и непреклонно. Но умный чиновник не мог не понять, что таким образом, как делают Рыжков и Абалкин, его уже не защитить.

К лету этого года, когда начался шумный и нескончаемый «парад суверенитетов», стало ясно, что республики не будут больше послушно и безропотно следовать предписаниям центра. Они дали понять это и тогда, когда их парламенты отказались принимать к исполнению весеннюю правительственную программу перехода к рынку (ту знаменитую, что намечала повысить цены), и тогда, когда не испытали желания помочь центральным ведомствам «перестроиться», то есть получить контрольные пакеты акций расположенных в республиках предприятий. Стало ясно, что в такой обстановке программу, принятую в центре и обязательную для республик, придется на их территории вводить разве что насильно, что будет означать и конец перестройки, и крах перехода к рынку, который защитить штыком можно, но внедрить — невозможно. Ну, а если без насилия, то нужно было готовиться к тому, что «парад суверенитетов» станет парадом шестнадцати программ, пятнадцать из которых начнут выполняться, а одна, принятая центром, останется на бумаге и станет выразительным подтверждением его бессилия и безвластия. Горбачев, похоже, все это понял. Он понял, наверное, что правительство, не желающее поступаться принципами, которыми уже поступилась жизнь, ведет страну к тому самому распаду, от которого оно хочет ее предохранить. Вот почему он пошел в августе на союз с Ельциным и создал группу для разработки совершенно новой программы, которая, с одной стороны, устроила бы республики, а с другой — не оставила бы без работы центр. И вот почему, мне кажется, он согласился с этой программой, которая хоть и ущемляла свободу Кремля, увеличивая свободу республиканских столиц, но представителей этих столиц вроде бы устраивала.

Но это не устроило правительство и стоящие за ним силы. Горбачев уговорил составителей программы на уступки: в варианте, представленном союзному парламенту от имени Президента, центру возвращались некоторые права, в частности право самому взимать налоги, а не просто зависеть от налоговых отчислений республик. Но и это не устроило тоже. Центральные ведомства не могли отказаться от своих притязаний на собственность республик, которая от них уплывала, а вместе с нею уплывала и власть. Военно-промышленный комплекс не мог не опасаться дробления на пятнадцать частей: он был несущей конструкцией военной империи, в этом была и есть вся его сила, и она может остаться приятным воспоминанием, если конструкцию начать демонтировать.

Так Горбачев оказался перед выбором: или согласиться на правительственную программу, которая не будет выполняться, или настаивать на своей программе, пробивать ее через сопротивляющийся парламент, объявив войну всей центральной бюрократии, всему правящему слою, то есть превратив себя из реформатора (типа Яноша Кадара) в революционного президента (типа Вацлава Гавела), но без и помимо народной революции. Решив, очевидно, что между нелепостью и чудом для политика выбора нет, он попросил время, чтобы попробовать соединить одно с другим. Ему говорили, что это невозможно, однако ему ничего не оставалось, как взяться доказывать, что невозможное возможно.

Но еще до продумывания и представления доказательств Президент попросил взаймы у Верховного Совета часть его полномочий, чтобы самому принимать решения по важнейшим хозяйственным вопросам. Мне кажется, что этот его шаг не был должным образом понят и оценен. Я думаю, что это было вторым за нынешний год проявлением глубочайшего кризиса, в котором завяз наш правящий слой, тех непосильных для него трудностей, с которыми он столкнулся, стараясь отстоять свои интересы и «перестроиться» для проведения реформы. Раскол литовской компартии и трагические январские события в Баку показали, что для повседневного управления становится непригодным партаппарат. Политический кризис привел к тому, что Горбачев стал Президентом и получил дополнительную политическую власть. Нынешний экономический кризис обнаружил, что не только партаппарат, но и центральные ведомства вместе с правительством перестают быть властью, с которой считаются, и потому им ничего не оставалось, как к дополнительным политическим полномочиям Горбачева добавить дополнительные хозяйственные. И когда я говорил о том, что центральная бюрократия завершила перестройку, я имел в виду и это ее самоизбавление от непосильных для нее обязанностей, в том числе и законодательных, без сколько-нибудь чувствительных потерь в правах.

К тому же результату привело и соединение двух несоединимых программ в «Основные направления». Все (или почти все) права, которые предполагалось передать республикам президентской программой, остались правами центра, как предполагалось программой правительственной. Зато республикам досталась почти вся полнота ответственности. Так октябрьские парламентские голосования прояснили нынешнее соотношение политических сил. Центральная бюрократия достаточно сильна, чтобы удерживать власть, но она бессильна, чтобы осуществлять реформы. Поэтому она не в состоянии предлагать конкретные программы, за которые надо отвечать, и может лишь наметить «Основные направления», толковать которые и отвечать за свои толкования предстоит другим. В свою очередь, эти другие (республики) достаточно сильны, чтобы не принимать программы реформ, идущие из центра, но недостаточно сильны, чтобы вместе с ответственностью получить и соответствующие права.

Так центр, пройдя через острое, временами драматическое противоборство разных группировок, нашел способ приспособиться к обстановке, сложившейся после «парада суверенитетов».

Можно ли, однако, утверждать, что тем самым наша бюрократия действительно перестроилась, то есть приспособила себя для перехода к рынку, а не отговорилась от него новыми словами? Думаю, что коли уж слова она взяла новые, переписав их из шаталинской программы, то не потому, что хочет отговориться, а потому, что перестала оглядываться назад и намерена искать счастье впереди. А впереди ничего, кроме рынка, не найдешь, вместо рынка там могут быть лишь голод и холод с сопутствующими им потрясениями и кровью. Поэтому «Основными направлениями» она хочет не уйти от рынка, а войти в него с выгодой для себя. Ее выгода уже в том, чтобы взять себе права без ответственности, а другим отдать ответственность без прав. Выгода в том, что сохраняются хорошие шансы сделать так, как хочет того и бывшая партократия, то есть так, чтобы основной фигурой на рынке было государство, превратившееся из административного монополиста в монопольного «предпринимателя» и акционера.

Но раз так, то это значит, что людям, которые противостоят бюрократии и не принимают ее способ движения к рынку, самое время еще и еще раз задуматься о том, почему все же выбран был этот способ, а не другой, почему так могло случиться, что союзная власть без всяких неприятных для себя последствий смогла не посчитаться с мнением высшего выборного органа самой большой нашей республики, во многом совпадавшего с мнением властей в других республиках.

ВЛАСТЬ БЕЗ ВЛАСТИ

Сказано и написано тысячи раз: сила Ельцина и российского парламента — в доверии населения. По этому поводу сначала было много восторгов: сила доверия казалась силой власти. После октябрьских баталий и голосований все увидели, что это не так. Доверие избирателя дает власть при демократии. Нынешней осенью выяснилось, что наша демократия власти не дает, а потому она еще не демократия. Если страна имеет право выбирать своих представителей, а решения диктуют люди, которых она не выбирала, если московские гражданские и военные чиновники и в самом деле по-прежнему сильнее страны, если при распаде военной империи они остаются при деле, значит... значит, наша демократия — это пока лишь фасад империи. Значит, обшивка новая, но каркас старый, хотя и «перестроенный».

После избрания Ельцина Председателем Верховного Совета России стрелка политического компаса резко качнулась влево. И Горбачев, до этого сделавший все возможное и невозможное, чтобы Ельцина не выбрали, почти сразу двинулся в том же направлении. Но Президент остановился и отступил назад, когда выяснилось, что стрелка хотя и качнулась резко, но сдвинулась ненамного: своими смелыми законами и постановлениями российский парламент не смог поколебать позиции центральных ведомств, не смог заставить с собой считаться. Потом уже, когда Горбачев отступил, это обнаружилось еще раз. Ответив Президенту и союзному правительству яркой и резкой, не без раздражения и обиды речью Ельцина, российский парламент вынужден был примириться с решениями центра и начать к ним приспосабливаться. А ведь раньше он не раз и не два заверял сограждан, что с центром, который отвергнет «500 дней», России будет не по дороге, что она пойдет тогда своим, независимым путем. Это был самообман демократии, которой понадобился октябрьский холодный душ, чтобы отрезветь и открыться старой, очень старой истине: можно иметь парламент, правительство, декларацию о суверенитете и самого популярного в народе лидера, не имея власти.

А ведь совсем еще недавно, хочу повторить, многим казалось, что у новых российских руководителей ее даже больше, чем у Кремля. Люди видели, что законы, принимаемые союзным парламентом, не выполняются, что подписанные Президентом указы, несмотря на его бeзграничные полномочия, остаются на бумаге, и делали вывод, что в центре воцарилось безвластие. Но это тоже был обман зрения. Да, у центра нет власти, чтобы что-то менять, и уже не очень много власти, чтобы ничего не менять. Но у него ее пока все еще достаточно для самосохранения и для внесения в проекты реформ всех нужных ему слов и вычеркивания ненужных. Поэтому еще и еще раз осмеливаюсь привлечь ваше внимание к сказанному в самом начале статьи: главный урок, который наша демократия должна извлечь из октябрьских событий, заключается в том, что Президент, если ему суждено двигаться в сторону демократии, будет делать это с той же скоростью, с какой демократия будет усиливать сама себя независимо от него и тех сил, с которыми он должен считаться. Тогда он ей, кстати, не сможет и помешать, если выяснится, что он за ней не может поспеть. А пока не будем вводить себя в приятное заблуждение, полагая, будто мы слабы лишь потому, что наш Президент недостаточно демократ. Не будем хотя бы потому, что само это заблуждение — свидетельство слабости.

Если вернуться к российским делам, то сила доверия, которой располагает пока республиканский парламент, может обрести силу власти двумя способами.

Первый способ: зная о том, что власть — это право распоряжаться деньгами, в том числе валютой, а также армией, органами безопасности и правопорядка, попробовать все это срочно создать или приобрести, забрав у центра. Чтобы провернуть такое, нужна, конечно, смелость, причем немалая, но в нашей стране по этой части предложение всегда превышало спрос. Однако руководители республики на это не идут. Пока они пробуют защитить суверенитет России законами о защите суверенитета, требующими для республики больших полномочий в распоряжении собственностью, но не требующими права распоряжаться армией и союзными органами безопасности. Наверное, руководители опасаются, что раздел армейского имущества и личного состава в обстановке всеобщего распада и развала может завести слишком далеко. Наверное, они считаются с тем, что отобрать у кого-то танки и ракеты не так-то просто, если у тебя есть лишь негарантированное большинство в парламенте, но нет своих танков и ракет, подтверждающих основательность притязаний. Эти соображения, если они имеют место, трудно не признать резонными и разумными, но я все же не очень понимаю, почему с законами, утверждающими суверенитет республики, центр может не считаться, почему он без всяких согласований может проводить, скажем, на ее территории ядерные взрывы, а к законам, этот суверенитет защищающим, он проникнется уважением.

Второй способ: вместо танков и ракет получить поддержку миллионов людей, перед которыми не устоит самая могучая армия, если они поддерживают своих лидеров не только избирательными бюллетенями и последующим горячим сочувствием, но и силой своего сплочения и своей организации. Говоря иначе, из разрозненных избирателей они должны для этого превратиться в нечто похожее на польскую «Солидарность» или народные фронты в Прибалтике и других наших республиках. Но в том-то и сложность, в том-то и весь драматизм положения Ельцина, российского парламента и правительства, что в республике *такой* организации, объединенной идеей национальной независимости, нет и, быть может, не может и быть. И, прежде чем поразмышлять, почему это так, я хочу сказать, что если это так, то на сильную организованную защиту за стенами парламента со стороны национальных движений российскому суверенитету рассчитывать не приходится. Правда грустная, но, как и всякую правду, ее полезнее признать, чтобы не искать выход там, где его нет.

Ее тем более важно признать, что в России, которую центр всегда считал своей главной вотчиной и которая на протяжении веков сама не без оснований считала себя центром, освободиться от имперского наследия и имперского влияния труднее, чем где бы то ни было. Поэтому прежде всего нам надо бы побыстрее изжить эйфорию и остыть от восторга по поводу провозглашенного российского суверенитета и умерить связанные с ним упования на счастливые и скорые перемены.

Не надо преуменьшать значение этого огромного, быть может, эпохального события, но не надо и легкомысленно возвышать его, возлагая на него надежды, которым не суждено сбыться, а если суждено, то очень небыстро. Декларация о суверенитете России — и в этом ее главная заслуга и историческое значение — сообщила колоссальное ускорение начатому Литвой демонтажу империи, без которого немыслим переход от командной экономики к рыночной. Потому что командная экономика — это сверхцентрализация, а экономика рыночная — это всегда децентрализация, по крайней мере в пору ее возникновения и становления. Неудивительно, что в такой стране, как наша, децентрализация началась под флагами национального пробуждения и возрождения. Но распад империи и децентрализация страны по национальному признаку — это вовсе не обязательно возникновение на ее месте пятнадцати или пятидесяти новых стран.

Хотя бы потому, что из этого правила были и есть исключения. И самое главное исключение — Россия. Обратите внимание, это очень важно: в других республиках сначала, как правило, были национально-освободительные движения народов, возникали массовые организации, они принимали платформы и программы, которые только потом превращались в парламентские декларации о независимости. В России же все началось с декларации. Суверенитеты, провозглашенные российскими автономными республиками,— это обычно тоже чисто парламентские акции.

Слава Богу, конечно, что в России не бушуют национальные страсти. Будем надеяться, что ее минует горькая чаша раздоров и междоусобиц. Но будем помнить и о том своеобразном положении, в котором оказалась республика. Будем помнить о том, что провозглашенный ею суверенитет относится не столько к нации или нациям, сколько к территории, а это делает чрезвычайно неопределенными и непредсказуемыми судьбы российской демократии, которой непросто стать демократией организованной, то есть сплотиться в народные фронты и другие массовые движения.

Не исключено, что идея экономической и политической независимости приобретет в России не национальное, а социальное звучание. Может быть, шахтерские стачкомы и конфедерации, их действия и их требования — это какой-то отдаленный намек на будущее и напоминание о прошлом. Идея политического освобождения (от своих, а не от чужеземцев) в России и раньше была окрашена не в национальный, а в социальный цвет. Задумаемся еще раз о том, почему наша революция рядом со словом «независимость» написала слово «интернационализм», почему после революции общественная стабильность так долго могла поддерживаться столь своеобразным, невиданным до того средством, как искусственное насаждение социальной (классовой) розни,— задумаемся обо всем этом, размышляя о судьбах российской демократии. Задумаемся и о том, что будущее, хотим мы того или нет, начинается в прошлом. И если окажется, что социальный цвет опять станет цветом нашего освобождения, если уйти от этого окажется не проще, чем уйти от себя, то постараемся на этот раз не допустить, чтобы он снова стал цветом крови, попробуем соединить его с цветом демократии и гражданского мира.

Помня обо всех таящихся здесь опасностях, российский парламент, его демократическое крыло, мог бы опереться на зарождающееся в республике социальное движение и помочь ему превратиться в широкий блок работников и предпринимателей, в организацию своего рода современного «третьего сословия», противостоящего перестроившимся партократии и центральной хозяйственно-государственной бюрократии.

Да, бюрократия делает и будет делать все, что может и не может, чтобы закрепиться прежде всего в России, получить контрольные пакеты акций на ее предприятиях и благодаря этому сохранить экономическую власть и в других республиках. Но уже сейчас видно, что людям это не всегда нравится, и если на Камском автозаводе это прошло сравнительно гладко, то Волжский автозавод, кажется, сопротивляется. И не он один. А коли так, то впереди нас ждет, быть может, долгое и трудное выяснение отношений между ведомствами и трудовыми коллективами, которое и прояснит, какой быть нашей приватизации и кто от нее выиграет. Но это, в свою очередь, означает, что у российского парламента может появиться серьезная опора за стенами парламента. Тем самым парламент сможет усилиться, превращая силу доверия в силу власти, сможет принимать законы, с которыми придется считаться, сможет, наконец, реально, а не символически влиять на расстановку и соотношение сил в центре.

Он может усилиться и в том случае, если быстро и решительно освободит от бюрократической опеки сельское хозяйство и отрасли, работающие на потребительский рынок. Думаю, что перед твердой, жесткой позицией центральные ведомства здесь отступят, не смогут не отступить, даже если республики начнут покушаться на их права. Потому что позиции ведомств тут слабее всего, потому что кормить и одевать людей надо, но по-старому это уже не сделаешь, а по-новому ведомства не смогут, как бы они ни перестраивались. Придется пустить в сельское хозяйство и легкую промышленность новых людей, независимых собственников и свободных предпринимателей, придется перейти от административного подавления к экономическому соперничеству с ними. А новые люди в экономике — это естественная опора новых людей в республиканских парламентах.

Продвинуться к этому рубежу и побыстрее занять его важно уже потому, что настоящий рынок всегда начинался и начинается с рынка товаров потребления. Так было в свое время на Западе, но так же было недавно в Югославии, Венгрии, Польше, других странах общей или схожей с нами судьбы. Мы только сейчас, с огромным опозданием можем повторить у себя сделанное ими, потому что нигде бюрократия не пустила такие глубокие корни в сельском хозяйстве, нигде так основательно не оседлала его, как у нас. Пять с лишним лет назад знающие люди разъясняли, с чего и как надо начинать. Но центральная власть начать не могла и не смогла. Начинать предстоит республикам. Если им будет сопутствовать успех, если в магазинах появятся продукты и ширпотреб, даже не очень дешевые, люди это оценят и согласятся потерпеть еще, разумеется, в том и только в том случае, если новые республиканские власти пользуются их доверием.

Но, в свою очередь, если все пойдет нормально и наши магазины станут похожими на польские или венгерские, то нас ждут те же проблемы, над которыми бьются сейчас поляки, венгры, и не только они. Страны общей с нами судьбы идут к рынку так же, как шли другие, но и не совсем так. Да, Запад тоже начинал когда-то с сельского хозяйства и легкой промышленности. Но он не имел при этом промышленности тяжелой, в которой заняты миллионы людей и которую нужно было бы приватизировать, технически переоснащать и изымать из нее — по причине устарелости — одни предприятия и целые отрасли и заменять другими. С этим наследством нам еще предстоит немало помучиться, но, пока нет нормального потребительского рынка, лучше не мучиться: бесполезно. Пока его нет, не будет рынка и в тяжелой промышленности, а это значит, что ослабить монополию государства там будет очень и очень непросто. Оно, конечно, может превратить свою административную власть в экономическую, назвав такое превращение переходом к рынку, но это будет *его* рынок, и ближе он к настоящему или дальше от него, чем административное управление,— это еще большой вопрос.

Итак, российскому парламенту и правительству, как и другим республиканским властям, предстоит непростое противоборство с центральными ведомствами, права которых сохранены за ними «Основными направлениями». Однако, если ограничить разговор Россией, надо отдать себе ясный отчет в том, что в этом противоборстве ни Ельцин, ни его помощники и единомышленники «левыми» в прежнем значении уже не будут. Если они после октябрьских решений остались на своих постах, а не покинули их в знак несогласия с экономической политикой центра и нежелания брать за нее ответственность, то это означает, что они согласились сотрудничать с ним, а это, в свою очередь, меньше всего означает, что складывается или может сложиться нечто похожее не «левоцентристский блок». Разговоры о нем утратили всякий смысл уже потому, что справа от «Основных направлений» никаких официальных документов, никакой сколько-нибудь влиятельной политической линии сегодня не осталось, и пока это так, нет никаких оснований считать Президента, подписавшего «Основные направления», лидером «центра». В центре теперь оказался Ельцин, который хочет и готов идти дальше Горбачева, который против его нынешнего экономического курса, но не против него как лидера. А слева... Впрочем, все эти сдвиги проще понять, вспомнив о трех демонстрациях, прошедших в Москве седьмого ноября. Ельцин и Попов постояли на трибуне Мавзолея, но, как и положено «центру», побывали и в других местах, продемонстрировали свою солидарность с другими силами. Ну, а те, кто левее Ельцина и Попова, вели себя иначе. Они демонстрировали принципиальное неприятие нынешнего курса нынешних «правых» и политическое недоверие им. Демонстрировали перед пустой трибуной и, как говорится, при меньшем стечении народа.

Оставшись на своем посту, Ельцин не может не идти на союз с Горбачевым, как и Горбачев не может не искать с ним соглашения. Но в любом союзе, в любом соглашении каждая из сторон должна отдавать себе отчет в том, чего она хочет и чем ее желания отличаются от желаний союзника. Если же заверять себя и других, что обе стороны хотят одного и того же, то новых фехтовальных турниров обиженных друг другом партнеров не избежать.

Горбачев в этом союзе представляет перестроившуюся старую власть. За Ельциным же стоят складывающиеся новые силы, которым нужны другой рынок и другая демократия, не такие, как старым. И союз между ними пока неизбежен лишь постольку, поскольку центральная власть одна уже управлять не может, она вынуждена открывать дорогу своим конкурентам, давать им простор для самостоятельной экономической и политической работы, а эти конкуренты еще слабы, чтобы самим претендовать на власть. Но коли так, то союз новых «правых» и нового «центра», если он состоится, не может не быть союзом противоборствующих участников, каждый из которых не может не испытывать желания усилиться за счет другого. Стоит это признать, и тогда останется совсем немного. Останется лишь, чтобы это признали высокие договаривающиеся стороны.

●

ПАРЛАМЕНТСКИЕ СТРАДАНИЯ

Заседания Верховного Совета Украины смотрятся, как телесериал. Непримиримое противоборство действующих лиц, бесконечные разговоры. Надрыв. Большинство на языке довольно внушительного меньшинства — это «партократы», «прислужники московских колонизаторов», «имперские запроданцы». А меньшинство в устах противной стороны — «экстремисты», «националисты», «безответственные авантюристы».

Жители республики становятся свидетелями бесконечно мелкой грызни по любому поводу, а то и вообще без повода...

Местные остряки уже предлагают свой эскиз герба для установки в зале парламента: обглызенный мосол, обвитый плющом.

Дело в том, что В. Масол, уйдя в отставку под нажимом голодающих студентов, на самом деле остается в зале «весомо, грубо, зримо». В данном случае «зал» — вся республика, а сцена — экраны телевизоров. Ведь республиканская программа перехода к рыночной экономике, в которую уже заверстаны 50 миллионов судеб, разработана командой В. Масола. Еще не принятая парламентом, она тем не менее уже запущена в дело!

Произошло это непостижимым образом. В последних числах октября вдруг стало известно, что в республике с первого ноября вводятся талоны... на деньги. Хочешь в магазине отовариться на десять рублей — предъставь к ним еще и десять талонов.

Законодатели вдруг узнали, что с завтрашнего дня без купона в магазин идти нельзя, что на печатание этих бумажек уже израсходованы десятки миллионов рублей, что данная акция должна «стабилизировать рынок» и стать первым этапом перехода к... В общем, В. Масол передает им привет и уверен в депутатском одобрении.

А на экранах и в газетах мощный хор административной команды убеждает трудящихся, что купоны, выдаваемые только на часть зарплаты и только под «трудовые» деньги, оградят рынок от чужих, неокупоненных рублей. И вообще все это ради детей и пенсионеров, ради самого что ни на есть простого народа.

Я был в приемной райисполкома. Не протолкаться в толпе жалобщиков, которым купоны вообще не положены. Рэкетиров и спекулянтов среди них я не увидел. Зато была мать троих малолетних детей — она получает деньги от мужа, который рванул на заработки за Полярный круг. Была мать-одиночка. Ребенок болел. День в садике — месяц на больничном. По совету отца, который и присылает ей деньги откуда-то из Саранска, оставила работу, решив год-два посвятить полностью оздоровлению ребенка. Но денежные переводы купонами не обеспечиваются. Был там и мужчина 58 лет. По нашим понятиям, тунеядец. Вот что он говорит о себе:

— Пенсию я оформил, но получать смогу ее только через два года. А оставаться на производстве уже нет сил. Уверен, что если буду работать и дальше, то до шестидесяти просто не доживу. У меня стаж почти сорок лет, есть небольшие сбережения. Подсчитал: на два года хватит, а там пойдет пенсия...

Но и на сбережения купоны не дают.

Четыре человека одновременно принимают заявления-жалобы. Создана специальная комиссия «по жалобам по купонам». Секретарь комиссии, принимая заявления, вписывает туда паспортные данные, записи из трудовых или пенсионных книжек, номера свидетельств о рождении, браке, смерти, разводе... А жалобщики все прибывают и прибывают. И вдруг секретарь, подняв голову, громко спрашивает:

— А почему вы молчите? Почему вы все молчите? По пустякам бегаете на площадь протестовать, а тут вас бессовестно унизили всех!

И в гробовой тишине продолжает вписывать номера документов в очередные заявления, складывая их в пухлую папку. А народ напирает...

Я недавно стоял в очереди за сахаром. Продавщица долго дула в полиэтиленовый пакет, чтобы раскрыть его, потом заполняла и взвешивала, потом отрывала и накалывала талоны на сахар, потом брала ножницы и вырезала купоны на право отоваривания денег, а потом уже брала сами деньги. Что говорили при этом в очереди, можете легко вообразить сами.

А после работы этой продавщице еще подсчитывать талоны отдельно, купоны отдельно. И у банковских работников, задыхающихся от перегрузки, хлопот прибавилось почти вдвое.

И неудивительно, что среди народных избранников поблекли даже те, кто блистал во время избирательной кампании. Если кого-то из них озаряет мысль, что не мешало бы прислушаться и к доводам противной стороны, то вчерашние сторонники тут же предают его анафеме: «Ищешь дешевой популярности!», «С экстремистами заигрываешь!». В другом лагере то же самое, но с обратным знаком: «Партократам продался!»

Все упорнее разговоры, что этот состав парламента тупиковый, что необходимы новые выборы. Вполне возможно... Только это будет означать потерю еще нескольких месяцев, а развал экономики идет всевозрастающими темпами. Да и самим парламентариям надо бы посмотреть правде в глаза. На выборах, гряди они в ближайшие полгода, мало кто из них нашел бы поддержку в народе. Сама принадлежность к нынешнему составу парламента (к левой его части, к правой — не имеет значения) будет отталкивать избирателей.

Вместо того, чтобы настойчиво добиваться рассмотрения важнейших законов — о собственности (в том числе личной) на землю, о свободе предпринимательства, приватизации предприятий, деполитизации всех сфер нашей жизни,— вместо всего этого они чуть ли не с кулаками доказывали, как именно выносить радиодинамики на площадь...

Средневековые схоласты увлеченно спорили по любому поводу, в том числе выясняли, сколько чертей могло бы поместиться на кончике иглы. А в это время полыхали костры инквизиции, на которых горели живые люди... Не хочу никого ни с кем сравнивать, но пока парламентарии возводят в принцип свои групповые амбиции, старые хозяева «общенародного государства» плетут новые вожжи, за которые хотят держаться до последнего.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»

Киев.

«ВОЙНА ПОСТАНОВЛЕНИЙ»

На вопросы нашего корреспондента отвечает Главный государственный арбитр РСФСР Валерий ГРЕБЕННИКОВ.

— Валерий Васильевич, вчера мы жили, не вчитываясь в программы и постановления. Они никак не влияли на нашу жизнь. Сегодня каждый знает, что Россия вступила в «500 дней», а Союз выполняет «Основные направления». Сможете ли вы обеспечить защиту предприятий, кооперативов в первую очередь от государства, не попадут ли предприятия в «вилку», где не найдешь ни правых, ни виноватых?

— Разумеется, трудно сегодня тягаться с государством. Мы ведь такого монстра вырастили, нам долго придется с ним бороться! 1 января 1991 года вступит в действие Закон СССР о предприятиях, позволяющий всем организациям независимо от формы собственности обжаловать в Госарбитраже или суде действия, акты, решения любого органа: государственного, общественного, кооперативного.

— Люди привыкли к тому, что их интересы ничто по сравнению с интересами государства.

— Да, само название Государственный арбитраж отпугивает. Кооперативы, другие «неформальные» организации не хотят обращаться к государственным структурам. Мы сейчас образовали при Союзе юристов Третейский суд, полностью независимый от государства. Это суд, образованный общественной организацией — Союзом юристов, на общественных началах. Решение Третейского суда будет иметь юридическую силу, основанную на взаимной доброй воле сторон. Собственно, арбитраж и должен будет стать Третейским судом. У нас же он десятилетиями был кнутом, секущим предприятия за невыполнение плана. В правовом обществе задания государства, которые не учитывают интересов данного предприятия, данной группы граждан, не должны действовать. Мы будем защищать людей, а не выдуманные чиновниками интересы государства.

— До принятия нового Закона о предприятиях вы в основном защищаете госпредприятия — от кого?

— Сегодня мы принимаем решения о признании недействительным государственного заказа. Госплан навязывает предприятиям госзаказ, который они не в состоянии выполнить. В условиях нашей абсолютно централизованной системы предприятия целиком зависят от Госплана и вынуждены сидеть на голодном пайке. Прежде всего это бьет по фондам материального стимулирования предприятий, по доходам их работников.

— Разве нельзя наказать Госплан?

— Нет сегодня такого закона, который позволял бы наказать Госплан или Госснаб. Более того, часто работники именно этих органов объявляют безответственными решения Госарбитража. Мостовой, заместитель Председателя Совмина, председатель Госснаба СССР, утверждает, что мы парализуем экономику. Власть не хочет мириться с тем, что появляются независимые структуры.

— Кому же вы подчиняетесь?

— Мы стараемся подчиняться только закону. Это наше кредо. Деятельность государственных ведомств на протяжении десятков лет часто сводилась к тому, чтобы не исполнять законов. Министерства, Госснаб могли принимать любые решения якобы в интересах государства, даже если эти решения шли вразрез с законом.

— А как быть с предприятиями союзного подчинения, военно-промышленным комплексом? Подчинятся ли они российским законам?

— Да, действительно они живут по своим законам. Система голодных пайков Госплана на военные предприятия не распространяется. Конверсия во многом захлебнулась именно потому, что оборонные предприятия никому не хотят подчиняться.

— Военные обращаются к вашей помощи?

— Они не жалуются. Оборонные предприятия хорошо обеспечены, работают на хорошем оборудовании. Да и зарплата там более высокая. Вся их продукция в госзаказе. Наше законодательство сегодня исходит из принципа незыблемости того, что делается для обороны.

— В чем вы видите выход?

— Сообщество республик должно в первую очередь стать экономическим. Политическим и военным — конечно, но прежде всего экономическим. Примером могут служить страны Общего рынка. Экономическое сообщество перерастает в политическое. Военный союз не вмешивается в экономические контакты. Нам далеко не все экономические интересы надо объединять. Многие вопросы должны решать сами республики. В «Основных направлениях», к сожалению, наоборот. Одна из главных идей «Основных направлений» состоит в том, что Союз какие-то права дает республикам, должно же быть наоборот: республики добровольно передают часть своих полномочий Союзу. Сегодня центр оставляет решение основных экономических вопросов за собой. Республики получают подачки от Союза на жилье, здравоохранение, коммунальное хозяйство, то есть на то, что у нас плохо развито и требует максимальных капиталовложений. Республики, получая нищенские средства на развитие этих сфер, ничего не смогут сделать. Без достаточного финансирования эта работа будет завалена. Если бы мы более внимательно относились к требованиям республик, разговоров о выходе из Союза было бы гораздо меньше. Не решаются даже мелкие вопросы — это вызывает раздражение.

— Как, по вашему мнению, должны измениться функции центра?

— Если говорить о союзных органах, которые следовало бы реорганизовать в первую очередь, то это Госплан, Госснаб, Минфин, Госбанк. Минфин сегодня часто определяет финансовую политику, не считаясь с решениями Совета Министров, Верховного Совета СССР. Плановое и финансовое ведомства не привыкли прислушиваться к решениям парламента.

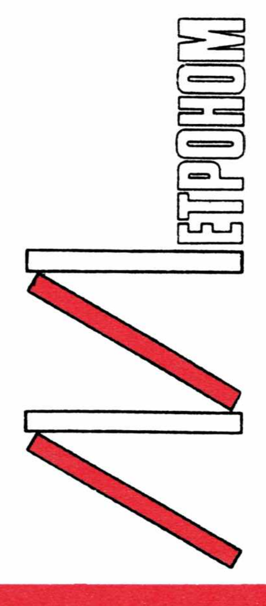
— На что же вы рассчитываете?

— Мы должны сформировать твердую нормативную базу. Это обеспечит России суверенитет. Не так давно был принят Закон о порядке действия на территории России актов СССР. То есть если акты находятся в пределах полномочий, переданных Россией Союзу, то они действуют на территории России. В других случаях акты Союза должны быть ратифицированы Верховным Советом или подтверждены Совмином.

— И центр даст исполнять этот Закон?

— Союзное правительство тут же приняло закон об обеспечении действия на территории Союза актов Союза... Принят Указ Президента о стабилизации хозяйственных связей. Изложен он расплывчато, неконкретно. При существующем балансе поставок России этот Указ поставит предприятия нашей республики на колени. В объеме поставок из России преобладают промышленное сырье, материалы и очень мало готовой продукции. В Указе же говорится о том, что необходимо поддерживать на уровне прошлых лет связи, сложившиеся по поставкам сырья и комплектующих изделий, и ничего не говорится о готовой продукции. Ясно, что мы попадем в неравноправное положение. Словом, идет «война постановлений», и всем нам надо проявить максимум доброй воли к сотрудничеству, ибо правовые механизмы могут эффективно работать только в стабильно развивающемся государстве.

Ася КОЛОДИЖНЕР

ОГОНЁК

ЧИСТОТА ДАРА

ПОРТРЕТ МОЛЛАНЕПЕСА. 1963.

КАРАКУЛЕВОДЫ. 1964.

Сумрачная мощь и угловатая монументальность его картин заставляли вспомнить фрески средневековья. Но и голос живописи XX века звучал в них ясно. Таинственно-застылые, словно оледенелые, фигуры людей стояли будто в ожидании чуда.

«Туркменский старый быт» — одно из лучших полотен Бяшима Нурали. Подробности этого быта художник перечислял с простодушной тщательностью досконального знания. Здесь была наивность без наигрыша. Тягучий и плотный колорит звучит как цветовая музыка туркменского ковра.

Первородность художественного языка Нурали неповторима.

В начале 70-х годов я пришла в Музей Востока хранить советскую живопись. Обширная коллекция его наводила на грустные размышления. Она отражала не столько историю нашего искусства, сколько унылую схему, под которую эта история подгонялась.

Музею предписывалось показывать расцвет всех видов искусства и у всех народов одновременно. Между тем области традиционного творчества народов Средней Азии, как, впрочем, и других регионов, приходили в упадок. Результат, к которому привел перевод искусства «на новые рельсы», осуществленный после революции, был противоречив.

В случае с Нурали этот результат блестящ. Туркмен, в двадцать лет впервые взявший в руки кисть, сумел и осознать, и осуществить свой редкий дар художника. Нурали признали не сразу. Долгие годы он жил и работал, окруженный кольцом непонимания, а порою и нежелания понять. Художники снисходили к нему как к высокоодаренному полупрофессионалу.

Скрытое неприятие его живописи усугублялось тем, что уже с середины 30-х годов она все отчетливее не совпадала с так называемой «магистральной линией».

В маленьком садике своего ашхабадского дома Нурали был одинок. Сад был его мастерской, а в иные годы лишь продажа зелени с огорода кормила всю семью. Грустно было видеть художника за прилавком городского базара. Более удачливые и лучше приспособленные к жизненной борьбе коллеги обходили этот ряд стороной.

Но в отношении Нурали к жизни не было горечи. Его взгляд на мир был

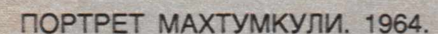
чист, ясен и детски-любопытен к людям, зверям и вещам. Его не оставляло изумление перед чудесной возможностью изобразить зримый мир во всей его пленительной свежести, с захватывающей выразительностью мелочей.

Нурали жил тихой жизнью углубленного в свою работу человека. Она не была безоблачной, эта жизнь, она не была легкой. Драма Нурали была в том, что он принадлежал двум мирам. Один, первый и главный,— это мир традиционной культуры туркмен, данный ему от рождения. Это мир отца и матери, это их домашний уклад, язык... В то же время он человек 20-х годов, в его личной судьбе преломились особенности времени.

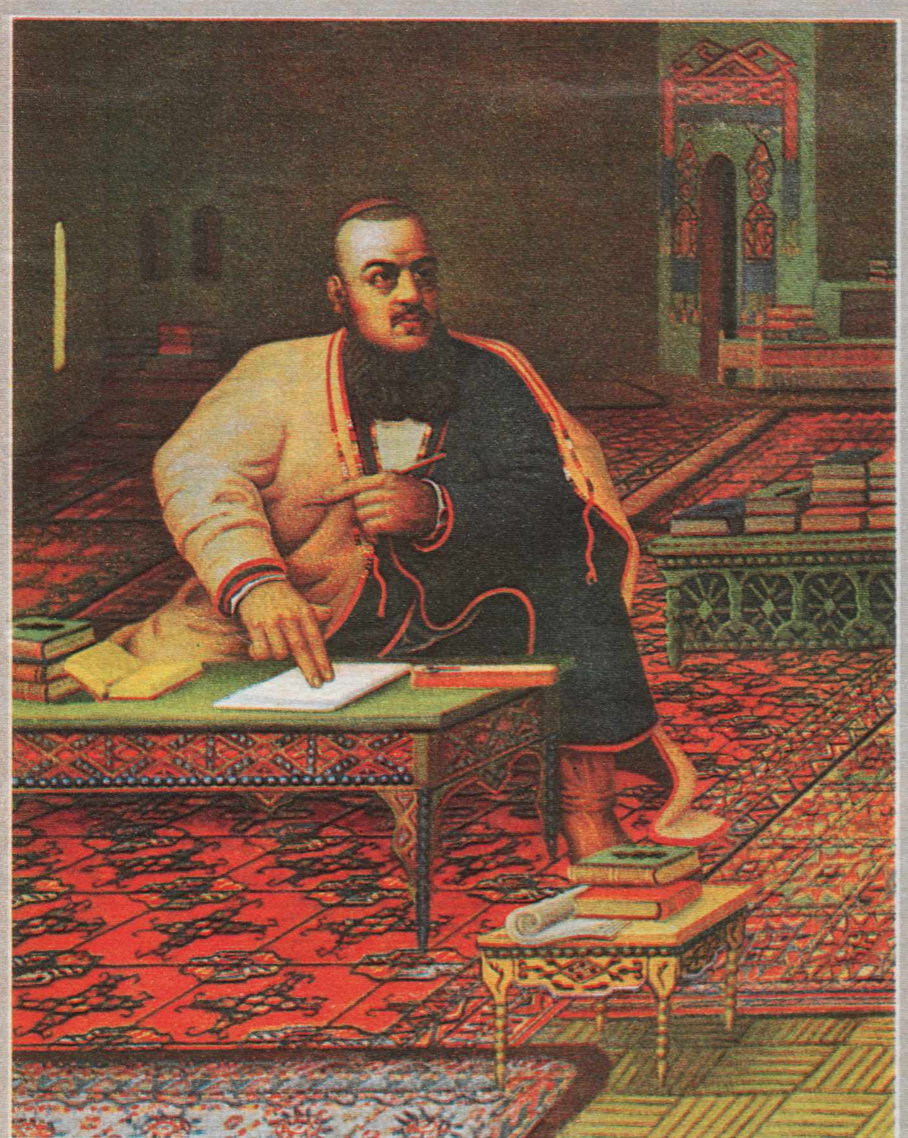
Самый блистательный талант Ударной школы искусств в Ашхабаде, а потом москвич и вхутемасовец (правда, всего несколько лет), он всю остальную жизнь прожил в Ашхабаде. Но частью

ПОРТРЕТ МАТЕРИ. 1925.

ПОРТРЕТ МАХТУМКУЛИ. 1964.

души Нурали так и остался в общежитиях и мастерских ВХУТЕМАСа, где было так весело, так голодно, так шумно. Состав студентов был пестрый: жаждущие приобщиться к мировой классике и жаждущие ниспровергнуть ее спорили неудержимо. Даже на этом пестром фоне Нурали выделялся в толпе студентов.

Крестьянская степенность, почтительность к старшим, совсем в те годы немодная, некоторая замкнутость — языковая преграда давала себя, конечно, знать... Но годы учения в Москве не прошли даром не только для Нурали-художника, но и для Нурали-человека. В духовном да и во внешнем облике его всю жизнь лежал отпечаток того времени: непременно европейский костюм, рубашка с галстуком выделяли его среди соседей. Бросалась в глаза бытовая независимость поведения: он любил велосипед, мотоцикл, самолет. Он многим казался странен у себя дома. Еще диковиннее выглядел он в Москве, когда, поднимаясь на трибуну, читал, а скорее пел свои стихи на родном, никому здесь не понятном языке. Нурали был не только художник, но и поэт-бахши.

1990-й — год девяностолетия со дня его рождения. В это смутное время нам особенно дорога наивность Нурали — драгоценная черта его человеческого облика, или, как говаривали в старину, его «духовного состава».

Елена ЛЬВОВА

В ЗАГСЕ. 1940.

ПОРТРЕТ СЫНА. 1960.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НОРМАЛЬНО РАЗВИВАЕТСЯ ТОЛЬКО ДО ТЕХ ПОР, ПОКА СИЛЫ СОЗИДАНИЯ, РАЗВИТИЯ ОДЕРЖИВАЮТ ВЕРХ... НАД ВСЕМИ ТЕМИ ЯВЛЕНИЯМИ... КОТОРЫЕ РАЗРУШАЮЩЕ ДЕЙСТВУЮТ НА ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ, КУЛЬТУРУ. СТОИТ ХОТЬ НА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ОТСТУПИТЬ ПЕРЕД ЭТИМИ СИЛАМИ, И ОБЩЕСТВО НАЧИНАЕТ БЫСТРО ТЕРЯТЬ СВОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБЛИК... ЖЕСТОКОСТЬ, НАСИЛИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ САДИЗМ, ВСЕОБЩАЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ... СТАНОВЯТСЯ НОРМОЙ ЖИЗНИ.

А. Ципко. «Социализм: жизнь общества и человека» (М., «Молодая гвардия», 1980 г.)

С известным политологом Александром ЦИПКО беседует корреспондент «Огонька» Илья МИЛЬШТЕЙН

ОСТОРОЖНО: БОЛЬШЕВИЗМ!

Моему собеседнику 49 лет. Выпускник МГУ. Доктор философских наук. По крови (русской, украинской, польской, латышской) — дитя российской истории. По судьбе — человек советской истории. Мальчик из глухой провинции, возмечтавший стать философом. Шестидесятник, разделивший многие иллюзии и заблуждения своего поколения. Недавний член КПСС, вчерашний «аппаратчик». В отличие от сверстников-карьеристов упорный в отстаивании своих демократических убеждений. В отличие от сверстников-диссидентов избравший путь «легальной» оппозиционности в рамках дозволенных свобод. Лукавое искусство умолчаний и недомолвок породило целую литературу, в том числе и книжки по философии, трудноуязвимые для бдительного ока однопартийной цензуры. Размышляя в своих книгах о социализме, щедро цитируя классиков, А. Ципко просто обходил такие понятия, как диктатура пролетариата, классовая борьба, атеизм... Напротив, выступал против насилия и мягко доказывал, что революции не решают ни одной из социальных проблем. Боролся с Лениным эпохи военного коммунизма и автором «Капитала» — цитатами из молодого Маркса и позднего Ленина. Этот путь у нас прошли многие публицисты и остановились у опасной черты. Александр Ципко обнаружил смелость додумывать мысли до конца. Он первым в легальной советской печати сказал о доктринальных истоках сталинизма (так называлась его статья, опубликованная в 1988—1989 гг. в «Науке и жизни») — учении Маркса — Ленина. Сказал внятно, веско, доказательно. Жестко заметил, что противопоставление большевиков ленинской гвардии «уголовнику» Сталину — некорректно и чревато неверной оценкой нынешней исторической ситуации. Заговорил о большевизме как главной причине российской трагедии. Естественно, что нашу беседу мы начали с этой трудной темы.

— Александр Сергеевич, что такое большевизм?

— На мой взгляд, это особый тип интеллигентского эгоизма. Это не только желание обрести власть и славу, но и претензия на уникальное знание исторических путей. Это уверенность в праве своем ломать судьбы миллионов. Причем для их же «блага». Помните, у Галича:

Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я. знаю, как надо!»
Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда».

Вот психология классического большевика. Он убежден в том, что люди не в состоянии ясно осознать и выразить свои интересы, а большевик — может. Это хорошо видно на судьбе крестьянства, якобы не способного подняться до осознания своих классовых выгод и потому силком затаскиваемого в коммуну. Такой подход вообще характерен для революционного марксизма в отличие от марксизма «оппортунистического».

Другая черта — неумение думать о последствиях. Идея затмевает разум. Маркс призывает к обобществлению средств производства. Оппоненты предлагают ему задуматься о том, что под угрозой окажутся права человека, его свобода. Он не против прав и свобод. Он просто не видит опасности, не желает задумываться о ней. Ленин призывает к гражданской войне. Он представляет себе реально, что это такое? Не надо быть вождем мирового пролетариата, чтобы предвидеть голод, холод, чуму, реки крови, погибающих детей. Те же меньшевики, кадеты или Керенский тоже хотели власти, но их пугала цена, они не могли решиться... Большевиков кровь не пугала. У них вообще нет страха перед смертью. В особенности чужой. Понятия греха для них не существует.

— Об этом недавно писала и Виктория Чаликова. Размышляя о судьбах «верных ленинцев», проглоченных в 30-е годы, она отмечает, что «в большевизме сознания греха и неизбежности искупления не было, хотя трагизм этого поколения превосходит все, что было в русской истории: большевистская интеллигенция почти вся погибла в сталинских застенках. Но она не хотела своей погибели...» Вы полагаете, можно говорить о безнравственности всей большевистской генерации?

— Не знаю... Ленин не оставил мемуаров. Но есть «Моя жизнь» Троцкого, я читал эту книгу. Он не считает своим долгом даже оправдываться за то, что большевики совершили в России, за то, что совершил он сам. У него не то что нет чувства раскаяния или хоть сомнения... Полагаю, если бы с ним заговорили об этом даже в самые «вегетарианские» его эмигрантские годы, он бы просто не понял, чего от него хотят.

— А может, сослался бы на Сталина, который «еще хуже»?

— Ошибаетесь! Сталина он ненавидел совсем не за то, что тот развязал массовый террор против народа. Сталин для него был «ренегатом», предателем революции, уничтожившим «цвет» большевистской гвардии, а самого Троцкого вышвырнувшим из страны.

— ...или заговорил бы о классовом подходе к общим законам истории?

— Это скорее. Тем и близки Ленин, Зиновьев, Троцкий, Сталин — разные, в сущности, люди,— что классовый подход заменил им нравственность. Нравственно ведь было лишь то, что служит интересам пролетариата. А интересы эти, как известно, они знали лучше самих рабочих...

— На это легко возразить, что огромные массы рабочих и крестьян с радостью шли за большевиками — исторический факт, не правда ли?

— Об этом еще Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: во имя своей политической победы большевики не гнушаются сознательной эксплуатацией всех человеческих пороков. И прежде всего — ненависти, злобы, зависти. Бунин в «Окаянных днях» называл это «издевательством над чернью». Попытки разделить большевиков на «чистых» и «нечистых», интеллигентов в пенсне и бандитов с маузерами не кажутся мне убедительными. Не забывайте: в 1917 году Троцкий, Зиновьев и другие «интеллигентные» вожди легко нашли общий язык не только с революционными братишками из матросов, но и с человеком с ружьем, безграмотным крестьянином, одетым в шинель. Вот у Г. В. Плеханова, который вроде бы тоже революционер (но не большевик!), никакого контакта с гегемонами не получилось. Он не мог говорить рабочим то, что противоречило его убеждениям, не хотел им льстить. Он, нормальный человек, не желал потакать темным инстинктам. Но и масса не хотела слушать никого, кто не готов был с ней соглашаться.

— Горький писал и другое: если враг не сдается, его... Причем объяснялось это, насколько я понимаю, не сладострастной жаждой уничтожения себе подобных, но глубоко продуманной и осмысленной классовой сущностью бытия. Ни один из большевистских вождей, по-моему, не был садистом. Насколько мне известно, ни Ленин, ни Троцкий, ни Сталин, ни даже Дзержинский лично не убили ни одного человека. И совершенно ясно, что каждый из них ответил бы вам: не по моей вине лилась кровь, а по науке. Мы возглавили революцию, но произошла она не по нашей воле, а по историческим законам, предначертанным Марксом. Кстати, Александр Сергеевич, ведь и мы с вами в школе и университете изучали эти законы, осторожно восхищаясь их простотой и стройностью... Вы что, ставите под сомнение научность марксизма?

— Я не ставлю под сомнение. Я высказываю твердое убеждение, что марксизм принес человечеству много бед и страданий. Это сложное явление, выросшее из науки и утратившее научность в процессе своего практического воплощения. Вообще говоря, не в Марксе тут дело. Здесь старая проблема рационального знания, его ложной убежденности в том, что оно может все объять, объяснить, описать и завладеть миром и предметами.

Марксизм как учение о классовой борьбе, о скачке в царство свободы был поразительно приспособлен к мышлению революционно настроенных рабочих. Большевики, как правило, были люди малообразованные и оттого особенно восприимчивые к простым решениям сложнейших проблем.

К слову сказать, потому они никогда и не задумывались о последствиях, ведь как бы подразумевалось, что наука сама все за них додумает и любой их поступок оправдает. Претензии большевиков на лидерство я склонен объяснять претензиями науки на точное знание и объяснение мира. Серьезный ученый никогда не позволит себе такого самодовольства... Большевизм — это взбесившаяся наука эпохи войн и революций.

— Время, в которое мы живем, кем-то очень верно названо революционным. В самом деле, все черты революционности налицо: вспышки междоусобных войн, погромы по национальному признаку, беженцы, разгул преступности, товарный голод, толпы эмигрантов и обилие вождей. Яростная борьба за власть сопровождается медленным развалом тоталитарных успехов и быстрым созданием новых, демократических структур, столь же беспомощных сегодня, как и прежние. Власть поделена между всеми, и это означает,

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

что ее нет ни у кого. Ни местные, ни республиканские, ни союзные законы, ни президентские указы никому не указ. Призывы к отставке правительства Рыжкова даже как-то приелись. Все громче обвинения в адрес Президента. Возгласы типа «Кончилось ваше время!» раздаются и из демократического лагеря... Перестройка провалилась?

— Я бы сказал иначе: наступил самый опасный и трудный ее этап. Смотрите, как легко было вначале, когда демократическая интеллигенция во главе с Горбачевым боролась с так называемыми «консерваторами» вроде Лигачева. Выбор был прост: либо ты за перемены, либо против них.

— А теперь?

— Теперь вдруг выяснилось, что борьба принципов выродилась у нас в борьбу самолюбий. Будущее страны, надеюсь, за демократами, но где они, демократы? Конфликт между ними столь глубок, что они уже не в состоянии сесть за стол и договориться. Особенно пугают меня некоторые радикалы, с их раздраженной нетерпимостью и отсутствием конструктивных идей. Появился и новый лозунг: Горбачев мешает перестройке. Они убеждены, что стоит удалить Горбачева и захватить все места в правительстве, как тотчас сама собой наладится жизнь... Это иллюзия.

— Вы против критики Горбачева?

— Я не против критики, но меня в политике беспокоит проблема нравственности. Люди, ругающие Горбачева (и нередко — за дело), как-то очень быстро забыли, что эту свободу они получили благодаря таким аппаратчикам, как Горбачев и Яковлев. Следует ценить мужество этих людей, которые шли на страшный риск, начиная реформы.

— Есть другая точка зрения: бездарное руководство в годы застоя сумело настолько развалить экономику, что возникла угроза власти партийного аппарата. Реформы были вынужденной мерой. Целью их было сохранить власть КПСС. Собственно, она и сохранилась...

— Я не думаю, что реформы были порождены лишь экономическими причинами. Уместнее говорить не о попытке спасти насквозь прогнившую систему, но о целостном мировоззрении людей, воспитанных в оттепельные годы. О том, что Горбачев — убежденный антисталинист и совсем не в экономике видит причины наших бед, я знал еще в 1986 году. Полагаю, что могу теперь назвать имя человека, от которого впервые услышал об этом,— его помощника Г. Л. Смирнова. Горбачев — типичный шестидесятник. Его и вдохновляла, вероятно, главная идея нашего поколения — построение социализма «с человеческим лицом». Другое дело, что идея оказалась ошибочной. Из этих структур ничего с человеческим лицом вылепить невозможно. Лицо получается другое.

Что до экономики, она разваливалась, но теперь-то нетрудно понять, что была куда эффективней нынешней «переходной» экономики. Я уже не говорю о том, что с такой тоталитарной системой, с мощнейшим аппаратом подавления, с угодливой интеллигенцией, готовой за подачки служить и воспевать, режим еще долго мог бы продержаться. На век Горбачева бы хватило.

— Ну, хорошо, он хотел, как лучше, он рисковал и совершал мужественные поступки, но теперь — и вы признаете это — выяснилось, что во многом ошибался. Его критикуют, а самые нетерпеливые даже требуют смещения. Возникает вопрос: как долго общество еще должно признавать его несомненные заслуги, закрывая глаза на столь же несомненные провалы во внутренней политике? Живем все хуже...

— Скажу откровенно. Да, Горбачев недотягивает до своей уникальной горбачевской миссии, срывается на язык и мышление прежней эпохи. Мне, как человеку, который «болеет» за него, это тяжко видеть. Но я убежден: сегодня у него больше моральных и политических прав на верховную власть, чем у других. У него то преимущество, что он проверен практически безраздельной властью. Как поведут себя на его месте другие, даже самые добросовестные его критики, мы не знаем. Не знают этого и они сами. Пока у нас нет правового государства, нет гарантий от новой диктатуры, я бы не спешил с переменами в высших эшелонах власти. Я бы говорил о трагедии коммунистических реформаторов. Они сознательно переводят общество в новое демократическое состояние, где уже нет места для них самих.

Впрочем, не менее трудна и роль оппозиции. Для того чтобы победить, она берет на вооружение многие методы своих идейных противников. У иных вся деятельность построена на трех большевистских принципах. Первый — все поделить! Второй — кто не с нами, тот против нас! Третий — не знаем что, но доведем до конца!

— Может быть, это даже и неизбежная тактика политической борьбы на переходном этапе?

— То же самое происходило и в 1917 году. Демократы боролись с самодержавием. Сбросили царя. Создали политические условия для активной легальной деятельности тех же большевиков. Но стоило радикалам получить реальные возможности влиять на массы, как они стали нетерпимы к своим вчерашним союзникам. Нет нужды доказывать, что людей, готовых переступить через нормы цивилизованного поведения, летом и осенью 1917 года было в России намного больше, чем тех, кто не мог в силу своих нравственных убеждений пойти на это. В тех условиях захватить власть особого труда не составляло: надо было только сделать выбор, связать себя с теми, кто жаждал расправы и черного передела, кто легко манипулировал исконной нелюбовью народа к правительству. Перед этим выбором, с кем строить новую жизнь России — с ее лучшим меньшинством или с неграмотной, возбужденной толпой,— стояли тогда все политические партии. Большевики выбрали толпу и победили.

— Александр Сергеевич, а кого вы конкретно имеете в виду, называя сегодня новыми большевиками? Я потому спрашиваю, что читатели наверняка ждут ясных ответов... Вот, например, Валерия Новодворская из ДС, которая находится под следствием за оскорбление Президента,— она «большевичка»?

— Судя по интервью, напечатанному в «Огоньке», она прежде всего честный политик. Я могу не соглашаться с ее убеждениями и поступками, но совершенно ясно, что она чужда какой бы то ни было политической конъюнктуре. Это вызывает уважение. К тому же она дорого платит за свои убеждения и совсем не из тех, кто становится храбрым с разрешения начальства.

Кстати, хочу поделиться одним любопытным наблюдением. Все мы знаем, кто кем был до перестройки, особенно в академических кругах. Так вот, я обратил внимание на одну характерную деталь: те, кто раньше рисковал «по-черному», вчерашние «легальные радикалы», ныне занимают вполне умеренную позицию. Я не о диссидентах, конечно, говорю, а о тех, с кем лично связан долгие годы. Например, хорошо известные в философских кругах Пиама Гайденко и Юрий Давыдов — они были исключены из партии за подпись под письмом в защиту Галанскова и Гинзбурга. Или Лен Карпинский, Володя Глотов, Юрий Левада, Юрий Карякин, Игорь Клямкин... Сей список могу множить до бесконечности. Напротив, те, кто молчал в тряпочку, теперь выказывают самые радикальные настроения.

— Напомню, читатели ждут имен...

— Я не стану их называть. Хотя бы потому, что не считаю себя судьей по отношению к этим людям, да и допускаю вполне, что они сегодня совершенно искренни. Наверное, и не надо

никого винить. Возможно, здесь следует искать некую логику исторического процесса. Модель такова. Люди, радикально мыслящие и действующие в условиях стесненных, получают свободу. Но они уже успели изжить свой радикализм, научились думать о последствиях (как вы понимаете, я не оргвыводы имею в виду), они чувствуют груз ответственности. А те, кто выбывается на поверхность политической жизни в льготных условиях, как правило, еще не имеют опыта радикализма. Они и живут, по слову поэта, «дыша и большевея», поскольку большевизм — воздух империи, которым дышали столько лет, а другого и не нюхали...

— Иными словами, кого раньше интересовала истина, и ныне в нее погружен, а кто вчера делал карьеру на одних лозунгах, сегодня делает карьеру на других?

— Да. Вообще меня тошнит от всех лозунгов, начиная с партийных и кончая радикальными вроде «покончим с прошлым». С прошлым не кончать надо, его следует подвергать детальному, содержательному анализу, дабы не повторять трагических ошибок.

— Вы либерал?

— Во всяком случае, исторический опыт подсказывает мне, что радикальные средства в политике никогда у нас к добру не приводили. Сейчас плохое время для либералов. Людей интересует, с кем ты, за кого борешься. Истина никого не интересует.

— А чем вы объясняете, что в странах Восточной Европы к власти пришли именно радикалы, причем их успехам из нашего далека можно лишь позавидовать?

— Главная причина, на мой взгляд, в том, что они слишком недолго прожили при социализме. Не было длительного идеологического облучения, как у нас. Поэтому в «братских компартиях» состояла лишь незначительная часть интеллигенции, не имевшая никакого авторитета. Разве что Дубчек, так ведь его уважали совсем не за партийный билет... Оппозиция в соцстранах обычно стояла вне партии и пользовалась огромной поддержкой в народе, особенно «Солидарность» в Польше и «Хартия-77» в Чехословакии. Это была реальная политическая оппозиция. Не случайно в ЧСФР во главе государства сегодня Вацлав Гавел — бывший политзаключенный, национальный герой.

У нас все сложнее. Разве правозащитники в брежневские годы могли составить реальную политическую конкуренцию власти?

— Да они к этому и не стремились. Их оказалось мало... Скорее, они были в моральной оппозиции, протестуя против нарушения прав человека и призывая власти соблюдать статьи своей Конституции. Политиками же становились в основном лишь постольку, поскольку садились по политическим статьям. Широкой поддержкой в народе не пользовались. По-моему, академик Сахаров и в последние годы жизни мог лишь нравственно противостоять Съезду, Верховному Совету, Горбачеву, но политически был почти беспомощен...

— Да, и это проясняет суть проблемы. Те, кто пребывал в моральной оппозиции режиму, не могут стать политиками. Нынешние политики-оппозиционеры — совсем не те диссиденты, которые рисковали жизнью и сидели по ссылкам, тюрьмам, психушкам и лагерям. Самые известные деятели оппозиции, в том числе и «большевики», вышли из недр партии. Получается, что КПСС порождает реформаторов, оппозиционеров и радикалов.

— Есть еще подозрение, что она порождает и некоторые подставные партии с темными личностями во главе.

— Ну, это отдельная тема. Отмечу лишь явное отсутствие политической воли у подлинной либеральной интеллигенции. Нет людей, которые могли бы встать во главе возрожденного либерального движения. Поэтому демократы воюют с демократами. Между тем пришла пора одуматься и хоть на неделю ввести мораторий на политическую борьбу. Мы живем в совершенно непредсказуемое время, когда один неверный шаг — и все рухнет... Время объединяться.

— Или разъединяться?

— Вы имеете в виду декларации о суверенитете и спешный выход некоторых республик из состава СССР? Боюсь показаться ретроградом, но это не «выход». Ведь нет гарантий, что суверенность всем принесет мир и демократию. Это возможно в Прибалтике. Увеличиваются шансы демократического развития независимой Украины. Но где уверенность, что Россия, пожертвовав во имя ускорения демократических перемен своей целостностью, достигнет желанных целей? Я сегодня, как и многие, уже ко всему готов. Если русская демократическая интеллигенция так жаждет разрушить свое государство, тут ничего не поделаешь. Наверное, и впрямь настало время прощания. Но я не могу не видеть, что демократы России, если добьются паралича союзной власти, сами окажутся не у дел. Им не будет места в новой Московии.

Поймите меня верно. Я не сторонник единой и неделимой. Этот лозунг изжил себя еще в начале века. Однако я не могу не протестовать против той поспешности, с какой сегодня решаются исторические судьбы страны. Ведь Россия — это не только империя. Это еще наша Родина, наша отчизна, наше духовное убежище. Посмотрите, как механистично применяется принцип самоопределения! Все говорят о государственном суверенитете, вплоть до отделения. Хорошо. Но почему в таком случае никто не хочет проводить референдум? Сложнейшие исторические проблемы решаются путем массовых митингов, в которые превращаются заседания республиканских парламентов. Это не цивилизованно. Точно так же и на российском съезде избрали самый примитивный, большевистский путь: провозгласили верховенство своих законов над законами страны, и точка.

— Мне несложно вам возразить от лица, так сказать, демократов. Скажу, что страшно жить под властью союзного парламента, не способного ни к быстрому, решительному принятию законов, ни к жесткому контролю над их выполнением. Страшно жить под этим союзным правительством, беспомощным и слабым. Хочется скорее бежать от них. Да, это нерасчетливо и чревато... Но что делать? Здесь не только «вакханалия власти», но и чувство ответственности перед народом. Что до прибалтов, то ведь у них никто не проводил референдума перед войной. Присоединили, и все.

— Осенью 1917 года население России тоже думало, что хуже, чем при Керенском, быть не может. Но вскоре наступили годы, как говорили наши бабушки, голодного кошмара. Я предпочел бы так называемые «монархические замашки» Горбачева террористическим замашкам одуревшей от вседозволенности толпы. Нет ничего страшнее, чем жить в России в условиях безвластия и развала. Между тем конфликт между властью РСФСР и властью СССР — это уже начало политического хаоса.

Смотрите, что происходит. С одной стороны, российские депутаты утверждают, что РСФСР — это отдельное территориальное образование, которое располагает правами по отношению к центру. Они держатся в рамках коммунистической легитимности — того уровня понятий, которые созданы историей советского периода. С другой стороны, министр финансов России говорит: мы должны отдать долги дореволюционной России. Надо же сперва договориться, о какой России идет речь! У меня ощущение, что в зависимости от политической конъюнктуры используется то одна легитимность, то другая. Это мина, на которой можно взорваться...

— Ну, а центр?

— Та же большевистская двойственность сознания. Особенно в идеологии. Президент утверждает свою приверженность общечеловеческим ценностям. А с другой стороны, настаивает на «социалистическом выборе». А вопрос о границах? Доминирует мысль, что наша страна — это союз суверенных государств, в основном объединившихся в 1922 году. Но при этом рассматривают сей союз как правопреемника Российской империи. Тут уже забывают о социалистическом государстве и обращаются к дореволюционной истории. Той же болезнью больны и в республиках. Нет ни одной, желающей добровольно отказаться от территорий, подаренных ей Советской властью. В этих границах и объявляется очередная декларация о независимости от центральной власти. Получается, нравственно то, что выгодно. Какая-то патовая ситуация.

— Если пользоваться шахматными терминами, то я бы скорее назвал цугцванг — положение, при котором к печальным последствиям ведет любой ход. В самом деле, любое, разумное или неразумное, решение союзной или местной власти как-то фатально усугубляет ситуацию. Знаете, по теории катастроф (есть такая) по мере погружения в катастрофу скорость увеличивается... независимо от любых усилий. Только и надежды, что на чудо. Как в старой окуджавской песенке про мастера Гришу, который придет и «все наладит». Но вот чудо случается. В двух центральных газетах огромными тиражами публикуется труд Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию».

— Солженицын — трагическая фигура. Подобно Сахарову, он стал объектом политических спекуляций. Сахарова нет, он уже не может возразить тем, кто использует его имя для своих целей. Солженицын жив, но в изгнании. Теперь он открыл всем главную тайну своей жизни. Этот человек живет Россией, дышит ею, присутствует в ней. Его глубочайшее несчастье в том, что он насильственно отлучен от Родины. Он долго молчал, внимательно следя за тем, что происходит в стране. Он долго подбирал слова для обращения к своим соотечественникам. Он желал помочь. Его помощи ждали. И вот он высказался...

И оказалось, что этот человек здесь не нужен. Его не желают слушать. Он ищет истину, но истина большинству не нужна. Если бы наши политики не были так погружены в борьбу за демократию, они бы оценили и порыв, и боль, и мудрость писателя.

— Вы все принимаете у Солженицына?

— Мне многое близко. Очень дорога главная мысль: призыв к народу отказаться от претензий на особую миссию в истории. Заняться собственными проблемами. Вернуться в цивилизацию. Обойтись без этих бесконечных войн, ибо имперская идея самореализации за счет расширения территорий себя исчерпала.

Мне близко его стремление перевести анализ нашего положения на достоверную историческую основу. Если мы говорим, что коммунистический эксперимент не удался, что сама попытка построения этого утопического государства оказалась несостоятельна, тогда надо вернуться к истокам. У него очень точное ощущение опасности срыва в хаос. Он напоминает о важном: да, необходимы перемены, но готовы ли к ним?

Здесь он, кстати, критикует Г. Попова. Но, между прочим, Собчак и Попов — чуть ли не единственные среди демократов люди, которые могли бы по совести поддержать мысль Солженицына о неготовности радикалов к власти. Собчак уже и говорил, что люди, которые получили мандаты, победили на волне ненависти. Многие из них не способны ни к какой конструктивной деятельности. В связи с чем возникают серьезные сомнения в эффективности всей советской системы.

Солженицын глубоко чувствует русскую жизнь. У него ясное ощущение болезни, переживаемой обществом, и ясное понимание того, какими средствами эту болезнь лечить нельзя. Стране противопоказаны методы 1917 года, он предостерегает от утопических иллюзий и бесовщины радикализма. В некоторых своих рассуждениях, на мой взгляд, он архаичен: когда пишет о противоречии духовности и богатства; призывает к отказу от сверхчастной собственности; агитирует за неизменность цен. Но ведь он не навязывает своего мнения. Он не план спасения России предлагает читателям, а посильные соображения свои. Он слишком хорошо понимает всю катастрофичность нашего положения и знает, что никаких таких планов в природе нет. Это трагедия России, что она заставляет художников заниматься сочинением экономических программ...

— В парламенте страны мы стали свидетелями небывалой сцены. Депутаты, отринув государственные дела, увлеченно критиковали брошюру А. И. Солженицына. Итог подвел Президент. Он назвал писателя великим, но, успокаивая собравшихся, сообщил им, что ему чужды политические взгляды Солженицына,— он весь в прошлом.

— Я не думаю, что Александр Исаевич дал повод для подобных речей. Не понимаю обиды украинского делегата. Солженицын предлагает всем республикам свободу выбора. Да, ему хочется, чтобы украинцы и русские жили под одной крышей. Здесь и его личная, кровная судьба: он пишет о своем происхождении. Он неконфликтен.

Я понимаю сложность положения Горбачева. И все же считаю эту его речь неудачной. Пора отказаться от ярлыков, к тому же ложных. Солженицын поддерживает сильную президентскую власть, и Горбачев нуждается в такой авторитетной поддержке, но... нам не нужны живые авторитеты.

Меня вообще поражает... Если у Горбачева хватило мужества и мудрости позвонить Сахарову в Горький, пригласить в Москву, что мешает ему позвонить в Вермонт? Мы виновны перед этим человеком и все как-то забываем принести ему свои извинения. Руководство страны не меньше, чем интеллигенция, нуждается в единении с народом. Для этого нужны поступки, которые люди могли бы по достоинству оценить. Это выгодно, наконец, если уж мыслить большевистскими категориями.

— Тогда, простите, последний вопрос: Горбачев — большевик?

— Горбачев — загадка. Чисто по-человечески он, несомненно, противник насилия. Не фанатик идеи. Явно не верит в классовую мораль. У него классическое реформистское мышление. По-моему, он антибольшевик. И по целям, которые ставит перед собой, и по средствам их достижения. С другой стороны, клянется именем Ленина... Да и ситуация в стране такая, что у иных велик соблазн вернуться к большевистским методам. Дай Бог ему избежать этого соблазна.

●

В Ленинградском училище подводного плавания прошла конференция «За ленинизм и коммунистические идеалы». Встречу организовало общество «Единство», возглавляемое Ниной Андреевой. Конференция приняла решение исключить Михаила Горбачева из КПСС на Всесоюзном партсобрании. «Единство» намеревается выпускать массовую газету, размером с «Правду». Идейной основой газеты станет «большевизация КПСС».

«Экспресс — Хроника»

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Он помахал мне на прощание рукой, и я мирно отправился к своей «газели». Через час я уже пришвартовался к своей пристани.

— Хватит! Надоело! — решительно заявил я Кэти, удивленно моргающей глазами.— Надоели мне вся эта тягомотина и твои выкрутасы! 10 октября будем праздновать нашу помолвку в Брайтоне, пригласим папу с сестрой, еще кого-нибудь... Решено!

— Но Алекс...— Она нежно замерла на моей косматой груди: подумать только, сколько счастья свалилось сразу на голову несчастной парикмахерши с Бонд-стрит!

— Давай заранее съездим в Брайтон, закажем ресторан, а заодно и походим на яхте! О'кей? А сейчас, моя милая, поехали кутить! Надоела мне вся эта беготня с радиобизнесом!

И жених с невестой помчались в незабвенный «Монсиньор», что на Джермин-стрит, уже давно уничтоживший мою патриотическую страсть к пожарским котлетам.

Кэти любила устрицы, креветки, клубнику со сливками и прочую простую пищу, чем мы и отпраздновали великое решение.

Какое счастье, что Маня и другие партайгеноссе никогда не бывали в таких заведениях, не имели ни малейшего представления ни об устрицах, ни о почках по-лионски, омаровом супе и других изысках и потому не завидовали и были глубоко убеждены, что в этом прекрасном мире нет ничего лучше, чем номенклатурные деликатесы из специального распределителя.

Юджин уже не раз говорил мне по телефону о своем твердом режиме: подъем рано утром, зарядка, чашка кофе и кропание за письменным столом до двух часов,— рассказывал он об этом с серьезностью сумасшедшего.

Я заехал к нему на следующее утро без предупреждения и застал в халате, надетом на белую сорочку с галстуком.

— Извините, Юджин, что не позвонил... Проезжал мимо, решил заехать. Мы с Кэти решили сделать небольшой обед 10 октября. Хотелось бы, чтобы вы составили нам компанию.

— Спасибо, Алекс, огромное спасибо. А где мы будем обедать?

— Пока мы не решили. Зарезервируйте на всякий случай весь день!

— Ого! Но мы с вами надеремся!

— И что в этом плохого?

Мы блаженно расхохотались и едва не упали друг другу в объятия.

В тот день я подготовил сообщение в Центр для передачи через Болонью:

«С «Региной» достигнута договоренность о помолвке в Брайтоне, где живет ее отец, 10 октября с. г. «Конт» согласился принять участие в обеде, места встречи я ему не раскрывал.

План мероприятия:

12.00 утра — отъезд из дома.

12.30. Заезд за «Контом» домой.

15.00. Приезд в Брайтон.

16.00.—19.00. Празднование помолвки в ресторане «Морской орел», где с ним может установить контакт представитель Центра. Том».

Итак, общая схема прояснилась, оставалось лишь ждать и ждать 10 октября, смотреть на циферблат, вздыхать, что так медленно тянется время, скользить по лезвию ножа, дрожа от сладости пореза...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—46.

Глава одиннадцатая

О ТОМ, КАК ЗАМАНИТЬ ПРИЯТЕЛЯ В ЛОВУШКУ И ПРИДУШИТЬ

«Сеть, сеть, сеть»,— беспокойно зашептали вокруг кота. Но сеть, черт знает почему, зацепилась у кого-то в кармане и не полезла наружу».

М. БУЛГАКОВ

И все-таки свинью мне подложили величайшую. Нет, я не чурался любой работы и даже соглашался быть на подхвате, но Челюсть ведь знал, знал подлец прекрасно, как я отношусь к делу «Конта», видел же он выражение моего лица, когда зондировал в Монтре по дороге к горнолыжному центру. А моя телеграмма с отказом заниматься предателем? Подставил Челюсть ножку — воистину тот, кто ужинает с дьяволом, должен иметь длинную ложку. Да и зря они заварили всю эту кашу: вряд ли «Конт» пойдет на вербовку, а если нет, то зачем вывозить его? Не Крысу же вытягивали за хвост из норы, а несчастного беглеца, попавшего на родине в беду. Так ли это? Не малюй идиллические картинки, Алекс, и поменьше иллюзий. Если бы наши идеи были лошадьми, то нищие катались бы на них верхом. Ты что, в душу Юджина заглянуть успел? Центру всегда виднее со своей вышки, его лупа, словно магический кристалл, различает и собирает воедино миллионы золотых крупинок информации. Если сам Юджин и не имел возможностей доступа к сверхсекретным документам, то разве он не мог завербовать одну из веснушчатых девочек-машинисток из секретариата Мани, через который проходили лавины секретов? Кто знает, быть может, он руководил целой резидентурой, обвившей шупальцами весь Монастырь? Почему бы Юджину не быть Крысой?

— Так мы едем в Брайтон или нет? — Кэти раскрыла глаза[1].

— Несомненно,— пророкотал я.

Она еще спала, но притворялась, что уже проснулась.

— Как погода, милый?

— Вполне приличная для прогулки на яхте...

И она смежила веки и продолжила свой сладкий сон.

В Брайтоне мы бывали время от времени, тянуло меня порой на морские прогулки (чего стоит образ Алекса в синем блейзере с сияющими медными пуговицами и строгой капитанской фуражке, сжимающего твердой рукой руль!), с последующим шведским столом в королевском яхт-клубе в сотне ярдов от причала, где стояла яхта.

[1] Глаза, между прочим, прекрасные, в которых, как я убеждал ее, тьма перемешана со светом.

Я потянулся, как переспавший, обленившийся кот, и спрыгнул на пол.

На тумбочке рядом с Кэти лежал сборник гороскопов, раскрытый, естественно, на созвездии Близнецов, под которым родился герой ее романа. Кэти серьезно относилась к нашему браку и изучала меня по всем статьям, словно прилежный ученый, рассматривающий под микроскопом крылышко стрекозы.

«Стихия воздуха под управлением Меркурия. Живые и остроумные Близнецы (поразительно точный портрет Алекса!) желанны в любом обществе. Сообразительность и осведомленность создают им репутацию интеллектуалов и эрудитов. Их день — среда (странно, но мне везет по понедельникам), камни — берилл, гранат, кварц (очень точно, если учесть, что в ларце Риммы лежали бриллианты, которые я никогда не дарил). Гармоничен союз с Весами, Водолеями, Львами, Овнами». Я нагнулся и поцеловал Кэти в щеку.

— Kiss me, Kate![2] —сказал я нежно и вспомнил чье-то: «Под развесистым каштаном продали средь бела дня — я тебя, а ты меня. Под развесистым каштаном мы лежим средь бела дня, справа ты, а слева я».

Была блаженная суббота, в эти дни Монастырь не дремал, не расслаблялся и не отрывался от подзорной трубы: высочайшим повелением Самого на уикэнды вводилось дежурство на всех уровнях — круглосуточные тотальные бдения вошли в плоть и кровь Мекленбурга, а как же иначе? Ведь миллионы Брутов с наточенными кинжалами охотились за Самым-Самым, разводил пары самиздат, шпионы готовились взорвать Неоднозначную Стену, вся страна сидела на пороховой бочке, и стоило лишь поднести спичку к бикфордову шнуру... (возможно, так оно и было).

Вахту несли и в священных стенах, и дома, и постоянно звонили на работу, и докладывали о своих передвижениях, даже находясь на дачных огородах.

Монастырь бдил и улавливал своими чуткими ушами все местные и международные происшествия, которые сыпались как из рога изобилия.

Уходили в отставку правительства, свершались перевороты в дальних странах, судьбы которых непостижимым образом переплетались с благополучием Мекленбурга, случались и мелкие, но не менее болезненные ЧП, вроде пребывания в вытрезвителе загулявших монахов, самоубийства механика гаража, удавившего жену, бродячие кошки вдруг подлезали под ворота и устраивали во дворе праздник любви, от которого электронная система тревоги била в такие колокола, что срывала и ставила «в ружье» целый взвод солдат.

Утром Маня с интересом выслушивал все сенсации и, когда Главный Дежурный, лихо застыв в стойке «смирно», докладывал, что «никаких происшествий не произошло» — происшествия, как известно, либо происходят, либо не происходят,— по бабьему лицу Мани пробегала гримаса разочарования, он раздраженно хмурился, садился в кресло и бросал придирчивый взгляд на груду ручек и карандашей (зачинивать последние предписывалось лично Главному Дежурному, клерков меньшего калибра к заточке на импортной точилке не допускали, запрещалось допускать в высокий кабинет разную мелкую шваль, способную вставить в стол «клопа»), поправлял держатель для коробка со спичками (он не курил) и пресс-папье (чернилами уже четверть века мало кто пользовался).

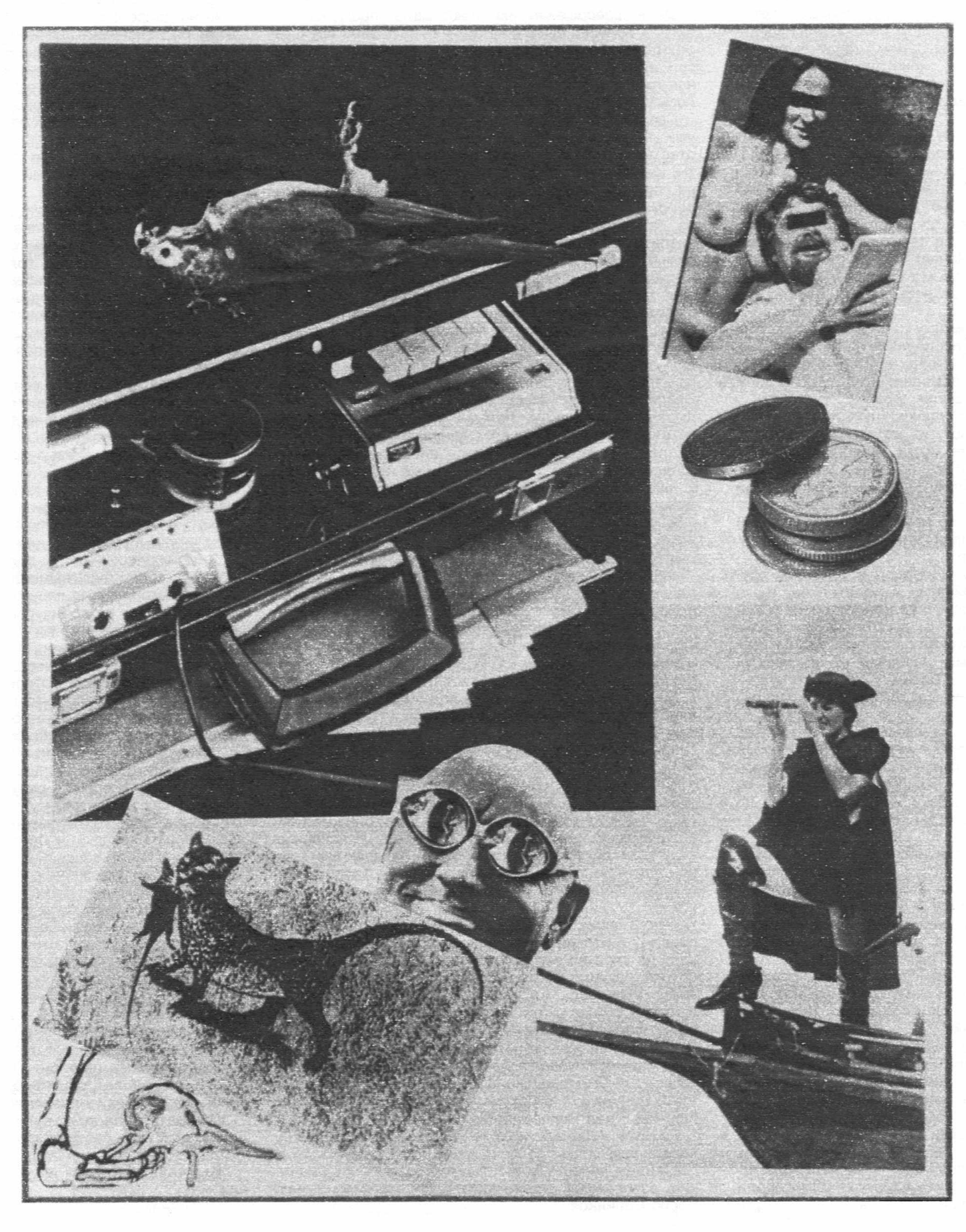
На письменном столе, как на свалке, громоздились медные ножи для разрезания бумаги, контейнеры для скрепок, ножницы, тюбики с клеем и клейкая лента (во время кровавых правок он резал и клеил, что его успокаивало) — все знали слабость Мани к канцтоварам и привозили их со всех краев света...

Неужели они решили кокнуть «Конта»? Неужели плюнули на репутацию нового миролюбивого Мекленбурга и на все законы? Но ведь «Конта» могли приговорить заочно на закрытом заседании военного трибунала.

Я вспомнил слова Челюсти:

— Усы, конечно, во многом ошибались и наломали дров, но признаем, что в те годы страна имела авторитет, нас боялись! Да и на что похожа политика, у которой отбирают кинжал и яд? Бессильны все эти парламенты и демократии, переливающие из пустого в порожнее, как на собрании старых баб! Что говорить, при Усах ребята ради Идеи себя не жалели и работали на износ! Крали и убивали за рубежом, да

[2] «Поцелуй меня, Кейт!» — слова Петруччио, обращенные к Катарине во втором акте «Укрощения строптивой», отрывок из которой мы самозабвенно играли на самодеятельных подмостках в семинарии во имя совершенствования языка.

и как было не кокнуть генералов, заливших кровью страну во время гражданской войны, или Иудушку Троцкого и его прихвостней?

— Но сам Учитель осуждал индивидуальный террор...— мягко возражал я.

Челюсть лишь пробарабанил пальцами по глади письменного стола — в отличие от Мани его рабочее место напоминало пустыню Гоби: лишь одинокая ручка фирмы «Монблан» с золотым пером (дорогое удовольствие, подарок Алекса) строго покоилась на нем. Документы Челюсть сразу же после прочтения убирал в сейф времен очаковских и покоренья Крыма,— конспирация начинается с порядка, и никаких безделушек, никаких пресс-папье и бронзовых чернильниц, ничто не должно отвлекать Мысль, освещающую, как маяк, пути Монастыря.

Челюсть, Челюсть! A little more than kin, and less than kind[3], иногда я ненавидел и его, и Маню, и всю камарилью, и чаще всего я ненавидел по ночам, когда не шел ко мне сон.

Страшные игры прокручивал я тогда в своей голове, безжалостные и унизительные, как у маркиза де Сада! Тогда в моих фантазиях возникал пышный гарем с гуриями, где Маня занимал место султана, а Челюсть — первого евнуха. Маня беспрестанно поправлял тюрбан, прикрывавший «ежик», облизывал вожделенно губы и вдруг указывал перстом на одну из наложниц, прикрытую черной чадрой. Челюсть-евнух подводил ее к султану, она целовала ему ноги и приоткрывала лицо — о Боже, это была сама Большая Земля, только не расплывшаяся до размеров Материка, а полненькая, с круглым задом и ястребиными очами...

Не отрываясь, я вглядывался в лицо Челюсти, надеясь узреть дрожание губ и судороги на лице, но он был бесстрастен, как сфинкс,— и я радовался, сердцем чувствуя все муки его самолюбия, я видел, что за кривой улыбкой, теряющейся в огромном подбородке, скрывается жажда разорвать Маню на части. A little more than kin, and less than kind — лошадка выскочила далеко вперед, обскакала ловко и небрежно благодаря сиятельному тестю, а тяжеловоз Алекс, тягач Алекс, чернорабочий Алекс тянулся сзади со своей телегой, забитой поклажей.

Когда Челюсть оказался правой рукой у Мани, внешне ничего не изменилось: «Привет, старик, как дела? Почему не заходишь? Не стесняйся, заходи, мы же старые друзья!»

Сначала я заходил просто так, но взгляд его был рассеян, и он мягко беседовал со мной, думая о других, более высоких материях. Во время приездов моих в отпуск всегда обнимал и целовал, словно клевал в щеку. Маня, вручая однажды орден, целовал с большим чувством, трижды даже, и прижимал крепко к груди — вот она, партийная школа! Целовались в те годы все, от малых чинов до высоких, любили друг друга до безумия.

И все же в просторном кабинете Челюсти я чувствовал отчуждение, несмотря на теплое «старик» и похлопывания по плечу, я стоял посредине кабинета, одинокий, как ручка «Монблан» на его письменном столе. Он сажал меня в кресло рядом с книжными полками, где все было рассчитано на разинувших рот простаков зрителей: «Автобиография» лорда Рассела (тяга к абстрактной философии, уводящей от шпионских будней), переписка классиков (нестандартный интерес к жизни Учителей Учителя — еще одно доказательство неистребимой преданности Делу), «Кибернетика» Винера (восхищение передовой научно-технической мыслью), томик Пушкина («в свободную минутку раскрою, усталость как рукой снимает»). Даже портрет Учителя на стене он велел повесить — не бесцветно-холодный, похожий на плохую икону, как у Мани и прочих тузов, а снятый в последние годы жизни, с трагически раскрытыми глазами, смотрящими чуть исподлобья, словно усом-

[3] **«Немного больше, чем родственник, немного меньше, чем друг» — любого человека я примеряю этой фразой умника Вилли.**

нившимися на миг в светлом будущем, предначертанном еще не парализованной рукой.

Молчи, Алекс, молчи, неблагодарный! Разве ты не помнишь, кто вытянул тебя за уши из самого темного закоулка человеческого тела, когда Римма, хватив лишнего на одном банкете, вдруг рассказала издевательский анекдот о Самом-Самом? Люди были все свои, из Монастыря, и хохотали, естественно, искренне, а через неделю Алекса вызвали в Кадры и попросили изложить злонамеренный анекдот, что я сделать не смог, ибо по пьянке все забыл. Пришлось сочинить слезливое объяснение, которое по своим таинственным каналам уплыло наверх, а потом попало к Мане, который раздраженно написал резолюцию Челюсти: «Пр. разобр. и дол.» [4]. Лукавый заместитель нахмурил лоб и бросил секретарше: «Вызовите эту болтушку, уж я ее взгрею!» — Челюсть знал длинные языки своих секретарш, и уже на следующее утро по Монастырю гуляла весть, что навис топор над Алексом и ждет его Лобное место за недержание супруги — во всех кельях царило радостное ожидание.

И Челюсть принял Римму у себя в кабинете, угостил кофе, поговорил о последних театральных премьерах (в театрах он не бывал, но следил за рецензиями), ни словом не обмолвился о злосчастном анекдоте и отпустил с Богом домой.

После беседы Челюсть написал чуть пониже резолюции Мани целый отчет, из которого следовало, что он прочистил Римме мозги, приказал держать язык за зубами, принял ее покаяние и пригрозил в случае рецидива прибегнуть к самым крайним мерам. Бумага вернулась к Мане, обожавшему точное и решительное выполнение своих указаний, который и закрыл весь этот мировой скандал одной закорючкой красного карандаша.

Челюсть показал себя молодцом и истинным другом — ведь мог и сдрейфить, и полетел бы тогда растерзанный Алекс вместе с чадами и домочадцами на периферию, гонял бы там диссидентских ворон.

И я прощал его, и выпускал из гарема, и перетасовывал колоду с картами, назначая на должность Главного Евнуха Бритую Голову, а на место султана — Самого, а Мане передавал функции Главного Банщика.

Вот тут и начинались катавасия и византийские интриги вокруг Самого, битва между Бритой Головой и Маней за его расположение и любовь. Сражались не на живот, а насмерть, заискивали, угодничали, дрались из-за веника, дабы похлестать Самого по спине, подводили девок, отталкивая друг друга локтями.

И вдруг явление Христа народу: входил Самый-Самый, распушив брови, и тут же возникал новый баланс сил,— ведь Бритая Голова доводился родственником Самому-Самому и выпивал с ним в интимной обстановке, куда непьющему и интеллектуальному Самому пути были заказаны. Тут уж Маня бледнел и прятался в простынях, Сам хватал веник и норовил похлестать по спине Самого-Самого, а Бритая Голова сталкивал Самого с полка и подсаживал на место султана Самого-Самого, подставив под короткие ножки шайку...

Я протопал босиком в ванную («опять пыль собираешь!» — сказала бы Римма) и начал священнодействовать над своей физиономией, украшенной проницательными, умными глазами и курносым неподозрительным носом, увы, не принадлежащим к предметам моей мужской гордости.

Побрившись и натерев себя «Фаберже» («частица черта в нас заключена подчас!»), я вернулся в комнату, где Кэти уже приступила к зарядке (стартовала она обычно уже в постели, лежа на спине и крутя ногами, как на велосипеде) и счастливо улыбалась в мечтах о предстоящей семейной жизни.

О помолвках я имел самое смутное представление (не каждый же год вязал себя грешник Алекс брачными узами!) и раскрыл энциклопедию «Британника»: «В Великобритании еще сохраняется обычай помолвки, хотя многие молодые люди обходятся без этого. Как правило, помолвка объявляется после согласия девушки на брак. Правила этикета диктуют, чтобы родители девушки первыми услышали новость, на практике, однако, об этом первыми узнают друзья, а не родители».

Далее о кольце, которое девица надевает на третий палец левой руки, и мудрый совет, что вместо бриллианта можно купить викторианский камень ценою лишь в несколько фунтов.

Бриллиантовое кольцо уже было заготовлено (куплено давно, согласно (!) санкции Центра на закрепление отношений с «Региной»), а почтенный родитель давно махнул на нас рукой и в последнее время даже не звонил по телефону.

С облегчением я прочитал: «В большинстве случаев помолвка сводится лишь к объявлению о ней родителям, друзьям и знакомым, некоторые устраивают по этому поводу банкет, а состоятельные люди помещают объявления в газетах».

Кэти отработала свои изнурительные упражнения, мы быстро позавтракали и на безотказной «газели» помчались в сторону Брайтона.

Меня совершенно не прельщала прогулка на яхте — полезно было собственными глазами изучить ресторан «Морской орел», вдруг он на ремонте — сел же я в лужу однажды, когда по старой памяти наметил агенту рандеву в пабе, который, как оказалось, сгорел полгода тому назад.

Свадебный марш Мендельсона уже щекотал мне уши — о грешник Алекс! святотатец Алекс! что ты ответишь, друг мой, на Страшном Суде и знаешь ли ты, каким мукам и карам подвергает двоеженцев ад на своих полыхающих кругах? А ты ведь не только двоеженец, ты, Алекс, шпион, лжец, пьяница, обжора, бабник, лицемер, бумаги не хватит, чтобы перечислить все твои прегрешения. Входи в ад, прыгай на раскаленную добела сковородку, не бойся, тут и компания неплохая: вот бородатая голова в красном тюрбане (не бритая ли?), из которой растут птичьи лапы, вот обнаженная грустная девица с распущенными ярко-рыжими волосами (не Римма ли?), обкрученная длиннющей гадюкой с выпущенным жалом, танцует она под трубу, в которую, раздуваясь, как шар, дует сизая птица в сапогах (не Совесть Эпохи ли?). Скрюченная ведьма склонилась над задушенным ребенком, пальцы ее похожи на сухие ветви и вместо ног — хвост динозавра; рядом идиот в плетеной корзинке тужится сломать саблю над головой; а вот и ты, Алекс, голый и несчастный, с ошалевшими белыми глазами, распростерся ты, Алекс, в смертной тоске, проползают по тебе змеи, ящерицы, лохматые подозрительные птицы, щекочет тебе спину котоподобный тип с разинутой пастью, а сосед рядом льет в твой раскрытый рот... Нет, не «гленливет», нет — слишком много вокруг ночных горшков. И вот, задев боком ногу, торчащую из кастрюли, подходит к тебе прыщавая баба с «бобриком» и капает расплавленным оловом на голову, словно делает очередное вливание на совещании о какой-нибудь кризисной ситуации, а потом достает гвоздь, приставляет его к твоей голове...

А кто это лежит, подложив под голову руку, с кровавой раной под соском и безысходностью в глазах? Опять ты, Алекс, и склонился над тобою мрачный тип в черном плаще, обсыпанном золотыми блестками, с крысиной мордою и человеческим носом — вот и Крыса! — одна рука в перчатке до локтя сжимает твое пропитое горло, другая прижала клинок к груди. На спине у Крысы толстый щит, и тарелочка на нем с отрубленной кистью, нож пронзил ее, но крови не видно, и в двух вытянутых мертвых пальцах застыла игральная кость — что выпало тебе, Алекс? Что выпадет тебе? Что ты такого натворил? Никого не убивал, и никому не желал смерти, и издевался только в своих гаремных фантазиях. Что ты плохого сделал? А что хорошего? Паровоза не изобрел, Эдисона из тебя не вышло, отстаивал честно интересы Отечества (или Самого-Самого?). Выпустите меня, выпустите! Ведь во все века было именно так! И Иван Сусанин отдал жизнь за глупого царя, и единомышленники, обыкновенные крестьянские дети, как твой папа, ухнули полстраны ради Великой Идеи, и полковник Лоуренс служил прогнившей британской короне, и бесстрашный Зорге трудился на палача Усы! Никуда от этого не деться, таков condition humaine, удел человеческий.

Взгляни, неподалеку от тебя играет на арфе череп кавалера д'Эона, пробравшегося во двор Екатерины под видом девицы, а вот фанатик и троцкист Блюмкин, взорвавший германского посла Мирбаха, а вот Борис Савинков, по которому ходит маленький черный дракон со свечой и в ботинках с острыми шипами. Вбегает Азеф, и все кричат: «Ату его! ату!» А он в ответ: «Сами вы провокаторы!» — «Мы провокаторы?! Да мы борцы за благо народа!»

А тип в черном щекочет лицо крысиными усами:

— Ты нарушал супружескую верность?

— По велению долга!

— А Черная Смерть? — И глубже в сердце клинок, заныло сердце от тоски и от того, что не увидеть больше белый свет.

— Ты пьянствовал? Ты крал?

— Я выведывал секреты у врага...

— А помнишь «не укради»? Двоеженец!

— Я выполнял указания Центра. Я лишь исполнитель. Никто не имеет права судить солдата... я выполнял приказ...

— Выходит, и над палачом нет суда? Ведь он тоже выполняет приказ!

Нет! Не дело — судить солдата, не дело!

Перестань грызть себя, Алекс, глотни успокоительные таблетки, бери пример с великих мира сего, с Наполеона, с Бисмарка или даже с Усов — их никогда не мучили угрызения совести, даже мысли у них не было усомниться в своей правоте! Тебе бы в настоящий монастырь, как слабой Офелии (уходи в монастырь, go to the nunneru!), куда-нибудь в Оптину Пустынь, о которой ты знаешь понаслышке и где лежат лучшие сыны Отечества. Что твое двоеженство, Алекс, что твой так называемый разврат? Семечки! Джакомо Казанова лобзал двух прекрасных дам, взирал из окна на казнь Дамьена, кольнувшего Людовика XV перочинным ножиком в плечо,— веселые на дворе стояли времена, тело Дамьена разрывали раскаленными щипцами, поливали раны кипящим маслом под молитвы милосердных священников. А потом четыре вскормленных жеребца растянули тело несчастного в разные стороны — и делу конец, а продолжалось оно несколько часов, и любовный экстаз всех троих заглушал стоны на площади.

Разве сравниться тебе по злодейству с Казановой? Ты совсем не злодей, Алекс, ты лишь обыкновенный слабый человек.

Не терзай свою лживую душу, кто знает, может, и пронесет, и не захлопнет апостол Павел двери в рай прямо перед твоим хитрым носом...

— Ты знаешь, Алекс, голубой и белый — самые лучше цвета для женитьбы...— Это уже ворковала Кэти на автостраде, ведущей в Брайтон.— Белый цвет означает святое таинство. Знаешь, в Риме новобрачных осыпали рисом... это символ плодородия. В других странах до сих пор забрасывают гранатами, фигами...

— Когда мы устроим свадьбу?

— Когда хочешь... Запомни, что невесте нельзя дарить жемчуг и опал, и не дай Бог в день церемонии встретить на дороге свинью...[5] Паук на платье невесты — к деньгам. Если в доме есть кот, то невеста должна его покормить...

К Базилио мы заезжать не стали и прямо двинулись к причалу (предварительно я заскочил в «Морской орел», выпил там пива в баре и нашел заведение вполне пригодным для операции).

Яхта «Грациозная» — подарок Базилио любимой дочке — сияла округлыми боками и отнюдь не походила на скорлупку с парусом, из тех, что бегали по грязной Темзе во время регат. Это был крошечный одноэтажный домик, все нерабочее пространство под палубой делилось на два отсека: спальню и гостиную,— плавучий приют любви и наслаждений, оснащенный мощным мотором.

Кэти рассказывала, что в те страшные времена, когда папа отлучил ее от семейной казны за самостоятельность (читай: за беспорядочные сношения с мужиками), она постоянно проживала на яхте.

Часа два мы бороздили серые воды, посматривая на тусклую панораму Брайтона, такого же унылого осенью, как и Монтре,— под эти печальные крыши, наверное, хорошо приезжать умирать: все тускло, все облезло вокруг, и берег, и безжизненное небо слились и перемешались в одно тоскливое бесцветное пятно, и не жаль расставаться с промозглой неуютностью, и нет желания вернуться назад.

После прогулки Кэти снова пустилась в мечты о грядущих дочерях и сыновьях, ради их здоровья мне предписывалось строжайшее воздержание от пития — последние дни она помешалась на потомстве и после удачного совокупления задирала ноги на стену, что, по ее разумению, надежно завязывало прекрасный бутон.

6 октября я вышел на встречу с Болоньей. От автобусной остановки мы углубились в лес, уже усеянный желтыми листьями. На этот раз наружка не свирепствовала — очевидно, прямо у тайников Хилсмен организовал надежный скрытый контроль.

Погода стояла по-осеннему дивная, с синего безоблачного неба светило холодное солнце, развеивая мифы о сырости и смогах в Альбионе.

В начале встречи я вручил Болонье атлас Лондона.

— Я знаю, что такой атлас у вас есть, но в переплет заделано мое сообщение в Центр. Все зашифровано, вам остается лишь зашуговать его в Центр.

Болонья спокойно положил атлас в карман, даже бровью не шевельнул, шельма. О' кей! — уже сегодня мой план поездки с «Контом» ляжет пред светлые очи Мани.

— Как вы будете доставлять ящики с «пивом» к тайникам? — поинтересовался я.

— Все продумано, Алекс. Мы довозим ящики на машине до тупика около леса, затем переложим груз на складные велосипеды со специально приспособленным багажником и уже по тропинкам двинемся в лес.

Мы подошли к тайнику «Рассвет» и вдвоем отвалили камень от ямы. Оттуда дохнуло прелыми листьями и щекочущей вечностью, не хватало лишь гробовой змеи, выползающей из своего логова, чтобы поразить Алекса, как вещего князя Олега.

Болонья деловито осмотрел яму и пошуровал в листьях.

— Ящик войдет, но придется немного подкопать. Это и хорошо: сверху засыплем землей и сухими листьями.

— Интересно, как будут изымать «пиво» ирланд-

[4] Это был уже период, когда Маня от пространных резолюций-монологов перешел к сокращениям.

[5] О Боже мой! А на ум шли бриллианты из ларца Риммы, жемчуг, густо-розовые топазы, лунный камень и золотая змейка с глазами из настоящего гиацинта.

цы? — Очень мне хотелось его расколоть, но он только хмыкнул.

— Мое дело заложить и дать сигнал о закладке.

— А как вы узнаете, что ирландцы получили груз? — не унимался я.

— Они должны дать сигнал в эфир. Затем я телеграфирую в Центр о завершении операции, и все шито-крыто. Должен вам сказать, Алекс, что Семен оказался очень работоспособным агентом. Я буду ходатайствовать о выдаче ему крупного денежного вознаграждения.

— Передавайте ему привет и скажите, что я никогда не забуду его грибки и огурчики,— порадовался я.

Мы осмотрели тайник «Темницу» и прямо в лесу распрощались, договорившись об условиях экстренного вызова.

10 октября, фатальный день Икс, надвигалось неумолимо.

Именно в эти дни Кэти развила бешеную активность, дабы меблировать наше новое семейное гнездо, присмотрела чиппендейлские кожаные диван и кресла темно-гранатового цвета, антикварный письменный стол с узорчатыми ножками, дюжину бронзовых канделябров чуть ли не из венецианских дворцов, словно дворец собиралась обставить и в самый центр поместить неунывающего Алекса с трубкой в ровных белых зубах, отдаленно напоминающего британского премьер-министра Бенджамена Дизраэли, прожившего, кстати, всю жизнь с женой лорда Купера, народившей ему пятерых детей,— куда, интересно, направил его апостол Павел?

8 октября меня срочно вызвал на конспквартиру Хилсмен и положил на стол целую папку с отчетами наружного наблюдения о всех передвижениях Болоньи и его верного оруженосца.

— Всего читать не надо, только просмотрите... Но внимательно изучите отчет о работе за «Майклом» [6] 7 октября.

И я пошел по тексту, как по вязкому болоту:

«7 октября «Майкл» сошел с судна, доехал из Тилбури до вокзала Виктория, там сел в метро, добрался по линии Пиккадилли до остановки Финсбари-парк, пересел на северную линию и доехал до Южного Уимблдона. Выйдя из вагона, «Майкл» пропустил всех пассажиров вперед и некоторое время бродил по платформе, делая вид, что рассматривает рекламные объявления. Затем он быстро сел в подошедший поезд, следующий в противоположном направлении, вышел на остановке Тутин Бродвей (характерно, что билет купил до конечной остановки Морден) и, поднявшись, сел в автобус 151. Во время движения «Майкл» внимательно наблюдал за дорогой и незаметно делал пометки на карманной грифельной доске, очевидно, фиксируя номера идущих сзади автомобилей. Добравшись до Кингстона, он взял такси, доехал до Сербитона и пошел пешком, используя карту города и проверяясь. Затем на автобусе 49 добрался до Буши-парка, там пересел на автобус 37 и доехал до Кемптон-парка, где в это время начинались скачки. Там он обменялся фразами с тремя людьми (все трое взяты под слежку, их фамилии и местожительство устанавливаются). Посмотрев около часа скачки, «Майкл» вышел из Кемптон-парка, доехал на такси до Хемтон-корта и оттуда на поезде уехал в Доркинг, где вышел и углубился в лес [7]. В лесу он остановился у клена и делал вид, что дышит свежим воздухом. Пробыв в лесу полчаса, «Майкл» пешком добрался до станции, уехал на метро до Лондон-бридж, там вышел и направился по адресу Гриффит-лейн, дом 4, где у подъезда нажал на кнопку квартиры 27...»

— Ну и что? — спросил я, прочитав весь этот сумбурный и придурковатый детектив.— Они готовятся к операции с ирландцами, и его послали предварительно осмотреть тайники.

— Это понятно. А что вы скажете насчет Гриффит-лейн? — Он глядел на меня торжествующе.— Знаете, кто там живет? Жаклин! Контакт вашего Генри и бывшая пассия «Майкла»! Зачем он к ней поперся?

Я только развел руками — все это не лезло ни в какие ворота. Зачем это нужно Центру? Разве Генри не преуспел в работе с Жаклин? Шуточка ли — заполучить шифры! Такое в разведке случается не часто. Зачем же направлять героя Зальцведеля к своей бывшей пассии? Несколько спектаклей разыгрывалось вокруг меня, один другого сложнее, либо прогнило что-то в Датском королевстве, как говорил Гамлет, либо машина давала сбои, и, главное, ниточки тянулись в разные стороны, и никак невозможно было соединить их воедино и тем более привязать к попыткам переехать меня машиной или подстрелить, как воробья, в Эппинг Форесте.

Беспокойство охватило меня, тяжелое предчувствие смертельного конца, иногда находившее на меня и заставлявшее бодрствовать ночами, путешествовать среди склепов и представлять в ужасе эту космическую, необъятную и страшную формулу: НИКОГДА! НИКОГДА тебя не будет на свете! НИКОГДА! Nevermore!

То ли смерть, то ли разлука, то ли отъезд в неизвестность — от Хилсмена я ехал, как с похорон (Nevermore! — стучало в голове), руки машинально поворачивали руль, голова со знаменитым пробором словно окаменела, и глаза тяжело ворочались в орбитах, еле успевая следить за летящей дорогой.

У Грин-парка я оставил свой кар на случайно подвернувшейся стоянке и мрачно опустился в подземелье туалета, где, помимо основных дел, насладился изощренными надписями и рисунками на стенах. «Не забудь спустить воду — некоторые едят все»; «Не писай на пол — от этой лужи у людей сгниют подошвы»; «Сделай что-нибудь великое: трахни великана!» По интеллектуальной мощи Лондон давал фору неприхотливым мекленбургским клозетам, но зато явно уступал по витиеватой и заковыристой крепости мата.

Затем по парку Сент-Джеймс я дошел до Даунинг-стрит, 10, и чуть задержал там шаг, словно ожидая, что сейчас оттуда выскочит премьер-министр: «Что вы не заходите, дорогой Алекс? Чай уже готов и ваш любимый «гленливет» ожидает, как всегда, в баре под портретом лорда Пальмерстона. Батлер сейчас принесет лед...» — так по Пэлл-Мэллу я доплелся до Вестминстерского аббатства, сами ноги несли меня к усыпальницам, сами ноги тянулись к святым мощам, и я покорно повиновался, словно ведомый невидимой силой.

Великий путешественник Давид Ливингстон, великие архитекторы Бэрри, Скотт и Стрит, Неизвестный Солдат, а недалеко от стены, у самой двери, англо-французский лазутчик майор Джон Андре, повешенный по приказу генерала Вашингтона («Меня взяли в плен американцы,— это из его прощального письма,— раздели и лишили всего, кроме медальона с портретом любимой Онор, который я запрятал в рот. Сохранив его, я все же считаю себя счастливым!» — учись, забулдыга Алекс, скажешь ли ты это в свой смертный час?), тело перевезли в Англию, тут ценят разведчиков, даже курят им фимиам, лишь в Мекленбурге, где воздух напоен ароматами шпионства, как ни парадоксально, на нас, на героев, плюют и пока еще ни одного разведчика не захоронили в Неоднозначной Стене.

А вот и бард шпионов Редьярд Киплинг: «Смерть — наш Генерал, наш грозный флаг вознесен, каждый на пост свой стал, и на месте своем шпион!» — словно строй солдат, обходил могилы генерал Алекс, скорбно наклонив голову, промелькнули премьер-министры сэры болтун Гладстон, ханжа Пиль, распутник Дизраэли, и вдруг потянуло в Стратфорд-на-Эйвоне, к домику папиного идола, к статуе принца Гамлета. (— What do you read, my prince? — Words, words, words...— Что читаете, принц? — Слова, слова, слова.)

Но вместо Стратфорда моя стройная «газель» понеслась на кладбище на Банхилл Филдс, что рядом с гарнизоном седьмого полка королевских мушкетеров,— не мог я не визитировать могилу Даниэля Дефо, тоже великого шпиона, чьего «Робинзона» я в детстве зачитал до дыр.

И вдруг меня осенило, что я прощаюсь, прощаюсь с любимым городом, прощаюсь навсегда и бесповоротно... почему? почему?

Успокойся, Алекс, не мандражи перед операцией, хорошенько выспись и не пей накануне. Итак, десятого октября ровно в 12.30 ты заедешь за Юджином. Все эти дни он работает над эссе о подпольной прессе Мекленбурга — иначе не называет, только «эссе», а не какая-нибудь статья,— видно, считает себя мастером пера, инженером человеческих душ... Позванивает каждый день, уже в привычку вошло: «Что делаете, Алекс?» — «Беседую с Кэти».— «Счастливый человек! А я тружусь над эссе, не отрываюсь от стола! Знаете, как приятно!» — «Увы, мне бы толкнуть радиоприемники, куда нам до высоких материй!» — «Ха-ха, один ноль в вашу пользу, ха-ха!» — «Неужели пишете целый день?» — «Увы. Хотя творчество от чрезмерных усилий скудеет... Начинаю в семь утра и тружусь до полудня».— «Советую вам ставить ноги в тазик с водой, как Хем. Очень помогает...» — «Ха-ха, благодарю вас!» На всякий случай проверишься (вдруг эти кретины выставили «хвост»?) и поедешь ковать свое семейное счастье в Брайтон... а дальше? Дальше твое дело сторона, дальше будет действовать Центр, и это уже тебя не касается. Думай о «Бемоли» и не нервничай: твое дело Крыса, а тут все идет о'кей, Хилсмен верит тебе, и это доверие растет. Если пройдет операция с «пивом»... ты будешь на коне, Алекс. Сейчас бы «гленливета» с H_2O, самую малость, но нельзя терять форму.

Отчего такая смертельная тоска? Плюнь, Алекс, оборотись и трижды плюнь, от смерти не уйдешь, и дано тебе прожить ровно столько, сколько отмерено на роду. *На тебя, Господи, уповаю; да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; преклони ухо Твое ко мне, и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться; Ты заповедал спасти меня, ибо твердыня моя и крепость моя ТЫ.*

Жаль, что похоронят в Альбионе. Свои узнают через несколько месяцев, а то и позже. Кэти будет страдать, закопают на каком-нибудь дрянном кладбище, ни Дефо тебе в соседи, ни Учителя Учителя Карла. Дома умереть, пожалуй, приятнее: небольшая панихида, Челюсть толкнет прочувственную речь о боевом товарище, преданном делу, скромном и чутком к людям, обольется положенной слезой, взвод солдат пальнет в воздух холостыми, и застучат комья земли по деревянному домику Алекса. А вдруг сожгут? Непременно надо написать завещание и распорядиться, чтобы не жгли. Наука идет вперед, и всех мертвых через полвека преспокойно воскресят. Зачем же создавать сложности и превращать Алекса в пепел? Карамба! Шпионов, наверное, будут воскрешать в последнюю очередь. Разных борзописцев, которые то славили Усы, то Кукурузника, то Бровеносца, а сейчас, суки, бьют себя в грудь, этих вонючих пропагандистов, охмуривших народ и стучавших на всех, их, гадов, воскресят ведь в первую очередь — ах, цвет нации, совесть народа!

Они, эти стукачи и сексоты, выйдут из воды чистенькими, постараются еще, чтобы их агентурные дела сожгли, а Алексу... куда деться Алексу? Во вторую очередь тоже не воскресят, раздолбаи, вот и будешь веками гнить в дерьме, пока дождешься своего часа. А к тому времени земляне переселятся куда-нибудь в космос, заживут славной жизнью с инопланетянами, а твои кости так и останутся невоскрешенными... Одинокий, заброшенный, всеми забытый, никому не нужный — вот твой удел, Алекс. Аминь!

Девятого утром Кэти отбыла в Брайтон к Базилио, дабы обласкать и попросить у него родительского благословения вместе с солидным кушем приданого.

Я долго дремал, потом выпустил из клетки зеленого попугая, купленного недавно на Портабелло,— летай, Чарли, летай, радуйся воле! — Чарли попорхал и сел мне на плечо, прошелся клювом по волосам и растрепал идеальный пробор.

День тянулся неимоверно долго, я включал и выключал телевизор и пил отвар из валерьянового корня. Резня в Ливане. Угон самолета. Бомбы в Ольстере. Марши мира. Скоро покажут неопознанный труп, выплывший около Брайтона... тьфу! Не суетись, Алекс, суета сует, все суета, глоток «гленливета» под соленый орешек, черт с ним, все равно хуже не будет! Я включил нью-орлеанский джаз — увлечение молодости, даже запахи вспомнил того дня, когда мы с Риммой слушали блюз Сент-Луи... Как там она и Сережа?

Алекс, Алекс, износились твои нервы, тебе бы домой на потертую тахту. Сидеть себе и листать семейный альбом: крошка Алекс на руках у мамы, круглолордый Алекс с чубчиком и в матроске с плюшевым мишкой рядом на стуле. Алекс и Римма на берегу Голубого озера, что по дороге на Рицу. У обоих в зубах шашлыки, рты растянуты до ушей, славно жили, любили друг друга! Студент Алекс с папой в сером «тонаке» — словно кастрюля на голове, зачем он заменил им свою кепку? Римма в умопомрачительном декольте и рядом Сережка в красном галстуке. Алекс с улыбкой Кеннеди. Алекс у Бахчисарайского фонтана. Алекс на фоне Орлиных скал и Агурских водопадов. Раньше этот альбом лежал в гостиной на видном месте, а потом Римма засунула его куда-то в нишу.

Я вышел в ванную, вымыл лицо теплой водой и облился лосьоном «ронхилл» («вперед, вперед, нас честь зовет!»), его запах всегда успокаивал меня и вселял уверенность.

День наконец-то усох, за телевизором я прикончил и вечер — наступило время покойного сна. Теплая ванна, целая пинта валерьяны. Начал читать «Таймс» с некрологов — тьфу! — углубился в передовицу о предвыборной платформе тори, не выдержал, бросил, переключился на кулинарную страницу. Восемь унций риса, одна головка лука, одна долька чеснока, три унции несоленого масла, две чайные ложки оливкового масла, полторы пинты бульона, черный перец, четыре унции тертого сыра...

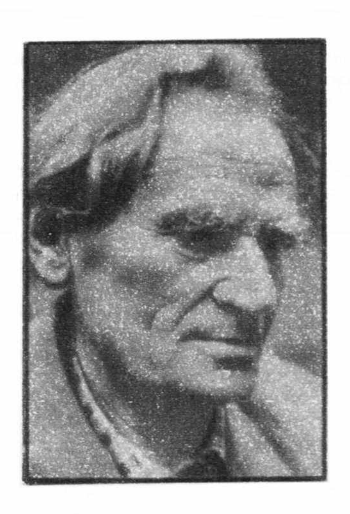
Вдруг дико захотелось есть. Я прошлепал на кухню, вычерпал из кастрюльки рагу, оставленное невестой, разогревать из-за нетерпения не стал — больше ни грамма,— улегся в постель и снова раскрыл «Таймс». Очистить лук и чеснок, мелко порезать. Подогреть две унции масла на сковородке и жарить чеснок и лук...

Я отбросил на пол газету, повернулся на бок и попытался заснуть. Никаких таблеток, ни в коем случае, иначе вялость и раскисшее состояние, завтра голова должна быть ясной, как солнечный день. Я начал считать овец в огромной отаре, овцы блеяли, словно Хилсмен кутал их в серые мекленбургские шинели перед расстрелом из снайперской винтовки. Одна овца, вторая овца, третья овца...

Продолжение следует.

[6] Так американцы окрестили Пасечника, фантазии оказалось еще меньше, чем у Чижика, неужели во всех спецслужбах работают люди лишь с одним полушарием?

[7] Там находились тайники — ямы для оружия.

Борис ЧИЧИБАБИН

ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО

После мрачного двадцатилетия запрета на печатное слово Чичибабина его стихи с 1987 года стали щедро появляться на страницах журналов. Но лишь теперь, с выходом в свет книги стихов «Колокол», стало возможным ощутить истинный масштаб мировоззренческого поиска и обретения поэта, порадоваться утверждению в отечественной поэзии своеобразного голоса, наделенного и даром, и судьбой.

«Истина есть духовное завоевание. Истина познается в свободе и через свободу»,— сказано едва ли не самым страстным из философов, Николаем Бердяевым. Именно этой интонацией мятежного духовного поиска, генетической жаждой распахнутого пространства исполнено протяжное, степное и ветровое звучание стихов Чичибабина.

Таков и характер поэта с «кротостью и мощью», во все времена утверждавший врожденное право на человеческую самоценность, на несогбенное достоинство. Притворяться и приспосабливаться Чичибабин никогда не хотел, не мог, не умел. Оттого все шрамы и ссадины, все известные этапы его биографии эпохи «уверенного поступательного развития»: личная сталинская пятилетка в лагерях с 46-го по 51-й год, стужа вятского лесоповала и — по возвращении в Харьков — волчий билет, мета зловещего времени для того, кто «не волк по крови своей»... Редакционная аннотация одной из ранних книжек Чичибабина плутовской скороговоркой бормочет: «Работал на лесоповале в Кировской области». Лагерное клеймо, крест на прежней учебе в университете, муторная лямка бухгалтера трамвайно-троллейбусной конторы в трущобном углу Харькова — близ рынка, именуемого не иначе как Благбаз... Эпоха обрубленных, кургузых, брякающих затворами слов — Вятлаг, Благбаз...

Как страшно в субботу ходить на работу,
в прилежные игры согбенно играться
и знать, на собраньях смиряя зевоту,
что в тягость душа нам и радостно рабство.

Краткий просвет, мелькнувшая пора оттепели, когда вышли первые сборники, не принесшие, впрочем, радости автору, ибо важнейшие для него стихи в книги войти не могли. Новый поворот социального климата к долгой стуже. Отлучение бдительным официозом от писательского Союза, от изданий, от читателя. Точнее было бы говорить о самоотлучении от печатной лжи, от общепринятого холопства...

Дни нещадного внутреннего кризиса диктовали почти отчаянные строки: «Мне книгу зла листать невмоготу, а книга блага вся перелисталась. О матерь

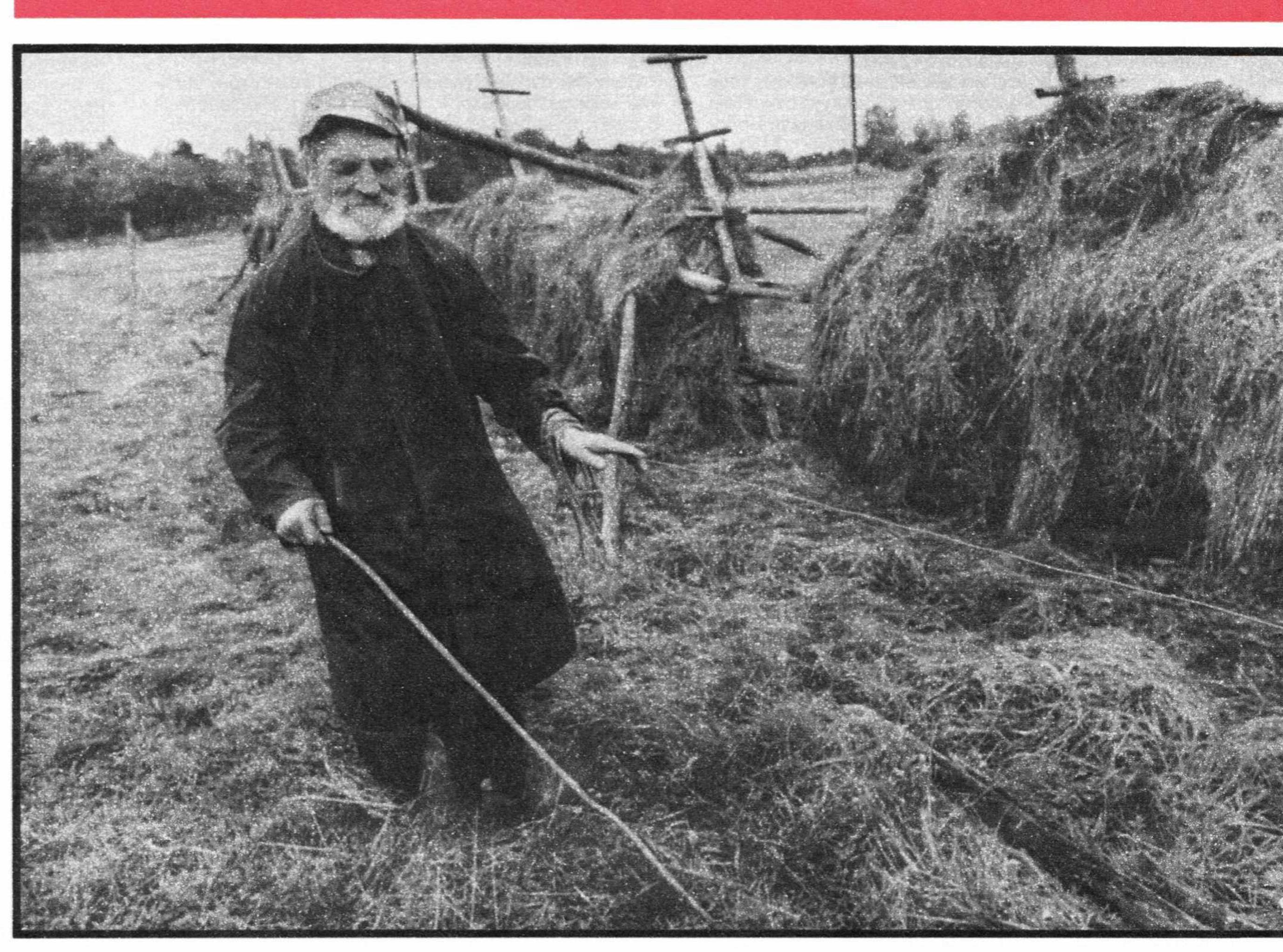

Фото И. ЗОТИНА

* * *

На меня тоска напала:
мне теперь никто не пара,
не делю ни с кем вины.

Землю русскую целуя,
знаю, что не доживу я
до святой ее весны.

Изошла из мира милость,
вечность временем затмилась,
исчерствел духовный хлеб.

Все погромней, все пещерней
время крови, время черни,—
брезжит свет, да кто не слеп?

Залечу ль рассудка раны:
почему чужие страны
нашей собственной добрей?

У меня тоска по людям:
как мы истину полюбим,
если нет поводырей?

Не дослушаться ночами
Слова, бывшего в Начале,
из пустыни снеговой.

Безработица у эха:
этот умер, тот уехал —
не осталось никого.

Но с мальчишеского Крыма
не бывала так любима
растуманенная Русь.

Я смотрю — как жаждет жатва —
в задержавшееся завтра,
хоть его и не дождусь.

Что в Японии, что в Штатах,
на хрена мне их достаток,—
здесь я был и горю рад.

Помнит ли Иосиф Бродский,
что пустынницы-березки
все по-русски говорят?

«Милый, где твоя котомка?» —
вопрошаю у котенка,
у ромашки, у ежа.

Были проводы недлинны,—
спьяну каждому в их спины
всё шептал: «Не уезжай!..»

А и я сей день готовил,
зрак вперял во мрак утопий,
шел живой сквозь лютый ад.

Бран был временем на измор,
но не сциклился с цинизмом,
как поэт-лауреат.

Ухожу, не кончив спора:
для меня настанет скоро
время Божьего суда.

Хватит всем у неба солнца,
но лишь тот из них спасется,
кто воротится сюда.

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Скользим над бездной, в меру сил других толкая,—
такое время на Руси, пора такая.
Самих себя не узнаем, а крику много,—
с того и на сердце моем тоска-тревога.

О, как бы край мой засиял в семье народов,
да черт нагнал национал-мордоворотов.
Ох, не к добру нам этот клич, свободы недуг,
что всех винит, себя опричь, в народных бедах.

У них обида правит бал, внутри темно в них,
ужо такой у них запал: искать виновных,—
весь белый свет готовы клясть, враждой несомы,
ох, как бы небу не попасть в жидомасоны!

Какой бы стяг ни осенял их клан и веру,
вот так же Гитлер начинал свою карьеру.
И слово замерло в зобу, простор утратив,
и ох как страшно за судьбу сестер и братьев.

Смерть, сними с меня усталость, покрой рядном худую наготу». Но в двадцатилетнем мороке безвременья Борис Чичибабин не просто выжил — утвердил и прояснил свой дух.

В своем вершинном труде «Оправдание добра» Владимир Соловьев вопреки известной рациональной формуле Декарта убежденно произносит: «Стыжусь, следовательно, существую». Предельно трудная, но неиссякающая отечественная традиция. Традиция бессонной взыскующей совести. Эта интонация первичности чувства, интонация страстного принятия вины, неизбывной, неделимой, личностно-мировой, насквозь электризует стихи Бориса Чичибабина:

Я почуял беду и проснулся от горя и смуты
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу,—
я не знаю, как быть, и, как годы, проходят минуты.
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?
Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова.
А слова,— мы ж не дети,— словами беды не убавишь.
Больше тысячи лет как не Бог нам диктует слова.

Наверное, человек и поэт, способный выдержать внутри себя подобное болевое напряжение, может иметь право и на выкрик отчаяния, и на темногрозовые аввакумовские инвективы:

И Бога пережил — без веры и без тайн,
без кроны и корней — предавший дар и род,
по имени — Иван, по кличке Ванька-Каин,
великий — и святой — и праведный народ.
Я рад бы принять все и жить в ладу со всеми,
да с ложью круговой душе не по пути.
О, кто там у руля, остановите время,
остановите мир и дайте мне сойти.

Сказано с гневом и горечью, со взрывной открытостью, ибо сказано по праву кровного родства — ближнему своему, брату, себе самому... Тяжкая, обличительная нота, звучащая в немалой части стихов Бориса Чичибабина, никогда не отстранена от контекста личной ответственности, от собственной вины за общечеловеческий грех: «Какое счастье к отчему крыльцу нести в себе вину, а не обиду».

Высокое напряжение духовности поэзии Чичибабина, однако, не уводит речь в заоблачный соблазн. Стихи всякий раз мудро оставляют «земле — земное». Подобно тому, как колесо в движении всегда уходит половиной обода ввысь, опираясь на дорогу лишь единственной точкой, даже самые «взлетные» из стихов Чичибабина не теряют земной точки опоры.

И еще коротко о важном, что заслуживает отдельного серьезного разговора: философская наполненность поэзии Чичибабина прямо сопряжена с его обостренным откликом на боль и надежду текущего дня. Это гражданское неравнодушие было и остается душевной потребностью поэта. Наш нынешний день — начало долгожданного и еще неимоверно трудного освобождения человеческой личности, общества в целом. Раннее утро освобождения от химер деспотии, от времени собачьих сердец и росомаших лап ГУЛАГа. Долгие десятилетия поруганные, расколотые колокола по всей земле русской взывали безъязыким набатом о приходе этого дня. О нем взывали немо миллионы безымянных могил. Об этом искуплении поднимали свой голос ссылаемые и казнимые праведники: Варлам Шаламов, Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Василь Стус... О том же — о беде и покаянии, о возрождении отечества — звучит и самородное слово — молитва и зов — большого русского поэта Бориса Чичибабина.

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

Любви-разумнице плачу всей жизнью дань я
и не возмездия хочу, но покаянья:
и лгали мне, и сам я лгал и кривде верил,
но дух мой истины взалкал и зло измерил.

Среди всколыхнутых стихий народной драмы
мои плакучие стихи стоят как храмы,
да кто услышит их — спроси у мила-края,—
такое время на Руси, пора такая.—

Сто раз готов оставить кров, лишиться жизни,
но только пусть не льется кровь в моей отчизне.
Зачем был Пушкин тамадой? Зачем рождаться?
Неужто мало нам одной войны гражданской?

О злая ложь! На что зовешь, в кого ты целишь?
Что человек тебе — что вошь,— так неужели ж
один за всех, на всю страну, на всю планиду,
я исповедую вину, а не обиду?

ЧЕТЫРЕ СОНЕТА ЛЮБИМОЙ

1

Когда б мы были духом высоки,
в любви достойны милого мерила,
с каким весельем ты б себя дарила,
всему стыду, всем страхам вопреки.

Ты и в алчбе чиста и белокрыла,
а мы и в снах от неба далеки.
В какую даль, округлы и легки,
зовут твои упругие ветрила?

Кто обоймет их трепетную прелесть?
Не накасались и не насмотрелись.
Как трудно жить! Хоть губы освежим.
Таи мечты под черною короной
и речью тела одухотворенной
влеки, влюбляя, к святости вершин.

2

Не заплывай в сомнительные сети
пустых забав, дозволенных утех.
Коль Бог для всех, не может быть, чтоб эти
уста и бедра были не для всех.

Равно светлы задумчивость и смех.
Ты так живешь, как балуются дети.
Ни с кем на свете, о, ни с кем на свете
с библейских лет так не был сладок грех.

В родном краю, где ветер и полынь,
лишь ты одна гонимых не покинь,—
и вот мы всех гонителей богаче.

Твой разум добр, твоя любовь легка.
Пои бродяг, дремучая река,
бочоночек из погребов Боккаччо.

3

Я о любви не верю злобным вракам,
хоть и слетали с вещего пера.
Какой мудрец до чар ее не лаком
и клясть ее чья песня не стара?

Мир сыт по гроб замужеством и браком,
в нем дух и плоть — не брат и не сестра.
А мы хмельны сочувствием и мраком
и ты в хмелю покорна и щедра.

Бедна добром безродственность людская.
Давай умрем, друг друженьку лаская!
Твои соски протяжны и остры.

И ласк твоих одно воображенье
доводит дух до райского круженья,
и мир гордится сладостью сестры.

4

В любое место можно взять билет,
есть дом у всех — Америка, Москва ли,—
а мы с тобой из безымянной швали,
а нам с тобой нигде приюта нет.

Не для того, чтоб через сотню лет
с тобой меня по имени назвали,
я взял билет на сказочном вокзале
и за сонетом выдышал сонет.

Не я писал. Моим пером водила
та власть, что движет листья и светила
и сны диктует в рощах вечеров.

Я был щепой в орфическом потоке.
Я все сказал, всему подвел итоги.
Я — твой диктант и Божий вещероб.

Харьков.

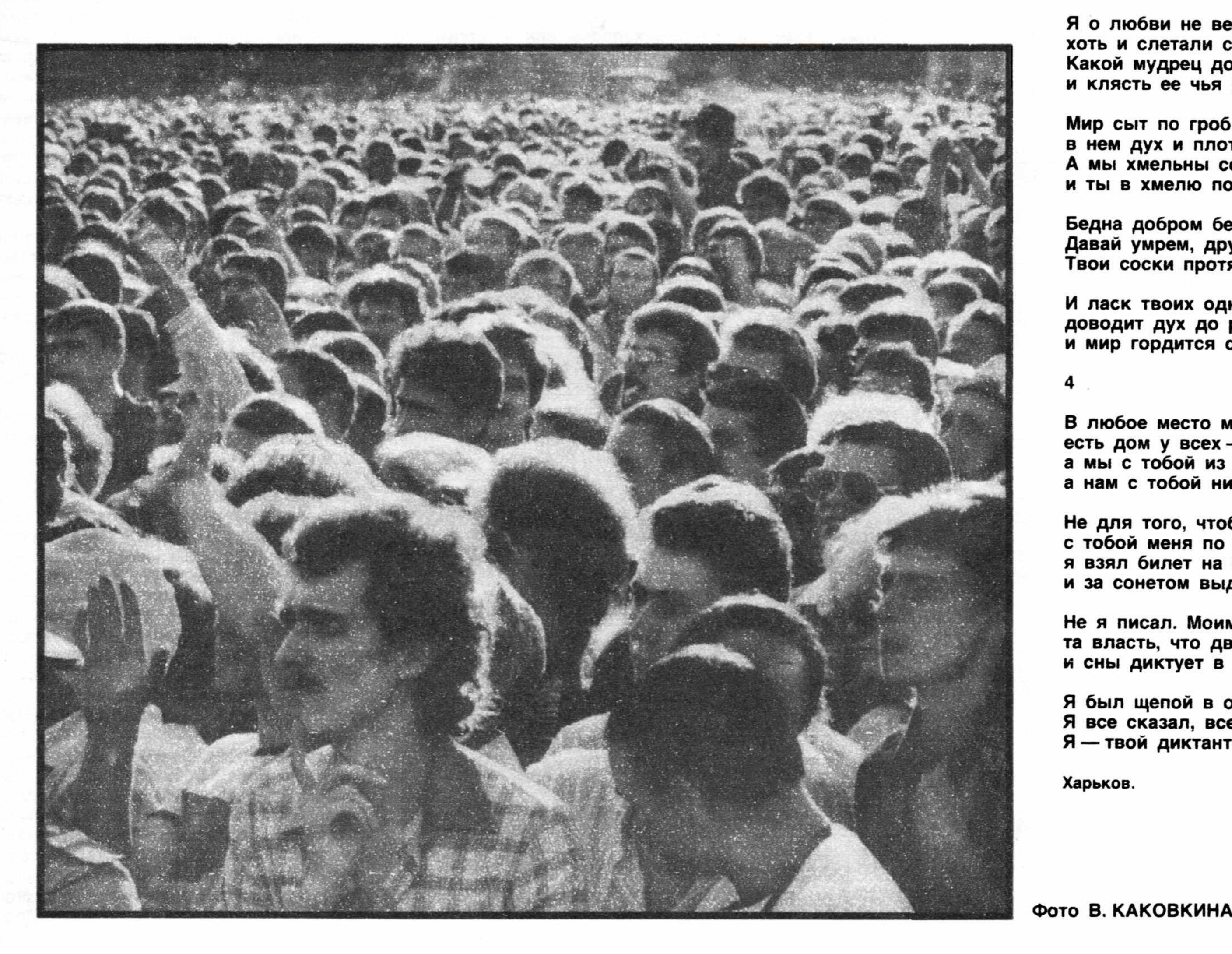

Фото В. КАКОВКИНА

...Весь этот пестрый сброд,
весь этот маскарад...
М. ЛЕРМОНТОВ

* * *

— Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства? — спросил Горький Леонида Андреева.

Вопрос был задан на злобу дня: после первой революции. Потом он стал злобою времени. Думал ли Горький о «разнообразии мотивов», разделяя застолья с вождем и вождятами?

Человек, о котором пойдет речь, помнил вождя по Туруханскому краю. Вождятам разнопартийным потерял счет. И это ему, Бурцеву, писал в девятнадцатом Леонид Андреев: «С великим интересом, порою прямо-таки с восторгом я смотрю, как вы идете по этому зловещему маскарадному залу, где все убийцы и мерзавцы наряжены святыми».

Приведенные строки публикуются впервые. Архивной землеройке в пору пискнуть: «Эврика!» Но нет, не потираешь руки, а задумываешься, каково на душе, если год за годом ведешь независимые расследования, или, по слову Андреева, срываешь маски в зловещем маскарадном зале. Не до «восторга».

Владимир Львович Бурцев прожил долгую жизнь: 1862—1942.

— Где Бурцева поймают, там его надо и повесить! — гремел Пуришкевич.

— И пикнуть не дадим! — ударял кулаком Троцкий.

На том сходились и монархисты, и коммунисты, и нацисты.

1. МАРСЕЛЬСКАЯ ШТУЧКА.

В зубах навяз совет полицейской бестии: ищите женщину. А делать нечего. надо вывести к рампе марсельскую дамочку.

Нижеследующий эпизод не лишен пикантности хотя бы потому, что существует версия пожизненной девственности Бурцева. Если так, пожалеем беднягу. Но существеннее другое: именно этот эпизод оставил в его душе пожизненный ожог.

Дамочку звали Шарлотта Бюлье. Красавицей была или дурнушкой? Ее фотографии нет в бурцевской коллекции. Но стервой была, это уж точно, документы есть.

Ее классовую сущность определить легко: не то производство, не то сбыт винных изделий. Его социальное положение определить затруднительно, cheval de retour, бывший каторжник, беглый каторжник. Впрочем, досье, хранившееся в сыскном ведомстве, было озаглавлено корректно: «О сыне штабс-капитана...»

Малой родиной сына штабс-капитана был гарнизон у кромки Каспия — форт Александровский: соленые бризы летом, острая пурга зимой. А потом малой родиной был уездный Бирск в глуши губернии Уфимской, пахло медом, дегтем, рогожей.

Журнальный вариант. Полностью публикуется в однотомнике В. Л. Бурцева («В погоне за провокаторами» и «Протоколы сионских мудрецов — доказанный подлог»), подготовленном к печати советско-британским предприятием «Слово».

Послушный мальчик не прогуливал гимназию. Прогуливаясь у стен ветхого монастыря, мальчик думал о послухе. Университеты Казанский и Петербургский пустили в распыл его религиозность.

Он вышел не из народа, отсюда покаянная потребность послужить сеятелю и хранителю. Современник Бурцева пророчил в грядущем «голых специалистов» — неинтеллигентную интеллигенцию. И точно, она явилась, взяла на горло и за горло «гнилую интеллигентщину» да и променяла культ мужика на культ личности.

В столь прекрасное далеко сын штабс-капитана не заглядывал. Душой приложившись к народу, двадцати трех от роду угодил за решетку. Из тюрьмы — этапным порядком в Сибирь. Несколько лет спустя — явочным порядком в Европу.

Закордонные издатели в ту пору не лобзали русских эмигрантов, от них не было профита. Хочешь издавать в Женеве «Свободную Россию», не ищи спонсоров. Бурцев не зарабатывал пером, он работал пером. И тогда, и позже, говорит близкий его знакомый, Бурцев жил аскетом, и тогда, и позже «все имущество помещалось в маленьком ручном саквояже».

Весной девяносто второго он приехал в Париж. Вот из неопубликованных мемуаров: «Довольно высокий, худощавый, Владимир Львович лукаво и добродушно смотрел на все своими выпуклыми, блестящими, близорукими глазами».

А глаза марсельской дамочки были прицельно-холодны как у гарпунщика. Она уже метнула депешу: «Бурцев у меня, жду приказаний». Что значит «у меня»? Они жили в одной гостинице.

Владимир Львович Бурцев.

А это что значило: «По-прежнему преданная»? Подтверждение сотрудничества с петербургским департаментом полиции.

Приказание не замедлило. Исполнение тоже.

Минуя маневры Шарлотточки, упомянем лишь, что она заманила «милого друга» на борт паровой яхты. Если бы не некоторые навигационные трудности, ей, вероятно, удалось бы сплавить его в Россию рейсом Марсель — Одесса. Не вышло.

Но Бурцев, сидя в каюте, как в карцере, испытал в те дни и ночи ярость, отчаяние, беспомощность.

Ожогом незаживающим осталась в душе Бурцева ненависть к предателям, провокаторам, к тайной полиции. Однако практика в «зловещем маскарадном зале» началась позже. Понадобилось стечение особых обстоятельств.

2. ПЕТР ИВАНОВИЧ, ЗАВ. АГЕНТУРОЙ.

Он смолоду любил шпионство, в шпионстве вкус он находил.

Петенька Рачковский прошел школу Г. П. Судейкина. Подполковник корпуса жандармов, по естеству отец известного художника, был по духу и делу отцом — основателем виртуозного, всепроникающего провокаторства. Рачковский оказался даровитым учеником. И билет ему выпал счастливый.

Он получил назначение — пальчики оближешь. Заведующий заграничной агентурой! Штаб-квартира в Париже, на улице Гренель. Особняк принадлежал посольству. Удобство первостатейное. Дипломаты в охотку сотрудничали с тайной полицией. О, без собачьей преданности, как много позже, а сохраняя осанку благородства.

Рачковский поставил сыск и основательно, и широко. Он быстро породнился с «Сюрте женераль», невзирая на то, что эта была республиканская, а не коронная политическая полиция. А потом и с другими — вне Франции — единокровными ведомствами.

Посетив столицу Соединенного королевства, Петр Иванович в тонах почти скорбных доложил начальству, что Лондон — второй после Парижа центр российской крамолы. И скорбь свою подкрепил соображениями сугубо практическими. Экстренные ассигнования ему не пришлось просить дважды.

Информацию о русской колонии на Темзе высоко ценили в городе на Неве. Еще выше ее ценят историки. Так что, заметим в скобках, каждый зав. заграничной агентурой со временем попадет в историю, если только не попадет в историю преждевременно.

Конечно, Петр Иванович старался не ради лишь того человека, которого он называл «опытным проходимцем». Но и Бурцева высвечивают как «свои» полицейские и дипломатические документы, так и английские.

Филенчатую дверь его лондонского логовища украшал картонный прямоугольник с разбойным, как сарынь на кичку, призывом: «Долой царя!» Так же были озаглавлены статьи Бурцева в газетке «Народоволец».

Но даже и сидел бы Бурцев смирно, Петр Иванович все равно держал бы на него большой зуб. Марсельский казус чувствительно задел самолюбивого и честолюбивого выученика Судейкина. Правда, несколько утешало то, что Петр Иванович, лишив премиальных марсельскую дамочку, прикарманил тысячи три франков, чем лишний раз подтвердил одну из прерогатив зав. агентурами. Но ведь не одними деньгами жив человек. Рачковский тонко все расчислил и, надо признать, сработал блистательно.

Бурцева арестовали в январе девяносто восьмого. «Общество друзей русской свободы» (либеральные английские интеллигенты) незамедлительно учредило комитет в его защиту. Депутаты палаты общин сделали запрос правительству. В кабинет министров вломились петиции: освободите русского. Были, однако, соображения высшей по-

литики. Когда кайзер угрожающе крутит усы, ищешь союзника на Востоке. Процесс над Бурцевым был дружеским жестом в сторону Зимнего.

Адвокат сказал: подсудимый обнародовал свои мнения, правые иль неправые, но он вправе публиковать их в стране, где свободу, завоеванную долгим и трудным путем, должны оберегать свято.

Прокурор сказал: если бы обвиняемый требовал отставки царя, это было бы его личным мнением: если его мнение укладывается в формулу: «Долой царя!» — это подстрекательство к убийству. И потребовал десяти лет каторги.

Судья, семь раз отмерив, так укоротил, что, ей-Богу, животики надорвешь со смеху: восемнадцать месяцев.

И что же? С высоты престола всероссийского раздалось: «Отличный результат!» Конечно, «отличный», если оглянуться на прецедент. Ровнехонько за столетие до Бурцева судили журналиста, автора «пасквиля» на Павла I. Содрали штраф в 100 фунтов и посадили на полгода. Налагать штраф на Бурцева было бы равносильно попытке чеканить золотые монеты из солнечных зайчиков. Вот ему и увеличили срок втрое.

Рачковский потер руки. Однако и вздохнул: определил-таки беглого каторжника в каторжную тюрьму, да жаль не русскую.

«Что собой представляла русская каторга и тюрьма, это всем хорошо известно. Если на русской каторге и имелись работы производительного характера (постройка железных дорог, проведение шоссе, добыча металлов и т. д.), то производились они в такой обстановке, с такой растратой человеческих сил и жизней, что не могут заслужить никаких оправданий». Цитируем брошюру сердобольного Вышинского «Суд и карательная политика Советской власти». И сполна отдаем ему должное: в поте лица поработал над изменением «обстановки», вполне оправдывающей растрату человеческих сил и жизней.

А в Пентенвильской каторжной шили мешки, щипали корпию, вязали чулки. Ни дать ни взять инвалидный ларек, но зек Бурцев не управлялся с бабьим рукодельем. Автор упомянутой брошюры признал бы его вредителем, только бы этого Бурцева и видели. А он ничего, уцелел. И с чулком на коленях дожидался конца срока, а вместе и исхода столетия.

3. СПАССКАЯ, 25.

Если нет «зачетов», тюремный срок исчисляется календарно. Смена веков с календарем не совпадает. Двадцатый пришел не в тусклом, как наледь, девятьсот первом, а в кумаче девятьсот пятого.

Царский манифест дал амнистию. Бурцев поспешил в Россию.

Теперь вот читаешь — восстанавливают гражданство. Ан нет, не чуешь смущенной душой тень великих и невеликих возвращенцев. Глянуть попросту, оно и понятно. Легко ль менять патетику: «Кто виноват?» и «Что делать?» — на прозу: «Кто последний?» и «Что дают?». В очередях утрачиваешь, прости Господи, смысл бытия и собственного предназначения. Нет, нет, мы камня не бросим, мы подождем, помаленьку припасая хоругви — для встречи. И уже готовы чутким ухом ловить: «Хорош Париж, да живет и курмыш». А про «курмыш» нам объяснят; там, на чужбине, припадают к родникам словаря Даля, ну, и объяснят: избяной ряд, поселок, пашенка особняком...

Бурцева никто не ждал, никто не встречал. Разве что филеры. Он остановился в питерской гостинице не первого разряда. А редакция была на Спасской, 25.

Ежемесячник назывался «Былое». В былом есть прах и есть порох, как и в сегодняшнем. Сказано: вы думаете, что они мертвы, а они живы. Журнал освещал прошлое русского освободительного и революционного движения. Думали, что оно мертво, оказалось — живо. Вступал в силу закон штормов. Империю валяло с борта на борт, как дредноут. Окна редакции светились, как иллюминаторы.

На обложке журнала значилось — издается при ближайшем участии В. Л. Бурцева. Вера Николаевна Фигнер, недавняя узница, ворчала, скрывая улыбку: «Это настоящий ястреб, так на всех стариков и налетает и слушать ничего не хочет о наших физических немощах: вынь да положь ему всяческие воспоминания».

Любовью младшего брата любил этот «ястреб» вчерашних шлиссельбуржцев. Они пробыли в казематах вдесятеро дольше, чем он вязал англичанам чулки. Он приехал в Россию в ноябре, месяцем раньше они вышли из железных ворот угловой башни государевой тюрьмы.

Жертвы репрессий? Слово «жертва» пахнет несчастным случаем и как бы приглашает к милосердию. Ни Морозов, ни Фигнер, ни Ашенбреннер, ни Новорусский, ни Лопатин не считали себя жертвами. На семнадцатом году заточения Лопатин писал родственнику: «Я мало склонен к меланхолическим излияниям, элегическим жалобам и т. п. вздорным сентиментальностям, памятуя не слишком благопристойное, но верное изречение народной мудрости: «Дала, так не кайся, легла — не вертись». Вот так-то.

Да, Бурцев любил этих людей. Они не были посетителями редакции. Они были и сотрудниками, и корректорами, и «бюро проверки». А посетителей Бурцев принимал во второй половине дня, принимал до позднего вечера.

Двое из них ошеломили «опытного проходимца».

Один был моложав, очкаст, смахивал на семинариста. Отвесив поклон, сказал:

— Владимир Львович, я вас знаю хорошо. Вот ваша карточка, я взял ее в департаменте полиции.

От второго у нашего Бурцева и вовсе в зобу сперло.

Это был плотный брюнет, лицо холеное, холодное, глаза умные, властные, чуть раскосые. Представился:

— Алексей Александрович Лопухин, действительный статский советник.

Пока Бурцев обретает ястребиную цепкость, пишущему эти строки надо освоиться с внезапной иллюзией: статский генерал Лопухин, уволенный в отставку, и разжалованный генерал Калугин, избранный народным депутатом.

4. ХЛОПНУВ ДВЕРЬЮ, ПЕНЯЙ НА СЕБЯ.

До назначения в департамент полиции министерства внутренних дел Алексей Александрович был крутым прокурором в Москве, в Твери, в Харькове. После его расправы с полтавскими мужиками-повстанцами Лопухину предложили кресло в департаменте на Фонтанке, 16.

Головным здесь считался Особый отдел, средоточие оперативного розыска, подразделение быстрого реагирования. Лопухину очень понравились шкапчики американского образца, нашпигованные регистрационными карточками. Вообще он был доволен четкой канцелярщиной, насущно необходимой в тяжеловесном коловращении документации сверхсекретной.

Служи да радуйся? Служил нерадостно.

Не клеилось то, ради чего переменил мундир. Он хотел обручить хрупкую законность и матерый произвол. Господи, где же, где? Да в ведомстве, по природе своей отторгающем дух законности. Органы создают функцию; функция — органы. Но Алексей Александрович упрямился, упирался, настаивал. Полковники поддакивали. И объезжали начальника на кривой.

Было и нечто, претившее привычкам нравственной опрятности. Провокация как метод. Провокация как средство. Во времена Судейкина виртуозные они наливались махровым цветом. Лопухин по долгу службы знавал провокаторов, включая и кровавого маклера Азефа. Знал, конечно, и штатных режиссеров мрачных спектаклей в «маскарадном зале», о котором, если читатель не успел забыть, с омерзением писал Леонид Андреев.

Воспоминания одного из них, некогда прозванного «богатырем сыска», изданы в мемуарной библиотеке, основанной Солженицыным. Книги этой серии аннотировал поэт Юрий Кублановский. Одну из своих статей он посвятил мемуарам полковника, засим генерала корпуса жандармов Герасимова.

Пушкин, читая «Записки» начальника Парижской сыскной полиции Видока, отметил, что сочинения шпионов и палачей нельзя не признать «крайним оскорблением общественного приличия». О Видоке так: именует себя патриотом, «как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество!».

Представления о приличиях и неприличиях претерпели большие изменения. Свободолюбивый лирик, читая записки начальника Петербургского охранного отделения Герасимова, нашел их «завораживающими» и «захватывающими». Об авторе так: «самоотверженность» и «добросовестность».

Прошу поэта вообразить тень Пушкина в его бывшей квартире на Мойке, 12: там угнездилась охранка, там княжил мундирный побратим безмундирного Азефа. Такой же патриот, как Видок. И такой же хвастун: все в сыске из рук вон, один Герасимов на белом коне под синим чепраком жандармского ведомства.

Противоборство с этим ведомством Кублановский аттестует кратко: «бесовщина»... В бездонном романе Достоевского — жизнь, плоть, страсть, предупреждение. У Кублановского — значок знаковой системы. Но отчего же «бесовщина» — движение непременно левостороннее, а не правостороннее, где герасимовы? Окститесь! Не чужды «бесовщине» ни революция, ни контрреволюция, ни подполье, ни охранка.

Однако не всегда и не всюду бесы правят бал. Помните: «и зло наскучило ему». Кому — ему? Диаволу. Стало быть, антракт, перекур. Аппаратчики, бесы и бесенята, наверное, пивом балуются. И что же? Зло не наскучивает человекам: по слову Пушкина, нравственность, как и талант, дается не каждому. Похоже, нечистую силу нередко припутывают зря.

Припутывая Бурцева, Кублановский запутался. Могут одернуть: чего пристал? Отдавая должное основателю мемуарной серии, поэт выступает как библиограф. Прекрасно. Но ведь и оценивает. А это уж соотносится с нашим сюжетом.

Итак, «богатырь сыска» не всуе вспоминает Бурцева. Референт, цитируя соответствующий текст, заключает в скобки: речь-де идет об известном революционере-террористе. Читай: о бесе. Да вот какая штука — это пояснение втиснуто в такой текст: «Бурцев был моим злейшим врагом в качестве разоблачителя моих лучших сотрудников по борьбе с революционным движением». Вникните: эти «лучшие сотрудники» — провокаторы; Бурцев их «злейший враг» — выходит, вот он, бес, изобличающий иуд. Не достойна ли ситуация и поэтического вдохновения, и философического напряжения?

Увы, свободы суждений нет и быть не может, если один трафарет заменяют другим. Куда как славно! Честили охранку и чествовали ЧК; честим ЧК и чествуем охранку.

Когда в присутствии Скобелева назвали имя его бывшего подчиненного — тот из кавалерии переметнулся в жандармерию,— Скобелев побагровел: «Не говорите мне о нем! Храбрый офицер, и так кончить!» И вот, извольте радоваться, эполетный провокатор мил русскому поэту. Нет, он не Бурцев, он другой...

А Лопухин не чета Герасимову. Бурцев это давно понял, однако не ждал Алексея Александровича здесь, на Спасской, 25,— в редакции «Былого».

Вот тут-то и мерещится параллель, шаткая, как лагерная узкоколейка-лежневка: А. А. Лопухин, по табели о рангах равный генерал-майору, и генерал-майор госбезопасности О. Д. Калугин, неизвестно по какому табелю разжалованный в рядовые.

Слышу трубное, зычное: да как ты, сукин сын, смеешь равнять цареву охранку и наши славные органы?! Оборонюсь, как щитом, большевиком-чекистом А. Х. Артузовым. В тридцать седьмом на собрании актива НКВД он утверждал: мы встали на одну доску с презренными охранками.

Слышу: хватит, брат, сталинщину поминать. Рад бы, да «Известия» весть подают: в КГБ нет «полной переналадки служебного мироощущения — от привычки к абсолютной власти до необходимости беспрекословного подчинения закону».

Сперва о привычке, потом о законе.

Привычка свыше нам дана. Посему надо потакать ей, а не перечить. Марк же Захаров, руководитель театра имени Ленинского комсомола, влепил, как из дробовика: продолжает ли функционировать в нашей стране многомиллионный штат осведомителей? Эти люди получили теперь другие инструкции или их деятельность вообще упразднена? Куда они делись? Как себя чувствуют?

Вразумительного ответа депутат не получил. Во всяком случае, не обнародовал. Позавидуешь древним римлянам. Они получали. Тиберий периодически выгонял стукачей из Вечного города. Сенат иногда наказывал сверхактивных доносчиков. При воцарении Домициана осведомителей гуртом погрузили на корабль, отбуксировали в открытое море да и отдали на волю волн и ветров... Не потому ли в конце концов и рухнула империя? Но в наши времена все поумнели: политэкономы знают, как государство богатеет, а политгномы знают, как государство сохраняют.

Римляне, язычники, нисколько не интересовались душевным состоянием сексотов. Мы, гуманисты, тревожимся: как они себя чувствуют? Напрасно. Они ж из общей квашни, а в этой липовой кадушке давным-давно нет квасцов угрызения совести.

Возьмите стукача, провокатора проклятого прошлого. Душевные переливы, нюансы, тонкости. Вот нервный призыв к Горькому: «Я прошу Вас: преодолейте отвращение, подойдите ближе к душе предателя и скажите нам всем: какие именно мотивы руководили нами, когда мы, веря всей душой в партию, в социализм, во все святое и чистое, могли «честно» служить в охранке и, презирая себя, все же находили возможность жить?» У Горького будто зубы заныли: «Тяжело жить на святой Руси. Тяжело. Грешат в ней скверно, каются в грехах — того хуже».

Те, из прошлого, «находили возможность жить». Эти, из настоящего, нашли возможность выжить. И пусть помалкивают, а то выйдет — «не могу поступиться принципами».

Теперь о «необходимости подчиняться закону». Спешу представить читателю жандарма старой закваски и старой натаски. Полковник ворчал добродушно, однако и не без яда:

— Первое время я действительно не мог понять, что от меня требуется, но теперь прекрасно освоился: составляю постановления с подробным указанием статей закона. Все довольны — и Лопухин, и я. Ну-с, и работаю без помехи, как привык до введения режима законности.

Все так, но в одном ошибался старый ворчун: Лопухин не был доволен. Больше того, пошел ва-банк, написал высшему начальству критическую «Докладную записку». Плюрализм приемлем почти по любому вопросу, кроме вопросов сыскного ведомства. Статско-

го генерала отстранили. Нет, не отправили на пенсию, а назначили провинциальным губернатором.

Лопухин не унялся. Защищая правовые принципы, прежде всего отрицающие провокацию, воззвал к однокашнику (по орловской гимназии) и родственнику (через Оболенских) — к премьеру П. А. Столыпину.

Они были на «ты». Петр Аркадьевич не ответил ни на «ты», ни на «вы». Нежелание согласиться с критиком заглавного ведомства империи? Опаска модернизации, когда дредноут утратил остойчивость, а сезон штормов в разгаре? Короче, Столыпин не откликнулся. И заплатил кровью: спустя несколько лет погиб в сетях провокации.

Докладная Лопухина, отвергнутая высшей бюрократией, выскользнула за рубеж. Она была издана в Женеве большевистским издательством «Вперед» с предисловием В. И. Ленина. Тон записки Ленин нашел «грустным и унылым», содержание — превосходным: свидетельство полного банкротства полицейского порядка в России. Положим, не корневого банкротства (порядок воскрес за роковой для самодержавия чертой), но серьезного кризиса.

Официальная записка, размноженная неофициальной типографией, означала окончательный служебный крах Лопухина. Его выдворили из министерства внутренних дел по третьему пункту давней, времен первого Николая, инструкции: без прошения, объяснения причин и права обжалования. Что-то похожее на нынешний пятый пункт.

На этом-то «пункте» Лопухин громко хлопнул дверью. Он опубликовал открытое письмо. Сам факт публикации такого документа удивит хоть кого и в эпоху гласности — он открывал тайну государственную: погромную практику политической полиции.

Тотчас запорхало из уст в уста, что поведение Лопухина есть «злобное и легкомысленное сведение счетов с властью» и что никакого «идейного мученичества» тут нет. Знакомые мотивы! Не следует, вероятно, жать на педаль «идейного мученичества», но, ейей, любопытно это всегдашнее желание приписывать тому, кто хлопает дверью, что-либо низменное, склизкое, скверненькое, то есть как раз то, что свойственно не хлопнувшим дверью ни разу в жизни.

Однако вопрос: почему, зачем отставной директор департамента полиции пришел на Спасскую, 25, и переступил порог «Былого»?

Лопухин, конечно, знал прошлое Бурцева. Досье — «О сыне штабс-капитана Владимире Львове Бурцеве» — было пухлое, второй том начали, «пасли» неотступно. Прошлое было «бомбическим», правда, «публицистически-бомбическим», но из песни слова не выкинешь. Знал Лопухин и другое: ни в одной партии не состоит, хотя симпатизирует эсерам; террор не проповедует, вооруженное восстание пятого года называет «несчастьем»; позиция антиправительственная, однако не крайняя, хотя по-прежнему не испытывает к государю ничего, кроме глубоко личной ненависти, как к источнику всех зол и бед России. (Эти бурцевские эмоции сильно огорчали старых жандармских штабс-офицеров. Говорили: «Таких, как Бурцев, надо топить, как щенков, сразу после рождения». И словно бы подыскивая смягчающее обстоятельство, приговаривали задумчиво: "Одно только надо сказать: не жид».)

Не к «известному революционер-террористу» пришел бывший директор департамента полиции. Несколько полевевший Лопухин пришел к сильно поправевшему Бурцеву. Ради чего?

Еще до Лопухина, птицы важной, залетал на Спасскую упомянутый выше моложавый человек, похожий на семинариста. Тот, что показал Бурцеву его департаментскую фотографию,— на таких любая физиономия имеет криминальное выражение.

— Служу чиновником особых поручений,— сказал нежданный-негаданный визитер.— Не могу ли быть чем-нибудь полезен освободительному движению?

Примерно в том же духе высказался и Лопухин.

Дерзкий, без аналогов замысел овладел Бурцевым. Он был у дверей «зловещего маскарадного зала», но, увы, не успел перешагнуть порог.

Дредноут империи выравнивал опасный крен. Иллюминаторы «Былого» ослепли, журнал захлопнули, как люк. Бурцев ждал заточения в трюме. Ничего иного не оставалось, как прыгнуть за борт.

Он выплыл в Париже. Квартирку нанял по карману — крохотную. Жилье давно не видело маляров, а краснодеревцев не видело никогда. После всяческих передряг сюда, на улочку Люнен, известную не каждому парижанину, добрался Бакай. Несколько позже появился и Менщиков, тоже кающийся грешник, тоже из Особого отдела, но с багажом более весомым, чем у Бакая, да и умом, скажем прямо, обширнее.

Не станем плутать ни на топких, ни на пыльных тропинках внештатной, самостийной контрразведки; не будем морализировать на тему, допустимо иль недопустимо ради пользы дела совать барашка в бумажке какому-нибудь Донцову, начальнику Вильненской охранки. Нет, сразу же приведем взволнованный отклик на хлопоты Бурцева.

Особоуполномоченный чиновник донес в Особый отдел:

«Несомненно, что образование в Париже подобного революционного полицейского учреждения, поставившего себе целью разоблачение заграничной агентуры и ее секретных сотрудников, не только чрезвычайно мешает делу заграничного розыска, но и может даже лишить агентуру содействия наиболее ценных ее сотрудников, опасающихся возможности своего провала, так как руководимая Бурцевым и Бакаем партийная полиция занялась подробным обследованием образа жизни каждого члена партии социалистов-революционеров».

Ну, не то, чтобы каждого, силенок бы не хватило. И не то, чтобы одних эсеров, эсдеков тоже поскребли. А главное, не «партийная полиция», а внепартийная, беспартийная, не подчиненная ни партийному лидеру, ни коллегиальному центру.

Возникни подчиненность, остался бы Азеф не изобличенным, увернулся бы, как десяточек с гаком лет спустя Лаврентий Палыч.

В двадцать первом году Железному Феликсу документально доказали: сотрудник Азербайджанского ЧК Берия — провокатор. Дзержинский подписал ордер на арест. Берия вызвали из Баку. Назначили опергруппу, чтобы взять гниду на вокзале. Как вдруг... Как вдруг Феликс Эдмундович изорвал ордер. Его ум, честь и совесть стреножила колючая проволока партийности. «Звонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер к Берия»,— в сердцах объяснил он сподвижнику.

От этого казуса веет мрачной иронией. Сотрудник ЧК, подпоясанный наборным ремешком, мастак непринужденно подольститься к вышестоящим, Лаврентий Палыч, заматерев, взблескивая гиммлеровским пенсне, превосходно управился с чекистами Дзержинского и Менжинского, Ягоды и Ежова. Казалось бы, добрым молодцам урок? Так нет, не слыхать, чтобы они требовали деполитизации органов. Ну, хотя бы ради спокойствия своих же семей, своего домашнего очага.

Никакой Сталин, никакое Политбюро не смогли бы пресечь бурцевские «меры» по той простой причине, что он не подчинялся партийному: «Есть мнение...» И не считался с партийным «товариществом», на которое особливо нажимают, когда рыльце в пушку.

ВНЕпартийность бурцевской «комиссии» исключала и возможность ее НАДпартийности. То есть такой ситуации, когда органы выходят из-под контроля не только штаба, но и самого главкома.

Был момент (возможно, не единственный) — Иосиф Виссарионович почувствовал опасность личную. Он обладал поразительным осязанием: ощущал предмет, не касаясь предмета. Такой момент зафиксирован в воспоминаниях Н. С. Хрущева.

Читая диалог, приведенный ниже, ловишь интонации собеседников. Хрущев диктовал мемуары, а профессиональный гладкописец, слава Богу, не отполировал их, или, если и трудился, то бережно.

«Что, арестовали ваших помощников?» — спросил Сталин.— «Да, хорошие были, честные ребята»,— ответил Хрущев. Сталин переспросил: «Да?» — и продолжал: «А вот они дают показания, сознались, что они враги народа. Они и на вас показывают... Это все чекисты стали делать... И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии».

Какое «пятно», Сталин не уточнял, как бы давая понять Хрущеву, что тот и сам знает. Верно, знал. «Тогда, хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой». И мемуарист заключает: «Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД».

Никита Сергеевич сблизил концы оголенных проводов: время возникновения слухов и время утраты доверия. Сблизил, но не вплотную, концы не искрят.

В летописях охранки известны случаи, когда, выражаясь нынешним, почти официальным языком, ее помощники и доброжелатели, опережая проблески огня, сами пущали дымок. До чего же доходит, говорили они с печалью оскорбленной невинности и кивая на бурцевскую «комиссию», до чего же доходит, вот и меня подозревают.

Тот же прием в диалоге Сталина с Хрущевым. Само собой, младший собеседник оскорблен вдвойне — и за себя, и за старшего товарища, коему предан чистосердечно. А тот — дуплетом в лузу: надо что-то делать, перебьют кадры. Он безошибочно ставит на благодарность окружения, уже повязанного кровью, но продолжающего дрожать за свою шкуру.

Знаменитый Фуше, наполеоновский министр полиции, умело сооружал заговоры. Фуше пугал узурпатора, но корсиканцу не было страшно: послушайте, сударь, делайте свое дело и не морочьте мне голову. Бонапарт был всего-навсего полководцем. Полководец же всех времен и народов производил полную смену караулов. Народонаселение радовалось: товарищ Сталин ликвидировал перегиб. И злорадствовало: товарищ Сталин ликвидировал перегибщиков.

Наследники решили жить дружно, дабы не пропасть поодиночке. То был историзм мышления. А коллегиальности достало на то, чтобы упредить маломальское поползновение органов к верховенству над сплоченным коллективом. То был аппаратный прагматизм. Средство изобрели простое, следственно, гениальное. Органам строжайше запретили собирать и хранить компромат на высшую номенклатуру. То была полная победа социализма.

Все шло ладно и складно. Как вдруг капитальную тайну разгласил генерал Калугин. Какой пассаж! Предатель, разумеется, незамедлительно обратился в бывшего генерала. Да и поделом, нельзя же всерьез утверждать, будто рыба с головы гниет, когда всем известно, что вместо головы у нее органчик. Добро бы наигрывал: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» Так нет, чуть что, наигрывает: «Ту-ру-ру», приводя в действие силы очень вооруженные...

Вернемся, однако, на улочку Люнен, к Бурцеву.

Вот жил человек! Никто не мог ни уволить, ни разжаловать, ни приструнить. И ему удалось расшифровать обер-провокатора.

То был Азеф — один из основателей эсеровской партии, член ЦК, глава Боевой организации. Руками боевиков он убивал царских сановников, а своими руками отправлял боевиков на эшафот и в каторгу.

Перипетии расследования опустим. Они воссозданы неоднократно; разве что кинематографисты отстали, но, надо полагать, наверстают.

Нельзя, однако, не вспомнить А. А. Лопухина. Именно он, бывший глава сыскного департамента, подтвердил Бурцеву факт давней охранной службы Азефа. Подчеркнув притом, что делает это не в угоду левой партии, а повинуясь соображениям общечеловеческого свойства.

На этой конкретике обрывается параллель с генералом Калугиным. Покамест обрывается. Мы отнюдь не исключаем, что и бывшему кэгэбисту не чужды представления о ценностях общечеловеческих. Тем паче теперь, после избрания народным депутатом. Впрочем, мы не настаиваем на каких-либо персональных изобличениях. Важно то, что само по себе явление представлено голым. Лишь бы Калугин не пошел по лопухинской дорожке: Алексея Александровича судили, дали пяток лет ссылочных, отправили в Минусинские края. А вот эмоций, похожих на те, что вызывал Бурцев, нашему генералу, пожалуй, не миновать. Ничего не поделаешь! Такова участь каждого, кто срывает маски.

В не полностью опубликованных мемуарах С. Н. Мотовиловой (кстати молвить, родственницы по материнской линии известного писателя Виктора Некрасова) сказано: «Бурцев раскрыл столько шпионов, что для распознания этого что-то от шпиона было в нем». Отношение усмешливое, если не сказать, брезгливое, как у барыни к кухонному мужику, выносящему помои. Но главное в том, что в отзыве Мотовиловой отзвук общего, мягко говоря, нерасположения к Бурцеву.

Жандармский начальник в шинели на красной подкладке, генерал А. И. Спиридович, тонко и точно подметил драму Бурцева. Да, он раскрыл многих провокаторов и этим невольно сеял внутрипартийную подозрительность, всеобщее унизительное недоверие друг к другу — «ненависть глубокая и искренняя была ответом ему со стороны партийной эмиграции за его розыскную деятельность».

Пожалуй, лишь один человек светил Бурцеву, как свеча предыконная.

5. КВАДРАТУРА КРУГА.

Лопатин, шлиссельбуржец, посещал редакцию «Былого» нелегально. Хотя ему и перевалило на седьмой десяток, хотя его и амнистировали, а права жительства в Петербурге он не имел.

Герман Александрович поселился в Вильне. Город ему нравился, ему не нравились городовые. Он вообще-то всегда находился в натянутых отношениях с полицией — как явной, так и тайной. Та и другая не обходила Лопатина своим изнуряющим вниманием. С середины шестидесятых годов до марта семнадцатого — «под неотступным наблюдением». Стаж! Так и в Вильне: слежка, ночные обыски, контроль за приезжающими и уезжающими, перлюстрация исходящих и входящих. «Все нервы измызгали»,— обранился Лопатин. И с неизменным юмором добавлял: я-де в положении школяра, даже и по малой нужде не выйдешь из класса, не подняв руки и не спросясь учителя, а тот отвечает: «Потерпи до конца урока».

Он «поднимал руку», но в Петербург не пускали. А за границу отпустили — «лечить нервы». Охота указать симпатичную изюминку департаментского патриотизма. Там полагали, что пусть уж лучше нежелательная персона вертится на Западе, нежели зловредничает в нашей державе. Случалось, пребывание на Западе приравнивалось к тюремному заключению. Скажем, «политик» унес ноги из зала суда и «принес»

Алексей Александрович Лопухин, бывший директор департамента полиции в Санкт-Петербурге. По долгу службы он хорошо знал провокаторов, включая и кровавого маклера Азефа, но провокация как метод претила аристократу Лопухину...

Боясь быть узнанным, Азеф надеялся, что борода и его бесконечные перемещения помогут ему избежать мести. После Греции и Востока он купается на пляже в Остенде с мадам N.

в Европу. Да, глядь, и затосковал, затосковал, домой потянуло — тюрьма, ссылка, плевать, лишь бы домой. Челобитчику отказали: отбывай срок на чужбине, а потом, изволь, возвращайся. Ценили Россию, черт возьми, не на словах, а взаправду.

Так вот, летом восьмого года рослый, крепкий, седобородый старик в широкополой гарибальдийской шляпе вышел из вагона «Норд-экспресс». Минуту-другую он прислушивался к слитному шуму Парижа, как прислушиваются к потоку за холмами. Когда-то, до Шлиссельбурга, Лопатин знавал и Лафарга, и Тургенева, у Тургенева познакомился с Глебом Успенским, а на улице Сен-Жак жил незабвенный Лавров, Петр Лаврович решал неразрешимое, как квадратура круга, соотношение нравственности и революции.

Всю жизнь, оборванную в восемьдесят четвертом, всю свою «дошлиссельбургскую» жизнь Герман Лопатин, прозванный Ильей Муромцем русского освободительного движения, пытался уравновесить это соотношение. После казематного заточения, в годину первой революции он резко и больно осознал «трагические особенности» своего положения в водоворотах реальной жизни.

Прочтите строки его письма, архивного, но не мертвого: «Встретились мы с моим посетителем самым сердечным образом, но как только в моих речах стали мелькать такие выражения, как «социальная справедливость», «нравственная ответственность» и т. п., обветшалые слова и понятия, так легко и быстро упраздняемые в периоды великих общественных смут, лицо моего собеседника стало видимо затуманиваться и выражать горькое изумление и явное разочарование».

Когда Мартина Лютера спросили, что сделал бы он сегодня, зная, что завтра — светопреставление, Лютер ответил: посадил бы яблоню. Когда безымянный медик-студент добрался до Болгарии времен русско-турецкой войны, он занялся тем, за что не венчают лаврами: вывозом нечистот из казарм и лагерных бивааков — он полагал, что эпидемии страшнее вражеской картечи. Когда Лопатин приехал в Париж... «Огромное значение для всей моей тогдашней деятельности,— писал впоследствии Бурцев,— имел приезд за границу Лопатина. Он проявлял необыкновенную энергию и настойчивость. Он толкался во все двери, где только мог, и убеждал всех помогать мне... Его замечания всегда были глубоки и выливались в удивительно удачных выражениях, которые блестяще формулировали его мысль и всегда брали быка за рога».

Главным, определяющим делом Бурцева было тогда, как уже сказано, дело Азефа. Бурцев добился третейского разбирательства. Суд вершился (без участия Азефа) в Париже зимой 1908—1909 гг. Судьями были: Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин, В. Н. Фигнер.

Все трое принадлежали к старшему поколению. Все трое были людьми «обветшалых понятий», обозначенных в письме Лопатина. Эти понятия не исключали любви к «племени молодому», но любовь-то была без радости, несветлая. Отсюда трагедия «ветхих Адамов» — они не могли и не хотели совлечь свои одежды; не могли и не хотели выжечь свою любовь ненавистью.

Есть простая, как мычание, классификация поколений русского революционного и освободительного движения. Классификация, всем известная со школьной скамьи. Верная социологически, она не просвечена психологически.

О «племени молодом» писал В. В. Розанов. (Публицист и прозаик из ряда вон, Розанов помаленьку возвращается к нашему читателю.) Цитируем из тогдашней периодики: «Всепроникающее декадентство с его безнародностью, космополитизмом, гибкостью и виртуозностью, с его моральной притупленностью, просочилось и в революцию».

Розанов числился по разряду реакционеров. Лопатин — по разряду революционеров. Не встретившись очно, они встречались заочно — в переписке. Далеко не во всем соглашаясь, сходились в пунктах «обветшалых понятий». Примечательно и знаменательно: не только в рассуждениях об Азефе, а и во взгляде на государство и противостоящие ему левые партии. И там, и здесь, соглашались они, господствует корпорация чиновников; там — мундирных, здесь — безмундирных. Азефщина по сути своей была как делом, так и уделом аппаратным. То есть келейности, безгласности, круговой поруки. В сообщающихся сосудах непременно возникают интриги. Лопатин мог бы сослаться на Энгельса: в любой партии рождается Главный Интриган. Прибавим от себя — дайте срок, обернется Главным Злодеем.

Культ Азефа, рухнув в выгребную яму, обрызгал и замарал едва ли не каждого партийца. Не в смысле «организационной» причастности, а в личном, индивидуальном. Тут была боль почти физическая, а не словеса о допущенных ошибках и отходе от норм внутрипартийной жизни. И потому оставался светоч идеалов. Давно сказано: религия — опиум. Понято однозначно: режь попов. А может, имелось-то в виду другое: опиум — болеутоляющее средство? Как и светоч идеалов. В единстве с покаянием они были оселком для заточки моральной притупленности.

Но глядите, глядите: ощерился, заегозил меньшевик Федор Дан. Пошла писать губерния: эсеровский распад породил чреватую опасными последствиями склонность трактовать общественные проблемы с «этической» точки зрения. Слышите? Так вот где таилась погибель, нам смертью мораль угрожала. Федор Дан «этическое» в кавычки застегнул, будто браслеты-наручники щелкнули. А большевики, не мямли, не фефелы, браслетики на кандалы сменили: «Революционному марксизму чуждо суеверное преклонение перед моральными и формально-юридическими понятиями».

Хорошо растут грибы после ситничка. После затяжных дождей — поганок урожай. А если поливают ковшом дожди серные, не следует, пожалуй, впадать в слабоумное недоумение, откуда взялись нашенские кузьмичи-реалисты. И вот, извольте, никаких «опасных последствий»: идеалы материализованы в саперные лопатки. А шанцевому инструменту есть ли нужда в «моральных и формально-юридических понятиях»?

(Продолжение следует).

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

Людмила САЛЬНИКОВА

СВЕТ ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДЫ

Теперь у нас есть общественное мнение. Мы начали измерять и взвешивать умонастроения граждан процентами и коэффициентами, понимая, что они, эти умонастроения — вполне осязаемая субстанция, влияющая на обстановку в стране.

А как быть с общественным самочувствием — материей и вовсе тонкой, ускользающей, но оттого не менее реальной? Что делать, если вдруг сам процесс жизни стал даваться с трудом, будто приходится идти по грудь в воде? Если явь порой мерещится болезненным сном и хочется проснуться в иной — здоровой и ясной — действительности?

Дурное расположение духа всегда легко списать на неврастению, магнитную бурю, неполадки в желудке. Но хандра любого из нас оставляет свой след в общей ауре, которая, как грозовое облако, наливается свинцом и придавливает к земле, парализуя способность действовать. И никто не подсчитал, какое предельное давление в состоянии выдержать наша коллективная психика...

Существует место, куда, как в воронку, втягиваются психологические выбросы нынешней нервной повседневности. Правда, знают про него немногие. Хотя бы потому, что адрес того места в справочнике не найдешь. Не положено ему там быть, как и вывеске на здании. Надо войти в подъезд обычного жилого дома в центре Москвы и позвонить в одну из квартир на первом этаже. Дверь откроет кто-нибудь из обитателей помещения, заменивший собственное имя на придуманное, вроде Евгения Константиновича, Натальи Сергеевны, Екатерины Николаевны. Да и откроет нехотя, только потому, что корреспондент, что по служебной надобности. Праздных визитеров здесь не бывает. А потом заторопится назад, в свой кабинет — крохотную комнату без окон, с трудом вмещающую стол, кресло и телефон.

Телефон — главный хозяин кабинета. Звонит он почти беспрерывно, и нельзя допустить, чтобы никто не снял трубку. Для одних обращение сюда — последняя надежда, спасительная соломинка. Для других — плевательница, отхожее место, где незазорно опорожниться от клокочущей злобы, раздражительности, истерики. Звонят не только москвичи, ведь в столицу едут за правдой отовсюду. Звонят по своим сугубо частным делам, но мелким пунктиром личных бед уверенно вычерчивают кривую общественного тонуса.

Круглые сутки работает в Москве телефонная экстренная медико-психологическая помощь, попросту говоря, телефон доверия. Его номер 205-05-50. Как рассказать о том, что не предназначено для посторонних ушей, что доверено лишь одному невидимому собеседнику? Клятвенное обещание: не называть имен, не приводить конкретных историй...

МОНОЛОГ ПСИХОЛОГА

— Объясните, почему в Президентском совете нет психолога? Буш в своей команде держит серьезных профессионалов, которые в тончайших деталях изучили реакции нашего Президента, знают, куда он повернет голову в ответ на то или иное слово. А для нашего правительства психологии не существует, будто управляет оно не живыми людьми, а шкафами — можно подвинуть сюда, переставить туда...

Знаете, что у нас творилось после заявления Рыжкова о повышении цен? Дикая паника! Первыми начали звонить пенсионеры и инвалиды: караул! При рынке мы умрем голодной смертью и сейчас-то еле тянем. Сильно заволновались многодетные, матери-одиночки. Хоть убей, не верят, что государство о них позаботится. Кричат в трубку: что вы нас успокаиваете? Все вы там заодно! Некоторые прямо спрашивают: вы случайно не из КГБ? Наш разговор не записывают на пленку? Другие ничего не боятся, ругают власть на чем свет стоит.

Когда население смотрит по телевизору заседания какого-нибудь очередного съезда, мы уже наготове. Знаем, сначала будет эйфория, подъем, надежда на скорые перемены к лучшему. После окончания съезда накатит депрессия, пойдут жалобы: опять одна болтовня, мы на грани гражданской войны, впереди ничего не светит, как жить... Интересно, почему к нам эти претензии? Только потому, что мы никого не отсылаем дальше по инстанциям, всех выслушиваем и утешаем? Но, простите, психолог не способен решить социальные проблемы. А почему не звонят политические и государственные деятели — у них разве нет трудностей?

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

— Вы как относитесь к Гдляну и Иванову? Только честно.

— Сложный вопрос, одним словом не ответишь.

— А... Уклоняетесь, боитесь правду сказать.

— Да нет, не боюсь, просто все неоднозначно.

— Ладно, чего уж там. Я ведь все понимаю. А что вы думаете про Ельцина?

— Тоже долго рассказывать.

— С вами все ясно, дурак, что позвонил.

Сейчас все пребывают в странном гипнотическом состоянии. Полная неопределенность, неизвестно, чего ждать и откуда. Подавленности уже у людей нет. Озлобленность есть, остервене-

лость. Отношения друг с другом стали жестче, конфликтов больше. Особенно страдают те, кто, поверив перестроечным призывам, позволил себе проявить активность и самостоятельность. Таких на службе травят нещадно: не высовывайся, не будь умнее всех. Хоть кандидат наук, хоть рабочий — одинаковая ситуация. Многих до сердечных приступов доводит сокращение штатов — прекрасная возможность расправиться с неугодными. А кое-кто очень тоскует по твердой руке, не может без хозяина, без четкого приказа, что и как делать. Такие сейчас особенно агрессивны.

Новые для нас лица появились — кооператоры. Раньше подобных забот у наших тружеников не было: скучно жить, пьянки и женщины надоели, а что еще? Деньги делать? Так тоже однообразие. Дней десять посуетился, заработал, потом неделями транжиришь, они все не кончаются. Каждый день — выходной, спишь до обеда, а время все равно девать некуда. Тоска! Кто бы мог подумать, что советский предприниматель не готов к богатству! С фантазией у него туговато, не умеет красиво организовать свою свободную жизнь. А жены кооператоров! Все телефоны у нас оборвали: спасите мужа, верните в семью, раньше такой тихий был, домашний, теперь сплошные загулы...

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

— Знаете, мне тридцать пять лет, и я всю жизнь живу в конфликте с обществом.

— Как это вам удается?

— Ну, сначала школа. Сами понимаете, объяснять нечего. Потом армия, тут тем более без комментариев. Потом окончил художественный институт. Думал, займусь чистым творчеством. Ничего подобного. Картинами не прокормишься, приходилось брать заказы на художественном комбинате — задники к детским праздникам расписывать или передовиков производства изображать.

— Теперь вроде бы времена для художников изменились к лучшему.

— Вы правы. Не бедствую. Даже более чем. Работаю в одном престижном кооперативе. И все равно тошно. Нет, мне нравится быть богатым — чего хитрить. Но душа противится, понимаете? Мерзко как-то жить среди постоянных разговоров о деньгах. И не знаю, как из всего этого выбраться. И главное — куда?

Сейчас идет что-то вроде броуновского движения. Каждый лихорадочно ищет свою ячейку, нравственные терзания — ненужный балласт. Может, потом, когда все устоится, подумаем и о вечном.

Теперь модно иронизировать по поводу феномена советского человека, но скажите: какой еще народ способен выжить в таких условиях? Все-таки наша порода небезнадежна... И потом всегда были и будут нормальные люди, живущие по каким-то высшим принципам. Они, слава Богу, уцелели, у них сейчас самая продуктивная пора. Возьмите наших политических кумиров — действуют в соответствии со своими убеждениями — и никакой депрессии!

Честно сказать, устали многие от шквала негативной информации. Так и говорят: за что ни возьмись — током бьет. Чтобы как-то защититься, газеты в руки не берут, телевизоры не включают. Вы, журналисты, думайте иногда о людях с повышенной чувствительностью...

* * *

В штате московского телефона доверия, существующего уже восемь лет, работает около 40 человек. Постоянно включено 6—8 каналов. Говорят, что в аналогичной службе в Нью-Йорке — 95 сотрудников, у телефона дежурит примерно 20 психологов и психотерапевтов. Однако в Нью-Йорке есть много других специальных телефонов доверия (для подростков, наркоманов и т. д.), наш же московский — на все случаи жизни. Неудивительно, что с первого раза можно и не дозвониться. Смотря когда соберешься.

Летом полегче. Многие в отпусках, на дачах. Отдыхают от своих проблем. Осенью начинается оживление. Чем холоднее и сумрачнее за окном, тем чаще лезут в голову мысли о тщетности земной суеты, о безнадежности собственного будущего. К зиме душевный разлад москвичей достигает пика. За двенадцатичасовую смену психологу приходится отвечать на 50—60 звонков.

Но и весна не приносит облегчения. Ликование природы, оказывается, лишь усиливает подавленность, чувство одиночества.

Суточная синусоида звонков тоже неровная, пульсирующая. На задушевные, исповедальные разговоры тянет, как правило, к вечеру — с момента окончания программы «Время» и часов до трех ночи. Вопросы самые разные. Вот маленький отрывок из журнала, в котором лаконично и абсолютно анонимно дежурящий у телефона фиксирует звонки:

— живет в общежитии, могут выселить
— боли в желудке, боится рака
— сын и невестка обижают
— конфликт с подчиненными
— муж невнимателен, груб
— одинока, нет друзей
— полюбила другого
— поссорился с родителями из-за девушки
— муж изменил
— у отца инфаркт
— трудности в воспитании восьмилетней дочери.

Все, как у всех...

Когда житейские страсти затихают и семьи погружаются в сон, приходит время алкоголиков. Одни выныривают на миг из запоя и судорожно ищут поддержки, другие маются тяжким похмельем. Звонят перепуганные жены, убежавшие от буйных во хмелю супругов к соседям, а то и вовсе на улицу. Кроме того, выбирают предрассветную пору для бесед страдающие бессонницей, мучимые сексуальными проблемами, имеющие физические недостатки.

Женщины обращаются чаще мужчин, однако вторая половина ночи — пора мужских звонков. Трудных, скупых на жалобы, продиктованных крайним отчаянием. Особенно тревожные разговоры начинаются около пяти утра — когда самоубийцы решают напоследок обратиться к внешнему миру. Профессионалы знают, что это не фарс. Обычно в столь ранний час жизненная энергия близка к нулю, измученному человеку уже ничего не хочется, и если собеседник упорствует в намерении покончить с собой — опасность очень реальна.

Чуть позже, в шесть-семь утра, звонят настрадавшиеся за ночь женщины — муж или сын не ночевал дома. Что делать? Куда бежать? Вслед за ними подают голос те, кому тошно начинать новый день: тяготят семейные раздоры, не хочется идти на постылую работу, в скандальный трудовой коллектив.

МОНОЛОГ ПСИХОЛОГА

— Неоригинально говорить про конфликт между поколениями, но сегодня он серьезен как никогда. Пожилые люди чуть не плачут по телефону: нас обманули, жизнь прожита зря. Видите ли, в чем ужас — нас приучили жить во имя чего-то. Во имя каких-то принципов, идеалов, за которые обязательно надо бороться. А зачем? Объясните, пожалуйста. Разве жизнь не прекрасна сама по себе? Разве просто жить — не наслаждение, не высшая радость?

Когда говоришь об этом с человеком, не понимает. Хочет понять и не может. Потому что существует на этом свете, так и не пробудившись, не открыв глаза, не вздохнув полной грудью. Что такое наши суициденты? Их желание покончить с собой — типичный признак незрелости. Не вышло что-то, не сложилось — сразу страх, истерика, стремление убежать от ситуации, от всего убежать. Нет понимания, что ты — хозяин своей судьбы, должен уметь принимать решения и нести за них ответственность.

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

— Не вижу смысла жить дальше. Только не надо меня переубеждать, я уже все решил.

— Жизнь ваша, и вы вправе поступать с ней по своему усмотрению. Но, может быть, объяснитесь? В чем ваша главная проблема?

— Одной, главной нет. Все в куче. Вчера окончательно разругался на работе. Не собираются меня делать заведующим лабораторией. И лучший друг, как водится, первым начал мораль читать: у тебя плохой характер, ты с людьми не умеешь работать. А сам, подлец, в институте по моим конспектам экзамены сдавал.

— Что думает по этому поводу ваша жена?

— Нет у меня жены! Уже семь лет нет. И слава Богу. Сколько здоровья себе сохранил.

— Есть ли у вас близкий человек?

— Где они, близкие-то? Если б я к своим сорока семи имел карьеру, машину, деньги — и друзья бы нашлись. А так кому я нужен?

Нелепая психология отличника у многих: все в жизни должно устраиваться блестяще или вообще никак. Паническая боязнь страданий. Нас не готовят мудро, с пользой проживать свое горе.

Не сочтите сказанное за цинизм, никто никого не обличает. Целые поколения воспитывались нерассуждающими винтиками, у людей просто не было возможности нормально созревать. Мы очень инфантильный народ. Плохо еще и то, что отсекли у нас религиозное чувство, а ведь оно дает спасительную связь с мирозданием, человек уже не сам по себе, а часть целого...

Так вот, к вопросу о поколениях. «Отцы» категорически настаивают: прекратить эту вседозволенность с сексом, с открытыми границами и прочим! Мы всю молодость прожили в бедности — и ничего, честно трудились. А нынешним соплякам подавай все сразу и немедленно. Кто ж из них получится?

«Дети» же, судя по звонкам, живут в тревожной депрессии. Бродят впотьмах, ищут смысл жизни и не находят. Тогда начинают глушить себя ближайшими доступными раздражителями — вином, сигаретами, наркотиками. Вы обратили внимание? В отличие от стран Восточной Европы у нас перестройку делает не молодежь...

Много звонят мамы четырнадцати-, семнадцатилетних дочек. Не могут с ними совладать: дома не ночуют, пьют, сомнительные компании, иностранцы какие-то вокруг них крутятся, все разговоры о легких деньгах, красивой жизни. Вперемешку с мамами к нам обращаются и сами дочки. Не знаем, что делать: нарастает поток изнасилований. Бедные девочки боятся сказать родителям, в милицию заявить — Боже упаси! Эти подонки их здорово запугивают.

Знаете, что сейчас самый большой дефицит в обществе? Любовь. Мы вечно искали и продолжаем искать врагов. Пребываем в таком ожесточении, что не только других — себя не любим. Дело в том, что не созрела у нас, к сожалению, такая общественная ценность, как уважение к личности. Доказывает иной родитель, что у него сын негодяй — да так убедительно, с пафосом,— а задай ему вопрос: «Вы пытались заслужить уважение сына?» — у собеседника спазм в горле: я? у него?! Горько, но факт: дети наши растут в обстановке тотальной нелюбви.

Нередко подросток только у нас впервые в жизни слышит доброе слово. Представляете? Что же удивляться, что он, едва встав на ноги, начинает презирать взрослых. Его никто не жалел, и он никого жалеть не будет.

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

— Здравствуйте. Спасите меня, пожалуйста, от собственного ребенка.

— Что случилось?

— Сын с ножом к горлу пристал: идите подавайте документы на выезд, вы, родители, обязаны заботиться о моем будущем.

— А вы с мужем не хотите?

— Муж сперва колебался, теперь вроде бы склоняется к тому, чтоб уехать. А я... Вы понимаете, я литературный редактор. Что там буду делать без родного языка?

— Причина только в этом?

— Нет, конечно. Здесь много друзей и родных, дом. После сорока новую жизнь не начинают. Но и сына понять можно. В общем, замкнутый круг.

Один наш абонент пошутил: идет не эмиграция, а эвакуация. Судя по телефонным звонкам, для многих эта проблема нешуточная. Но то, что люди за границу начинают ездить,— хорошо. Видите ли, наш быт хитро устроен, мы все время нервничаем по поводу мелких, ничтожных прямо-таки забот, мир для нас ограничен собственной кухней. Теперь появляется шанс развернуться к серьезным, глобальным масштабам бытия. Может, по-другому будем относиться к временным трудностям в одной, отдельно взятой стране?

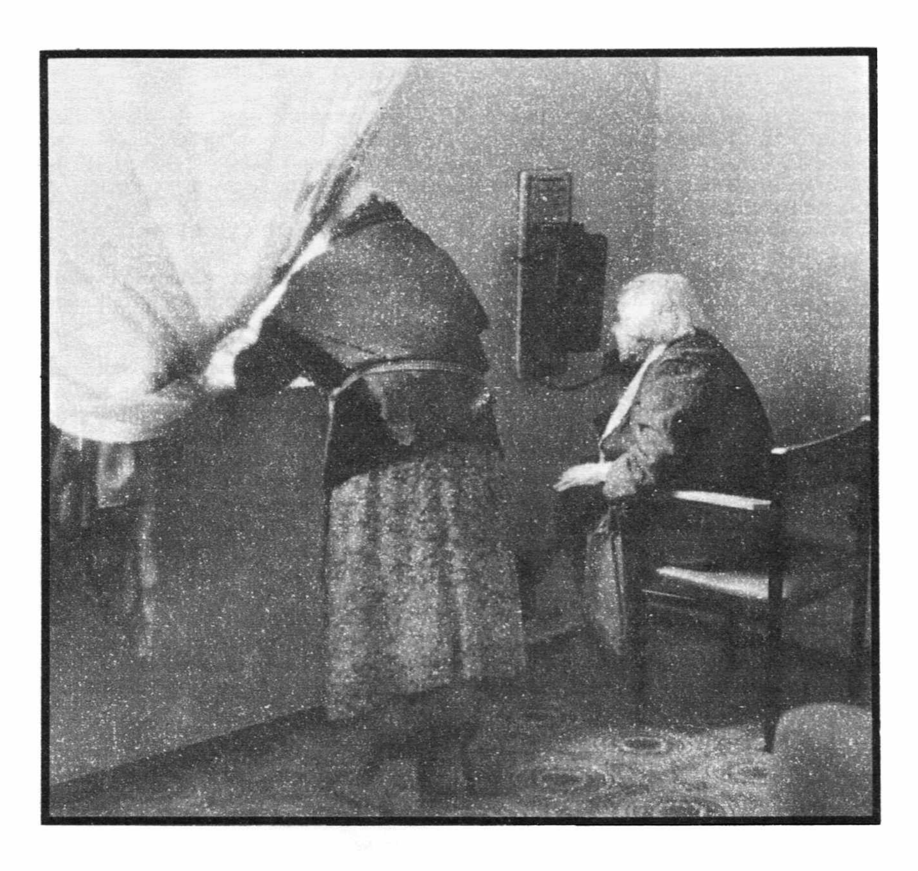
* * *

Телефон доверия находится в двойном подчинении. Задумала и настойчиво пробивала его профессор А. Амбрумова, возглавляющая Всесоюзный суицидологический центр. Зарплату же психологи и врачи получают в одном из районных психоневрологических диспансеров. Неопределенная эта двойственность сильно обделяет работников столь необычной службы. Например, за одну и ту же работу психологу 30 дней отпуска, а психотерапевту, имеющему диплом медика,— целых 42 дня. Таковы законы психиатрического лечебного заведения, коим формально является столичный телефон доверия. Другая несправедливость — не учитывается специфика работы на телефоне. Сотрудники справочной службы «09» обладают определенными льготами, поскольку их трудовая деятельность признана утомительной и напряженной. Но давайте разберемся, что проще: назвать абоненту интересующий его номер телефона или, не отходя от трубки часами, отговаривать человека от самоубийства? Тем не менее работники телефона доверия лишены каких-либо льгот.

Самое удивительное в том, что Госкомтруд вообще не занимался квалифицированной оценкой нагрузок — физических и нервных,— достающихся дежурному у телефона. Следовательно, не существует научно обоснованных нормативов труда. Родной профсоюз не ведает, что достаточно провести на такой работе несколько лет, как начинает теряться слух, появляется хронический ларингит. Дома не можешь без ужаса смотреть на телефонный аппарат, с близкими объяснешься после смены только на пальцах.

Всем давно понятно: телефон доверия — не медицинское учреждение, он должен иметь статус социальной службы и находиться в ведении муниципальных властей. Однако новый Моссовет пока не проявляет к нему интереса. Может быть, просто руки не дошли?

Зато иные абоненты бывают очень

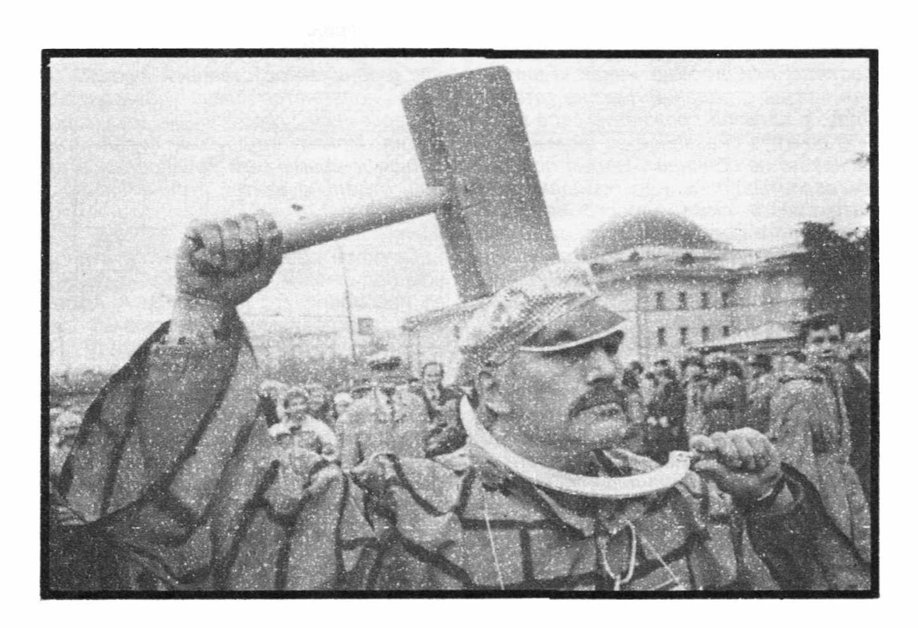
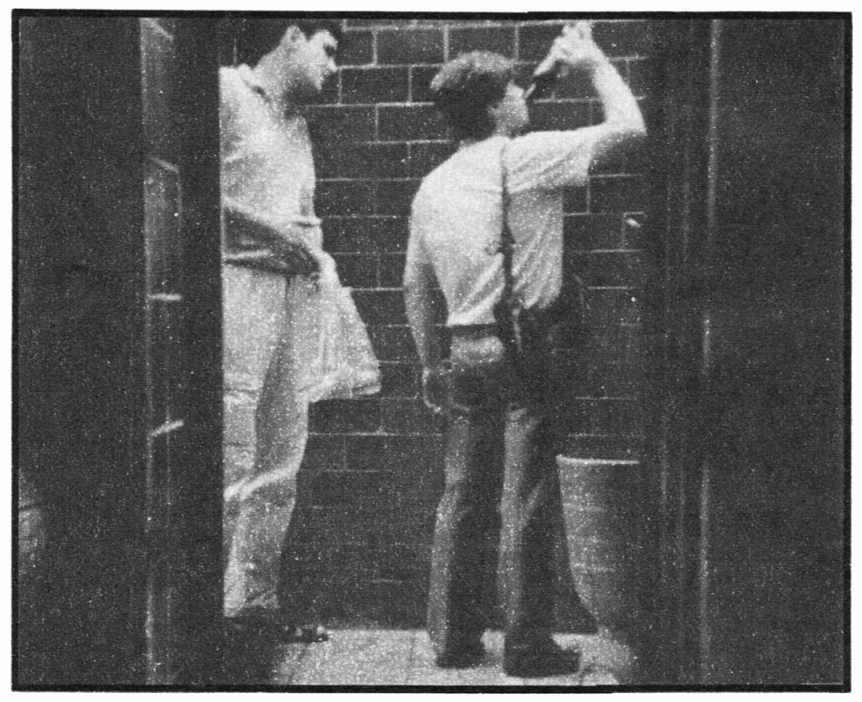

Фото М. РАСТЕГАЕВА, В. ФЕДОСЕЕВА и Ю. ФЕКЛИСТОВА

любознательны. Когда служба открывалась и обустраивалась, причем в обстановке строгой секретности, отдельные граждане непонятным образом разведывали адрес и курсировали под окнами: кто это там учит нас жить? Одному под видом журналиста удалось даже проникнуть внутрь и встретиться лично с обладательницей ласкового голоса, успокаивающего его нервную систему во время длительных приятных разговоров. Увидел, убедился, что обычная женщина и устает, как все, и тяжелые сумки после работы домой несет. Но ведь как умеет уговорить, черт возьми!

Случайный человек тут не удержится — не выдержит. В натуре должна быть заложена потребность отдавать. Где и как восполнять потраченную на других энергию? Прежде всего — природа, без нее пропадешь. Потом книги, лучше далекие от действительности: исторические романы или сказки. Побольше молчать, поменьше телевизора. Но ведь и психолог живет не в безвоздушном пространстве, у него тоже и очередь на квартиру не двигается, и сосед алкоголик, и в личной жизни не всегда все гладко. Однако надо быть сильнее своих абонентов — ты же для них эталон, путеводная звезда, они верят каждому твоему слову.

При более чем скромных зарплатах главная награда, приносимая этой каторжной работой,— чувство, что ты нужен. Банально, конечно, звучит, кто только о своей профессии так не высказывается! Но никуда не денешься, вот они — люди, которых удалось остановить у последнего предела и вернуть назад, в жизнь. Пишут письма, поздравляют с праздниками, даже номера своих телефонов дают, нарушая всякую анонимность.

МОНОЛОГ ПСИХОЛОГА

— Мы говорим: перестройка, перестройка, понимая под этим политику, экономику. А про личную жизнь и не вспоминаем. Зря! Там, между прочим, тоже многое бурно перестраивается. Как будто тесные обручи с нас сняли, позволили распрямиться, плечи расправить. Раньше мы в каком обществе жили? В ханжески-пуританском. Любить, страдать, радоваться должны были по единому образцу. Шаг в сторону — разврат, безнравственность! А теперь незаметно приходим к мысли, что люди разные, счастье каждый представляет себе по-своему — и слава Богу, лишь бы никто никому не мешал.

Взять ту же сексуальную революцию. Теперь и мы до нее дожили, хоть и с опозданием лет на тридцать. В чем ее суть? Не в том, чтобы на каждом углу кричать о сексе, а чтобы отвести ему наконец положенное место и относиться к нему спокойно, как к одной из многочисленных потребностей. Терпимость появилась к некоторой свободе в отношениях, к супружеским изменам в том числе. Знаете, к нам в последнее время меньше звонят по поводу сексуальных проблем. И разговаривать на эти темы стало легче, люди не зажимаются, помочь им проще.

Мало кто догадывается, сколь разительные перемены в семейных отношениях принесет с собой рынок. Мы уже сейчас чувствуем. Скажем, сокращается количество разводов. Почему? Представьте, был надоевший нелюбимый муж с зарплатой двести рублей. Чего за такого держаться? Вдруг супруг устраивается в кооператив и начинает получать головокружительные деньги. Может позволить жене не работать, заниматься семьей и собой. Какая же умная женщина откажется от столь заманчивой перспективы? Опять-таки время тревожное, неопределенное, того и гляди пропадешь в одиночку от голода и нищеты.

Существует понятие «брак вверх» и «брак вниз». Раньше, в эпоху всеобщей уравниловки, образование, социальный статус значили гораздо больше, чем размер оклада. Престижно было вступить в брачный союз с партнером выше тебя социальным уровнем. Но в скором времени у нас разница в доходах будет измеряться десятками раз — и образование здесь будет ни при чем. Так что теперь не зазорно вступить и в «брак вниз». Интеллигентка рафинированная нынче не брезгует рабочим, если за его руки много платят. Он все равно в ее глазах настоящий мужчина.

Наши люди всегда отличались повышенной эмоциональностью, это все иностранцы говорят. Отношения между мужчиной и женщиной строились на чувствах, влечениях. Однако появляется уже холодок прагматизма, расчета. Важнее становится материальное благополучие, а не всякие там переживания.

С другой стороны, хорошо, что людей связывает не бытовая неустроенность, когда надо жениться, чтобы получить квартиру, а свободное волеизъявление. И не обязательно сразу все делать всерьез, с кастрюлями, пеленками, мебельными гарнитурами. Молодой преуспевающий кооператор вполне способен снять для любимой девушки квартиру и ни от кого не зависеть. С такими парами нам интереснее работать, у них возникают чисто психологические проблемы, не замутненные коммунальными дрязгами.

По правде говоря, отечественная психотерапия — пока для бедных. Ведь чтобы по-настоящему разобраться в своей личности, надо не день и даже не месяц общаться с психологом. А кто может отрывать от семьи деньги на оплату отвлеченных разговоров? Психологическая помощь обретет иной уровень, когда к ней начнут обращаться люди, свободные от материальных забот, но обремененные внутренними конфликтами.

Впрочем, мы что-то о богатых говорим много, забывая про малоимущих, то есть про большинство. Их проблемы часто прямо-таки безысходны. Знаете, что сейчас самое актуальное? Чудовищный рост пьянства. Полистайте наши журналы — каждый третий звонок по поводу алкоголиков.

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

— Скорее, скорее скажите, что мне делать!..

— Что случилось?

— Муж умирает!

— Так звоните в «Скорую помощь».

— Они отказываются приехать.

— Как отказываются? Почему?

— Да как вы не понимаете! Он же напился, у него белая горячка. В «Скорой помощи» говорят: «Это не наше дело, звоните в специальную службу, где алкоголиков откачивают».

— Вы звонили?

— Пробовала, еще раньше. Там сразу спрашивают: «Двести рублей у вас есть? Иначе не поедем». А где ж мне столько взять? Медсестра я в поликлинике. Значит, пусть человек умирает?

Во всех цивилизованных странах разработаны социальные программы, и что бы с человеком ни случилось, он знает, куда обратиться, что его ждет, какие у него перспективы. В нашем обществе нет альтернатив, живем в жестких рамках. Выбился из накатанной колеи — твои проблемы...

Болеем мы сейчас, тяжко болеем. Но нынешнее страдание для нас чрезвычайно важно. Поверьте! Страдаем — значит, еще живы, значит, силимся выздороветь, вырваться из мрака, и в понимании этого можно черпать оптимизм. Да-да, именно в этом!

И все-таки... И все-таки лучший учитель — счастье. Только счастливые люди способны создать что-то значительное. Доживем мы до счастливых времен, а?

МЕЖДУ МАСКАРАДОМ И ТРАГЕДИЕЙ

Где-то на рубеже семидесятых годов в нашей живописи стали настойчиво пробиваться новые тенденции. В картинах молодых тогда мастеров то возникали образы прошлого, старой культуры — они приплывали из далеких глубин времени в сегодняшний день, сливаясь с ним; то абсолютно современные реалии представали в таком необычном, преображенном виде, что казались наваждением, игровой фантастикой.

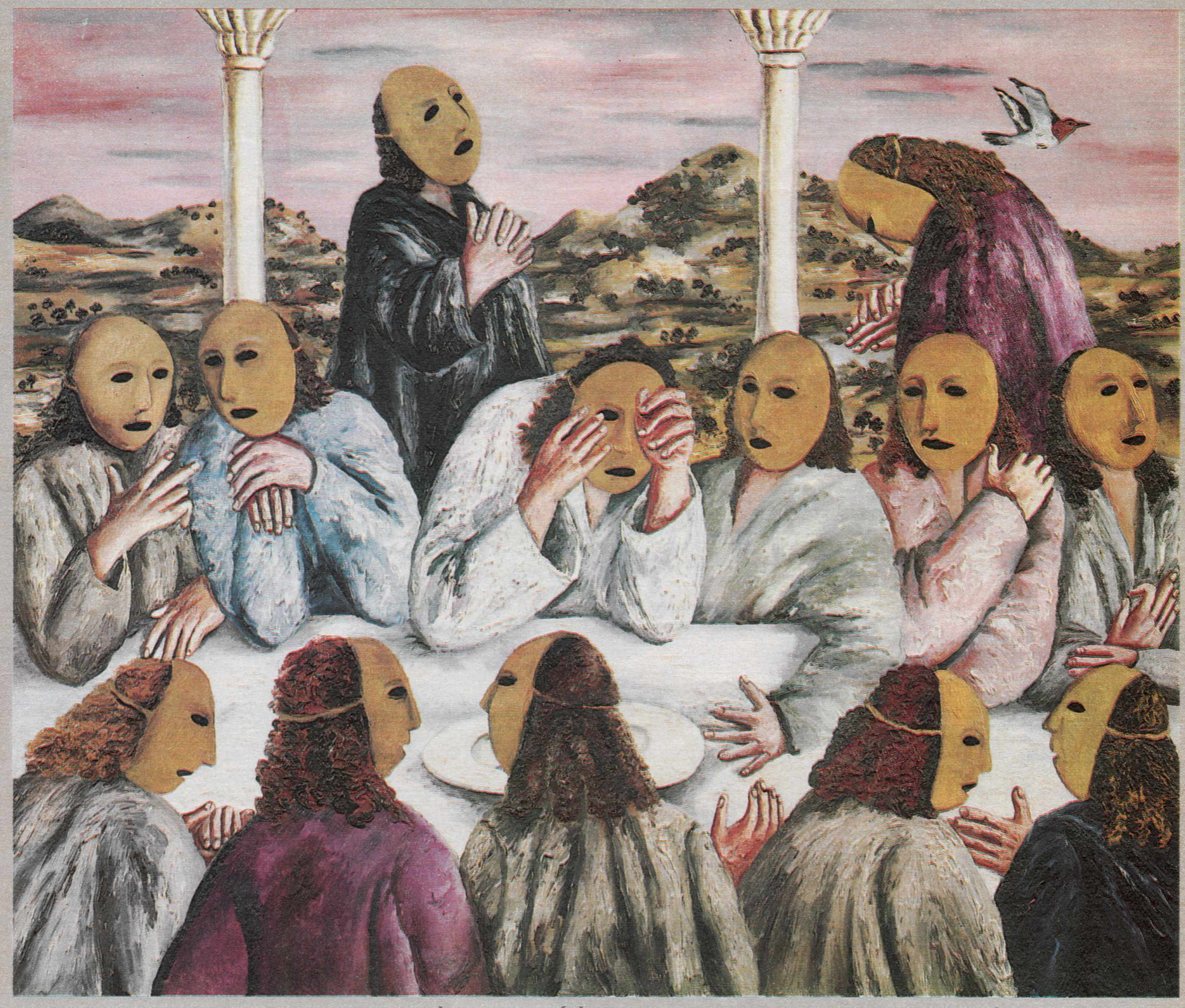
Критика, помнится, была озадачена. В «культовые» годы сны и фантазии, как нечто неподцензурное и неуправляемое, находились за гранью дозволенного. Затем пришел «суровый стиль» с его ненавистью к парадной одописи и жесткой, мужественной прозой, для которой символом веры стала жизнь, «как она есть», без всяких прикрас и узоров.

И вдруг как-то неожиданно и нело-

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ. 1989.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. 1989.

гично в картины ворвалась стихия видений, карнавалов, праздников, гротесков, пересмешек... Авторы полотен этого типа ничего не объясняли и, похоже, слушали свой внутренний голос, а комментаторы недоумевали: откуда все это взялось?

И лишь постепенно, после долгих споров, стали осознавать, что так проявляли себя духовное раскрепощение, поиски новых позиций художника.

Среди фантастов, лицедеев, лирических и романтических мечтателей 70—80-х годов москвичка Наталья Нестерова сразу же заняла особое место. Ее картины строились чаще всего на сочетании пейзажно-архитектурных видов и людских фигур. И то, и другое вовсе не повторяет натуру. Деревья, лужайки, фонтаны, пруды, здания словно всплывают в памяти, и грань между реальным и воображаемым оказывается зыбкой и смутной. А людские персонажи картин еще менее жизнеподобны. Эти типажи, маски, символические носители помыслов и переживаний, ничуть не скрывающие свою игровую природу. Сложные сплетения двух этих тематических линий создавали особый, удивительный мир, скорее даже театрально-эксцентричное представление, насыщенное ассоциациями.

Об одном свойстве этих представлений и вообще искусства Нестеровой надо сказать особо. Она прирожденный колорист. Следуя классическим традициям — от живописи XVIII века до «Голубой розы» (П. Кузнецов, М. Сарьян), до М. Шагала, до Ж. Руо,— художник достигает невероятной изысканности палитры. В любой картине Нестеровой можно насчитать десятки градаций белого, соединяющихся с переливами других красок. Что бы она ни изображала, сам по себе этот тончайший, дышащий, пронизанный светом колорит создает ощущение как бы не зависящего от людской воли совершенства мира и бытия.

Один из главных парадоксов художественной философии Н. Нестеровой в том и состоит, что на фоне этого исходно-прекрасного мира люди живут какой-то отчужденной и нерѐдко печальной жизнью. Сталкиваясь на выставках со многими гуляньями и застольями в ее картинах, я вспоминал пастернаковские строки: «И наши вечера — прощанья, пирушки наши — завещанья, чтоб тайная струя страданья согрела холод бытия».

«Тайная струя страданья» всегда была некой скрытой, сокровенной основой любых прежних композиций Нестеровой, даже самых легкомысленных с виду — всех этих «парков», «фонтанов», «обедов», «террас» и «пляжей». Вроде бы в них нет и помину каких-то публицистических моментов, но постоянное «одиночество в толпе», отъединенность друг от друга, душевная тоска... Душевное оцепенение людей, их одинаковость и даже «манекенность», застывание живой плоти, которая превращается в штампованное изваяние...

Однако на протяжении долгих лет все эти тревоги и заботы современной жизни художник прятала в игровых фейерверках, карнавальной эксцентрике, гротесках неожиданных превращений и уподоблений; в сущности, на протяжении одного лишь 1989 года в творчестве Н. Нестеровой произошел сильный и резкий сдвиг. Она осталась мастером метафоры, создающим композиции театрализованного свойства, дивные цветовые симфонии. Однако их общее звучание стало иным, чем раньше, обретая черты и свойства высокой трагедии.

Это поистине современные трагедии, некий апокалипсис наших дней, даже если трактуются традиционные сюжеты христианской легенды («Бегство в Египет», «Тайная вечеря», «Избиение младенцев»). В новых картинах Н. Нестеровой господствует широкое обобщение, действие в них отнесено ко всему миру, ко всем людским судьбам.

Главное, что волнует и мучает душу художника,— это опасение за человека, за его свободу, личность, индивидуальность. Привычный для Нестеровой сюжет маски неожиданно оборачивается страшной угрозой. Игра переходит в «приглашение на казнь». Помните миниатюру Марселя Марсо, когда меняющий маски человек вдруг теряет возможность и способность отодрать одну из них: она безнадежно и навсегда заменила живой облик... Точно так же в «Человеческих масках» Н. Нестеро-

ГРИФОНЫ. 1989.

вой на фоне громоздящихся небоскребов (аналог цивилизации нашей эпохи) люди с повторяющими друг друга застылыми личинами окаменели, утратили духовное многообразие и тупо уперлись стеклянными взглядами в хрупкие пирамиды карточных построек. На протяжении «карнавального» периода Нестеровой карты у нее часто были атрибутом игры, развлечения, безмятежного времяпрепровождения. Сейчас они становятся символами призрачности и эфемерности окружающего, которые иногда соединяются с чувствами тревоги и преследования. В композиции «Напавшая собака» и само животное, и в ужасе убегающий от него человек составлены из карточных прямоугольников! Фигуры несутся сквозь неведомое пространство, распростертое на черном экране вечности. Странное и жестокое видение, которое напоминает «сон разума», подавленного бесчисленными муками и страхами нынешней жизни, только-только расстающейся с кошмарами тоталитаризма.

Эти чувства достигают трагической силы в таких картинах, как «Грифоны», где страшные птицы, как античный рок, преследуют людей, не знающих куда укрыться от зловещей опасности.

Но Наталья Нестерова отступила бы от собственных убеждений и от всего своего жизневосприятия, если бы так и оставила человека беззащитным перед силами грозной, беспощадной судьбы. Чем страшнее злые сны в ее картинах, тем вдохновенней и ослепительней в своей нерушимой, блистающей красоте предстает в них земной мир, пленяющий щедростью и свежестью своих красок, проникновенностью света, могуществом разумных начал.

Александр КАМЕНСКИЙ

НАПАВШАЯ СОБАКА. 1989.

ОГОНЁК

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«...НА РОССИЮ — ОДНА МОЯ МАМА»

Приняв делегацию солдатских матерей и отцов, Президент СССР сказал, что ему «непросто вести этот разговор»...

В начале сентября в Москве проходил Всесоюзный съезд родителей солдат и матросов. Этот съезд, которому предшествовал, если не ошибаюсь, год напряженной работы по расследованию армейских преступлений против жизни и достоинства военнослужащих, предал гласности то, о чем мы знали или догадывались давно: в непобедимой армии творятся ужасные вещи. Фактически там идет перманентная война... жестокая «стрельба по живым мишеням», смысл которой не может быть ясен, а задачи подобных учений поддаются анализу только в том случае, если предположить, что наша армия не только кузница отличников боевой и политической подготовки.

Одна из солдатских матерей выразилась на этот счет предельно просто и предельно жестко:

— Они уничтожают в нашей стране мужчин!

Документы, предъявленные на съезде, просто вопиют. Это избиения, насилие, садизм, доведение до самоубийства и психического расстройства; это вынужденные бесчеловечным обращением побеги и факты исчезновения без вести... Сейчас мы готовы сказать: мы все это знали.

Мы знали, о чем матери страны заявляют в своих обращениях Верховному Совету, Президенту. Знали, что в армии бьют. Что плохо кормят. Что не лечат заболевших, не оберегают слабых, не щадят ранимых, не останавливают агрессивных.

Для полноты картины нам, то есть обществу, не хватало пустяка — ощущения, что это происходит с твоим сыном.

Матери не слепы.

В общем, история открытия армейской темы неоригинальна. Это история многолетнего странного оцепенения, именно напоминающего заклятие злых духов: то, о чем, кажется, все знают, не коснется лично тебя, твоего ребенка, твоей семьи. Я не думаю, что воспевание армии как «кузницы кадров» настоящих советских парней влияло на сонное бездействие народа. Хотя есть смысл проследить, как действует паралитический яд пропаганды, над которой посмеиваются, как постепенно люди привыкают недовидеть, недопонимать... Армия — это, может быть, самый простой пример.

Оцепенение перед тем, что происходит в армии, было того же характера, что и оцепенение перед социализмом вообще. Мы знали: это наша родина. Кроме того, мы очень любили парады. «Когда подразделение строем проходит перед трибуной, душа наполняется чувством монолитности нашей непобедимой великой армии». Это не школьное сочинение. Это позднее признание молодого человека, воспитанного армией, ею посланного воевать, по ее вине сделавшегося убийцей, военным преступником.

Слишком долго человеку внушали, что он и есть государство, постепенно и прочно отнимая у него право, умение, волю и потребность противостоять государству, когда оно не право и не справедливо.

Президент СССР поручил создать специальную президентскую комиссию по расследованию фактов гибели военнослужащих в мирное время.

■

Обращаюсь к вам с единственной просьбой: переслать мое письмо туда, где могут принять действенные меры. Я работаю врачом «Скорой помощи». На нашей территории есть воинские части, одну из них мы не всегда обслуживаем: там своя «Скорая». Мы постоянно госпитализируем молодых солдат, избитых действительно до полусмерти. В последний раз — 17 сентября — парня 19 лет с сотрясением головного мозга после избиения. Это не единичный случай. Мы возим парней с сотрясением головного мозга, разрывом внутренних органов, тяжелыми ожогами стоп (после так называемого «велосипеда»).

Врачи «Скорой помощи» обращались и устно и письменно в военную комендатуру, к военному прокурору, к военному следователю. В лучшем случае мы получаем отписку, чаще вообще ничего не получаем, а дела в этих воинских частях остаются без перемен.

С. С. КАМЫШЕВА

■

С вашей помощью хотим поставить следующий вопрос: почему призывают в армию ребят с вечернего отделения институтов?

Всем известно, что работать и одновременно учиться значительно труднее. Кроме того, на вечернем отделении учатся не только те, кто из-за оценок не прошел на дневное, но и материально не обеспеченные молодые люди.

Так что призыв в армию с вечерних отделений ребят, которые действительно хотят учиться,— очередные «палки в колеса» простым советским труженикам. А выполнить свой гражданский долг они смогут после института с большей пользой. Таково наше мнение. А как думают в Министерстве обороны?

По поручению матерей призывников

Л. И. ФЕДОРОВА
Москва

■

Больше всего меня возмущает, с какой яростью некоторые номенклатурные чины отстаивают честь мундира. Примечательно, что эта «ярость благородная» исходит в основном не от командиров рот, батальонов, полков, которые служат по всей стране, в различных ее уголках в очень тяжелых бытовых условиях. Уж они-то знают истинное положение дел в армии! А, как говорят у нас в Одессе, «выступают» в основном номенклатурные чины, сидящие в крупных городах, штабах, учреждениях, выезжающие изредка на инспекторские смотры или учения. Как правило, эти чины хорошо устроены и им есть за что бороться.

К несчастью, мне пришлось столкнуться с некоторыми представителями этой военной бюрократии. Дело в том, что в 1985 году мой сын, солдат срочной службы, был зверски убит сослуживцами в одной из воинских частей под Семипалатинском. Так вот, чтобы добиться объективного расследования и доказать, что его действительно убили, довести дело до трибунала и наказать виновных, нам с женой понадобилось два года. В течение полутора лет наш сын числился дезертиром, в бегах — наиболее приемлемая версия для ведомства, которому мы доверили своего сына на период выполнения священного долга.

В каких только кабинетах мне не пришлось побывать, к кому только не обращался с просьбами установить истину. От военкомата до приемной Министерства обороны, от прокуратуры части до приемной Главной военной прокуратуры, Генерального прокурора Союза.

И все это время помимо горя еще и чувство позора. В Главной военной прокуратуре меня пытались утешить рассказом о том, что был случай, когда пропал без вести офицер, а через год или два выяснилось, что он жив-здоров, живет с другой семьей под другой фамилией. Вот такой армейский юмор — при том, что совершено уголовное преступление.

До сих пор не могу понять, почему в таких учреждениях должны сидеть самодовольные молодые полковники, принимающие через окошко бумажки от посетителей. Ведь с такой работой могла бы вполне справиться вольнонаемная девушка с зарплатой в 4—5 раз меньшей. Мой второй, младший, сын уже отслужил срочную службу. Мне пришлось «постараться», чтобы он служил недалеко от дома, иначе сердце матери не выдержало бы неизвестности. Слава Богу, что при нынешней системе можно было это устроить, что лишний раз доказывает ее ущербность.

Сейчас, поверьте, во мне говорят чувства не пострадавшего отца, это объективный взгляд на вещи с учетом выстраданного. И я хочу прямо сказать, что прогнило наше военное ведомство, прогнило, как и многие другие сферы общества. Армия нуждается в коренной перестройке. И я верю, что это произойдет и сделают это не те генералы (в том числе мои земляки), которые с высоты своих званий не хотят видеть негативных явлений и необходимости перемен (им ведь и так хорошо), а те, которые действительно болеют за судьбу своей Родины, защищать которую — их работа. Эту работу выполнял более 25 лет дед моих сыновей, ныне майор в отставке, инвалид войны второй группы. Упоминаю об этом, чтобы не закралось сомнение, будто в нашей семье к армии относятся неуважительно.

Б. В. КАРПИЧ,
инженер, ст. лейтенант запаса
Одесса

■

Примерно месяц назад дежурил в ночном патруле в гарнизонной комендатуре Ленинграда, и мне было приказано доставить в комендатуру из отделения милиции в пригороде Ленинграда пятерых военных строителей, угнавших машину в Киеве и задержанных органами милиции.

У меня ни оружия, ни наручников, только «УАЗ-452» («таблетка») и трое патрульных — курсанты второго курса. Все мы новички в деле конвоирования, если не считать изученного Устава гарнизонной и караульной службы. О наручниках я и не мечтал, но на вооруженного милиционера для сопровождения все-таки надеялся. Однако вместо сопровождающего нам дали угнанные «Жигули», изрядно помятые и без лобового стекла. Ни я, ни мои патрульные — совсем молодые ребята — машину не водим. Я был вынужден посадить угонщика за руль, сам сел рядом. Остальные без пяти минут подследственные ехали в «УАЗ-452». Трудно, вероятно, придумать лучшие условия для побега и сопротивления. Не знаю, что нас от этого спасло — везение или солдатская смекалка, к которой вынужден прибегать чуть ли не каждый день в течение двенадцати лет службы в армии. Да что смекалка, у нас в стране героев мирного времени, вероятно, больше, чем во всем остальном мире, потому что в нашей жизни всегда есть место подвигу.

А. ВИНОКУРОВ,
капитан ВВС

■

Полгода назад моего мужа призвали как офицера запаса на службу в железнодорожные войска. Значит, на службу в армию? Но, если верить тому, что публикуется в печати, железнодорожные войска у нас отделены от армии. Значит, на работу? Но для этого надо, как минимум, было спросить его согласия. Железнодорожные войска как будто уже не подчиняются Министерству обороны, и, значит, армия тут ни при чем. С другой стороны, призыв и отправка — все шло через военкомат, подчиненный именно этому министерству. Где же истина или хотя бы простая логика? Так имели или не имели право (и кто именно) заслать его в такую Тмутаракань, куда он даже в отпуск боится меня позвать? А посчитал ли кто-нибудь, во что обходятся государству такие перемещения? Неужели кадрового офицера обучали 4—5 лет для того, чтобы он потом маялся, отыскивая свое место на «гражданке» после сокращения ВС, а студента обучали железнодорожному мастерству пять лет для того, чтобы после он учился «искусству побеждать»? «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»... Или все проблемы на железной дороге у нас в стране уже успешно решены? Или, может, кадровый офицер попробует себя в роли мастера локомотивного депо? Так что с нами делают? И что мы делаем с собой?

Вряд ли я похожа на декабристку, но, возможно, я отправилась бы вместе с ребенком на эти два года к мужу. Не тут-то было! На том и строится весь расчет: какая ненормальная поедет в голые (в буквальном смысле) казахстанские степи, где ни кола ни двора, только сборно-щитовые казармы, летом — за 50° жары, а зимой — за 30° мороза и желтуха ходит в обнимку с еще более страшной инфекцией. Какая сумасшедшая поедет в эти нищие, голодные даже по нашим весьма скромным меркам края, где в магазинах нет даже пакетных супов и вообще ничего нет, кроме лаврового листа и коробочек с детским питанием? Где найдет работу, будь она хоть семи пядей во лбу? А как жить на одни лейтенантские? Правильно рассудили там, наверху,— нормальная не поедет. Даже если декабристка. Не себя, так ребенка пожалеет. И ни один нормальный человек (читайте — офицер) там служить не хочет, ведь семью свою он не сможет видеть по полгода и больше. А этот — из запаса — два года отслужит, куда он денется!

Т. Е. ТИТАРЕНКО
Ростов-на-Дону

Царская охота

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК

В тринадцатом номере «Огонька» за этот год была опубликована статья ведущего инспектора Комитета народного контроля СССР В. Сергеева под названием «Дачные привилегии при свете гласности». На эту публикацию откликнулись многие наши читатели, которых возмутил существующий в Министерстве обороны СССР «порядок» бесконтрольного расходования народных средств на непомерные нужды высоких должностных лиц.

В одном из них ветеран Вооруженных Сил генерал-майор запаса Н. Вахатов пишет: «Возникший синдром является серьезной болезнью, он причиняет не только материальный вред государству, но и развращает сознание военнослужащих, призванных защищать отечество, а не обслуживать начальственные дворцы и различного рода «домики» — лесника, охотника, рыбака. К сожалению, исчисляются такие «домики» в Министерстве обороны СССР не одним десятком. Отдельно следует сказать об элитарных владениях «Завидово» в Тверской и Московской и «Барсуки» в Калужской областях. Только «Завидово» обслуживают сотни военнослужащих и служащих Советской Армии, обеспечивающих «царскую» охоту и другие удовольствия высокопоставленных лиц».

Мы попросили Владимира Ивановича СЕРГЕЕВА прокомментировать это письмо. Вот что он нам рассказал.

* * *

Казалось бы, до всего дошли уже вездесущие корреспонденты прессы и телевидения, высвечивая во мраке жизни всевозможные современные потаенные уголки и княжеские слободки. Но как будто в иных измерениях, обойденное и вниманием, и славой, остается пока одно заповедное подмосковное местечко, где разгуливают на дикой воле стада лосей и маралов, пятнистых оленей и косуль, пасется необозримое множество диких кабанов и другой прелестной живности. Правда, в отличие от кочубеевских табунов эти стада довольно надежно охраняются, и сквозь тамошнюю охрану, порой кажется, не пролетает даже самая вольная птица. Что нисколько не умаляет величественности подмосковного уголка, а, наоборот, даже подчеркивает его еще большую важность и значимость.

Конечно же, речь идет о Завидовском госзаповеднике Министерства обороны СССР, где давно уже облюбовали себе обетованное местечко для загородных утех великие деятели великого народа. В 1929 году для Наркомата обороны СССР, как своеобразный боевой трофей в битвах за светлое будущее, под охотничье хозяйство отдаются заповедные глухие и дикие места в районе деревни Завидово. Невиданные звери, вплоть до бурых медведей, бродят по тропам. Сказочная растительность устилает луга и леса.

За счет средств, ассигнованных на оборону молодого Советского государства, в хозяйстве проводится огромная работа по обогащению и без того богатого животного мира. С 1931 года в Завидове выпущена партия косуль, в 1933 году — пятнистых оленей, в 1937-м из горно-таежных местностей Сибири завозится марал. В 1934 году создаются фазанья, чуть позже — утиная фермы. К 1937 году территория хозяйства значительно расширяется.

При таких масштабах воспроизводства зверя промазать практически было невозможно. Зверь сам просился на мушку.

В 1960—1980 годах жители деревень, прилегающих к безукоризненно отшлифованной автомобильной магистрали, ведущей из Москвы в Ленинград, имели счастье лицезреть, как по пятницам, в первую половину дня, на огромной скорости в сторону Завидова проносилась стая лихих черных лимузинов с голубыми мигалками, распугивая своим ревом не только собак, но и весь движущийся во встречном или попутном направлении транспорт. В одной из таких машин всегда находился лидер правящей партии легендарный маршал Л. И. Брежнев, избравший этот заповедный уголок в качестве места для своих утех и удалого разгулья.

Задолго до въезда в хозяйство его встречали «главный егерь» генерал-лейтенант И. Колодяжный и его заместитель генерал-майор В. Щербаков. Они считались тогда лучшими знатоками заповедного дела в стране и за годы работы в Завидове семь раз награждались государственными орденами, чего ни один директор или начальник никакого другого заповедника не мог себе представить даже во сне.

Конечно, нельзя сказать, что эти генералы только почивали на лаврах. Работенки было довольно много. В 70-х годах численность кабанов здесь достигла почти 4 тысяч, маралов — до 1 тысячи, пятнистых оленей — 340 голов. Сложившееся в те годы хозяйство и по настоящее время представляет собой участок площадью 125,4 тыс. га, в том числе в Московской области 56,7 и в Тверской — 68,7 тыс. га. На 55,8 процента территория покрыта изумительным лесом. Составной частью является также западный залив Иваньковского водохранилища (Шошинский плес) с общей площадью зеркала воды 11 тыс. га.

2 августа 1966 года распоряжением Совета Министров СССР, подписанным зам. Председателя Совмина СССР Д. Полянским, утверждено «Положение о Завидовском заповедно-охотничьем хозяйстве». На хозяйство были возложены разработка и осуществление наилучших методов ведения комплексного лесного и охотничьего хозяйства, необходимых мероприятий по организации охоты, а также проведение различных биотехнических мероприятий по улучшению и учету охотничьей фауны.

2 декабря 1971 года распоряжением

Совета Министров СССР, подписанным тем же Полянским, под предлогом расширения в хозяйстве научно-опытных работ оно было переименовано в «Завидовский государственный научно-опытный заповедник». Однако смена вывески совершенно не сказалась на профиле деятельности хозяйства, которое продолжало оставаться заповедно-охотничьим.

Характерно, что в штатах этого научного учреждения даже не предусмотрены должности научных сотрудников, хотя имеются зам. начальника по научной работе и целый научно-производственный отдел, состоящий из егерей, рыбоводов, ихтиологов, ветслужбы и т. д. Проводимая коллективом заповедника научная работа носит внутренний прикладной характер и ориентирована в основном на вопросы охотоведения. Выпущенные пять сборников по научным основам охраны природы, сохранению и восстановлению редких и исчезающих видов животных и растений (последний издан в 1985 году) имеют гриф «Для служебного пользования» и в научных библиотеках страны отсутствуют.

В заповеднике, в основном при И. Колодяжном и В. Щербакове, построено 480 зданий и сооружений, разбросанных на большой территории, в том числе жилые дома обслуживающего персонала общей площадью 17,8 тысячи квадратных метров, в которых ныне проживают более 1300 человек. Имеется 7 баз отдыха. Всего жилых, коммунальных комплексов и дорогостоящих технических сооружений в нем числится на общую сумму более 33 миллионов рублей. В их обслуживании занято 463 человека, в том числе 11 офицеров и 98 прапорщиков, а также батальон охраны и обеспечения из военнослужащих срочной службы. Кроме того, имеется значительное количество военно-инженерной, инженерной и транспортной техники (автомобили, экскаваторы, тракторы, мотоциклы, транспортные прицепы и т. д.).

На содержание заповедника ежегодно из бюджета Министерства обороны выделяется более 1,5 миллиона рублей, причем, согласно утвержденной 12.02.1990 г. министром обороны СССР смете, чисто на природоохранные цели (то есть биотехнические мероприятия и воспроизводство фауны) затраты в 1989 году составили 268 тысяч рублей, а на 1990 год запланировано 171,6 тысячи рублей. Вся остальная сумма расходов из полутора миллионов уходит на содержание и эксплуатацию основных фондов заповедника, закупку техники, в том числе служебных «Волг» для начальства, выплату заработной платы обслуживающему персоналу. Только денежное довольствие офицеров и прапорщиков составляет 327 тысяч рублей ежегодно, хотя практически все имеющиеся в «Завидове» должности, занимаемые военнослужащими (нынешний начальник — полковник, три заместителя — подполковники, старшие инструкторы, егеря, техники, лесоводы, ихтиологи, рыбоводы, фельдшер и др.— прапорщики и старшие прапорщики, начальник клуба — ст. лейтенант и т. д.), могли бы исполняться рабочими и служащими, а существование ряда должностей (зам. начальника по политчасти — полковник, пропагандист — капитан и др.) вообще вызывает сомнение.

Ну зачем, спрашивается, до недавнего времени в руководстве заповедником должны были быть обязательно генералы? И вообще в этой связи возникает ряд вопросов, в том числе и о заслугах таких генералов перед Родиной.

Вопрос этот возник не случайно. Как уже было сказано выше, и начальник заповедника, и его зам. генерал В. Щербаков неоднократно награждались орденами СССР, оба они полные кавалеры орденов «За службу Родине в Вооруженных Силах» всех трех степеней. Не так давно генерал-лейтенант И. Колодяжный умер, и мы, следуя древней заповеди, о его жизненном пути просто помолчим. Но его бывший зам. Василий Петрович Щербаков живой, и, наверное, попроси его хорошенько, с удовольствием сам рассказал бы на страницах печати о своих незабываемых подвигах во славу Отечества... на заповедных просторах «Завидова». Ведь там, можно сказать, прошла вся его ратная служба, там он прошел свой героический, полный тревог и невзгод путь от лейтенанта административной службы до боевого генерала, увешанного орденами и медалями. Правда, была и настоящая война: с мая 1941-го по 1942 год Василий Петрович — курсант школы младших авиационных специалистов, а затем по ноябрь 1943 года начальник хранилища в боевой действующей воздушной армии. С января 1944 года весь его опыт, знания, энергия перемещаются на егерскую стезю в Завидовском охотхозяйстве. С тех пор Василий Петрович прошел ступени от старшего егеря до начальника снабжения и заместителя начальника заповедника. В 1971 году в немолодом уже возрасте ему присваивается первичное офицерское звание — «лейтенант административной службы». В этом же году за большой вклад он награждается боевым орденом Красной Звезды. В 1972 году ему досрочно присваивается звание «старший лейтенант», а через несколько месяцев — «капитан». В следующем, 1973 году — снова досрочное звание «майор». В 1975 году — орден «За службу Родине в Вооруженных Силах III степени». 1976 год — «подполковник», 1977 год — «полковник», 1978 год — второй орден «За службу Родине II степени» и еще одна радость — звание «генерал-майор». 1982 год — третий орден «За службу Родине I степени». Теперь т. В. Щербаков приравнен по льготам и привилегиям к Герою Советского Союза.

В 1983 году он увольняется в отставку и с этого времени получает «генеральский пенсион» — 341 рубль. Однако через 6 лет вдруг выясняется, что у Василия Петровича для этой пенсии «немножко» не хватает нужного стажа, и пенсия сокращается до 207 рублей, то есть констатируется ее переплата во все эти годы на общую сумму почти 9,5 тысячи рублей. Но Василий Петрович не думает сдаваться без боя, борется за свои права, и наконец ему снова пересчитывают суммы и назначают теперь уже к выплате 299 рублей 35 копеек. Ну вот, пожалуй, и все из столь существенных вех в биографии генерала-егеря.

Еще об одной военной тайне заповедных расходов мне хотелось бы поведать. Это о средствах, затрачиваемых на эксплуатацию и содержание двух баз отдыха: «Центральная» и «Южная» (Шалаш), ранее построенных в заповеднике в качестве так называемой «Резиденции» для Л. И. Брежнева. Имеющиеся на «Центральной» базе несколько огромных по площади роскошных особняков, отделанных мрамором, резным деревом, с наличием многочисленных архитектурных и инженерных излишеств, постоянно поддерживаются во всем блеске и великолепии. Там же расположено огромное по размерам (7353 куб. м), на зависть любому воинскому гарнизону, здание холодильника, снабженное импортным оборудованием и другими техническими устройствами. Имеются современный узел правительственной связи, начиненный электронной техникой, прекрасная вертолетная площадка, пруд с форелью и 10 гектаров ухоженных земельных угодий, занятых под парк и розарий. Вместе с «Южной» базой Л. И. Брежнева стоимость указанных выше сооружений, по данным администрации заповедника, составляет свыше 10 миллионов рублей, а ежегодные затраты на их содержание и поддержание в них «постоянной готовности» — свыше 244 тысяч рублей, в том числе 67,6 тысячи рублей расходуется только на заработную плату 30 штатных сотрудников обслуживающего персонала.

По объяснениям работников заповедника, после смерти Л. И. Брежнева из руководства партии только один раз кратковременно посещал эту базу М. С. Горбачев в период подготовки к XXVII съезду КПСС. Все остальное время она пустует и никем не используется. База обнесена высоким каменным забором, охраняется воинским караулом. Допуск в нее никому не разрешен, а в исключительных случаях осуществляется только с личного разрешения министра обороны.

Несмотря на утверждение руководства заповедника о том, что теперь эта база является «Резиденцией Президента СССР», фактически никакого положения и закона о такой резиденции не предъявлено. Как установлено, Верховным Советом СССР в качестве таковой она не определена. По мнению напуганного разоблачениями Управления делами ЦК КПСС, ЦК партии также не имеет к ней никакого отношения. Документальными данными полностью подтверждено, что названные выше базы Завидовского заповедника, в том числе «Центральная» и «Шалаш», построены за счет средств, ассигнованных на оборону нашей державы, и в настоящее время принадлежат Министерству обороны СССР, а не Президентскому совету. Этим же министерством они, как видим, и финансируются.

Остальные имеющиеся в заповеднике базы используются путем сдачи в аренду гражданским организациям (база в Ошейкине и «Северная») и в качестве профилактория для обслуживающего персонала (база в Павельцове). Леоновская база передана местным властям под детский сад. Одна база из-за расположения в труднодоступном заповедном месте не используется вообще.

Что же касается владения «Барсуки», о котором упоминается в письме Н. И. Вахатова, то названное хозяйство относится к военно-охотничьему обществу Министерства обороны СССР. Эта общественная организация его и финансирует, отпуская ежегодно из средств, собранных с военных охотников, сотни тысяч рублей в виде так называемых дотаций.

В свое время оно создавалось для организации охоты членов Политбюро ЦК КПСС. Сейчас такие развлечения афишировать не принято, и, как мне сообщили, это хозяйство стало теперь открытым для всех рядовых граждан. Никаких секретов тут, дескать, нет.

Однако стоит привести хотя бы такие факты: в 1989 году в «Барсуках» реализовано услуг населению на 7,7 тысячи рублей, а затраты на содержание хозяйства составили ни много ни мало 306,1 тысячи рублей. Там так же, как и в Завидове, имеются своя вертолетная площадка, свой комфортабельный «Шалаш», строится огромное административное здание. Есть множество и других атрибутов загородного отдыха, которыми пользуются отнюдь не рядовые охотники. Такова в действительности открытость этого «рассекреченного» хозяйства.

В эпоху борьбы за социальную справедливость горячие головы требуют передать заповедник народу, поделив его между близлежащими селами и хозяйствами. Мне думается, однозначно ясно, что природу надо сохранить, а заповедник играет существенную и неоценимую роль в поддержании стабильного экологического баланса в Северном Подмосковье. Он сохраняет в естественном состоянии экологическую систему, является важнейшим резерваном ценных видов животных, которых там насчитывается до 56 разновидностей. В лесах обитает до 232 видов птиц. Конечно же, такая жемчужина должна остаться нетронутой.

Однако в настоящее время Завидовский заповедник не является законным землепользователем основной части территории, которая закреплена за колхозами, совхозами, лесхозами, районами, что не соответствует статусу заповедника. По данным Госкомприроды СССР, несовместима с понятием заповедности и неестественно высокая численность отдельных видов копытных, достигнутая за счет биотехнических мероприятий и явившаяся причиной деградации значительной части лесных биоценозов.

В сложившейся ситуации 28 июня сего года Председатель Государственного Комитета СССР по охране природы Н. Н. Воронцов обратился к министру обороны СССР Д. Т. Язову с предложением о передаче заповедника в ведение Госкомприроды СССР, чтобы установить на его территории надлежащий режим, предусмотренный Положением о государственных заповедниках, вовлечь его в систему биосферного мониторинга и принять неотложные меры по регулированию численности диких животных.

Товарищ Язов Д. Т. выразил готовность подчинить заповедник Госкомприроде СССР. Но... лишь в вопросах научных исследований. А решение административных, хозяйственных и социально-экономических задач предложил оставить в ведении Минобороны. С этим предложением руководство Госкомитета по охране природы согласилось, поскольку тем самым с него снимается тяжелое бремя ответственности по содержанию и обеспечению сложного и дорогостоящего хозяйства.

Принятое решение не может быть оправдано. Осуществляемые затраты на содержание большой группы военнослужащих (вместо рабочих и служащих) и многолетнее поддержание порядка в пустых барских покоях Л. И. Брежнева ничего общего не имеют с делом охраны природы и обороны страны. Все это ставит под сомнение прежний порядок финансирования заповедника за счет Министерства обороны СССР и требует пересмотра такой политики с учетом действующего законодательства о заповедниках в СССР.

Поскольку заповедник за все время своего существования правительством СССР ни разу не ревизовался, было бы целесообразно, если бы сейчас соответствующие вневедомственные органы более глубоко изучили бы его экономическое состояние, проверили бы законность произведенных затрат на капитальное строительство, содержание штатного персонала и основные производственные фонды, в том числе пустующие базы отдыха. Ореол таинственности с него надо снять и все статьи расходов сделать экономически обоснованными и целесообразными.

В. СЕРГЕЕВ,
ведущий инспектор Комитета народного контроля СССР, полковник юстиции

Юрий РЫТХЭУ

ПРАЗДНИК «СЕРПА И МОЛОТА»

Рассказ

Летнее утро в бухте Преображения было на редкость ясным и тихим. Не осталось и следа от вчерашнего промозглого, сырого тумана, окутавшего окрестные сопки. На противоположном, южном берегу бухты, на крутом, темном, каменистом склоне отчетливо проступили буквы «СЛАВА СТАЛИНУ». Надпись была сделана собранным по окрестным долинам дерном в сороковых годах, а в конце пятидесятых переправлена. Вместо СТАЛИН было выложено КПСС, но каждый раз на переломе арктического лета, когда наступали редкие тихие и теплые дни, зацветал какой-то загадочный, пока неведомый науке северный мох, поселившийся как раз на том месте, где был снят древний, сложившийся веками тончайший слой почвы, чтобы уместить гигантские, видимые за много миль с моря буквы, составляющие имя великого вождя.

Когда вместо КПСС появлялось СТАЛИН, окрестные эскимосы уверенно предсказывали, что в ближайшие две недели определенно будет стоять ясная, теплая погода. Ну, может, к вечеру упадет туман, но к утру обязательно поднимется ветер, разгонит его и сырость.

Районный праздник «Серпа и молота», приближенный по времени к языческому обряду празднования добытия первого кита, должен был вытеснить древний дикий обычай, который еще тайком совершали старики под скалами Имтука, на окраине эскимосского селения Кивак. Гидрографическое управление по разнарядке районного комитета партии несколько лет назад взяло шефство над тамошним совхозом «Заря коммунизма», помогало хозяйству чем могло из своих скудных средств — строительными материалами, запасными частями для хиленького трактора и вездехода.

Праздник «Серпа и молота» должен был олицетворять «смычку города и деревни». В данном случае городом выступал портовый поселок в бухте Преображения, а селом — древнее эскимосское становище Кивак.

Судно «Маяк» покинуло пределы тесной и живописной бухты, прошло мыс Пловер и вышло на морской простор. Длинная гладкая волна мерно поднимала небольшой корабль.

На тесной палубе было оживленно: многие жители портового поселка, воспользовавшись возможностью побывать в настоящем эскимосском селении, приняли участие в празднестве: ведь иные здешние «покорители Севера» уезжали отсюда после двух десятков пребывания на какой-нибудь районной должности, так и не удосужившись выбраться в настоящее оленеводческое стойбище или в охотничье становище. Среди пассажиров яркой импортной одеждой выделялись продавщицы из районного универмага «Восход», официантки столовой и пивного бара. Окрестными видами и обильной морской живностью любовались оставшиеся на лето школьные учителя, преподаватели местного профессионально-технического училища, их дети, жены, друзья... Но большинство пассажиров — это работники районного комитета партии и исполкома. Одним словом, самое разнообразное районное начальство, правда, без первого секретаря, который недавно совершенно неожиданно для всех был переведен в область и получил должность начальника спецсвязи вместе с воинским чином подполковника внутренней службы.

Вместо первого главнее всех среди этого разнообразного люда, сгрудившегося на палубе «Маяка», был второй секретарь, бывший комсомольский работник Степан Маллакян. Он держался довольно демократично и вместе со всеми не стеснялся громко восхищаться играющими по курсу корабля дельфинами.

Несколько лет назад Степан Маллакян приехал в бухту Преображения из Высшей комсомольской школы и не очень скрывал своего честолюбивого намерения сделать политическую карьеру вдали от своей любимой Армении, о которой он любил рассказывать каждому встречному. Вот и сейчас он утверждал, что цвет голубоватых мхов на мысе Столетия точно такой же, как на границе ледников у вершины священной горы Арарат.

Он стоял у самого борта рядом с районным начальником КГБ Федяхиным, любуясь берегами, несметными стаями морских птиц. Иногда с громким недовольным хрюканьем мимо проплывало моржовое семейство, потревоженное проходящим судном.

Недалеко от них на берег смотрел незнакомый им человек в плотном синем плаще, в синей же рубашке и в таком же, в тон, галстуке, но весь какой-то ладный, аккуратный, даже каким-то образом ухитрившийся не запачкать своих желтых, тщательно начищенных ботинок на грязном, засыпанном угольной пылью и покрытом пятнами разлитой солярки причале. Лицо его отличалось явно выраженной одухотворенностью: он смотрел на берег, слегка сощурившись, как бы впитывая в себя окружающий пейзаж, наслаждаясь величием и простором, открывающимся с борта небольшого гидрографического судна. Он был тщательно выбрит, щеки даже лоснились и блестели, видимо, от какого-то крема. Может, он недавно приехал на какую-нибудь районную руководящую должность: тем более весь его вид говорил о том, что он не совсем обычный человек.

Лицо у незнакомца было темноватое — то ли загорелое, то ли от природы такое.

К Маллакяну подошел начальник Преображенской гидробазы Юрий Абаев в огромной морской фуражке с белым, чуть кремоватым чехлом и тихо сообщил, что в капитанской каюте накрыт стол и не мешает подкрепиться, так как до пункта назначения еще три часа ходу. Незаметно кивнув в сторону незнакомца, Маллакян спросил Абаева, кто этот человек. «Не знаю»,— как-то смущенно ответил Абаев, оглядев стоящего у борта человека, поглощенного созерцанием утиной стаи, которая с шумом убегала от надвигающегося корабля. И в эту минуту незнакомец повернулся к ним и улыбнулся широко, приветливо, с таким подкупающим выражением, что все разом поздоровались с ним и пригласили его в кают-компанию.

— Нет, друзья,— произнес незнакомец.— Я уж тут побуду, на свежем воздухе, на просторе. Это для меня такая редкость — вырваться на волю, подышать, насладиться открытым пространством... Извините...

Все молча удалились от незнакомца, а Маллакян пробормотал про себя: «Вот так приезжают инкогнито из округа или области, а потом выкручивайся...»

В бухту Преображения так просто не попадешь. Сюда нужен пропуск. Когда прибывает самолет (а это главный транспорт), прежде чем сойти на землю, у всех пассажиров пограничники проверят документы, потребуют пропуск, если в паспорте нет штампа прописки жителя пограничной полосы.

В тесной кают-компании за столом уже сидели важные лица района, и среди них начальник районного КГБ Петр Игнатьевич Федяхин. Он был уже навеселе и распаковывал футляр аккордеона.

— Послушай, Федяхин.— Маллакян не испытывал особого почтения к начальнику зловещего и устрашающего учреждения.— Ты знаешь всех людей, которые прибывают в районный центр?

— Всех не всех, но следим,— коротко ответил Федяхин, пробегая пока так, без звука, по клавишам инструмента.— Тех, кто из села своим ходом прибывает, их трудно учесть, но и тех держим в поле зрения, благо идут-то они главным образом в винный магазин...

— А ты знаешь человека, который плывет с нами? — продолжал Маллакян.— Он стоит на палубе.

— Посторонних на судне не должно быть,— несколько встревоженно ответил Федяхин, укладывая аккордеон на диванчик рядом с собой.— Перед выходом в море, как водится, у всех, кроме, конечно, руководства, проверили документы... Нет, тут у вас

все в порядке. А о ком речь?

— Да тут один... тип на палубе стоит,— нерешительно произнес Абаев.— Никто не знает, кто он... Солидный на вид, похож на человека из области или округа.

— Если оказался на судне, значит, документы у него в порядке,— уверенно заявил Федяхин.

Молчаливый матрос в тщательно стиранной, но неглаженой тельняшке помогал буфетчице из районного пивбара. Стол ломился от местных деликатесов, включая свежие овощи, выращенные в теплице Саркисова.

Этот Саркисов командовал крохотной воинской частью, охранявшей склады, в которых годами хранилось не известное никому, быть может, даже самому Саркисову, военное имущество. Причем некоторые склады требовали отопления, и для этого на огороженной территории стояла довольно мощная котельная. Тепла складам с избытком хватало, и предприимчивый майор решил построить теплицу, пообещав значительную часть урожая отдавать в больницу и детский садик. Однако районные власти отказали ему, объяснив, что для строительства этого объекта нет строительных материалов. Саркисов не стал спорить, он просто стал подбирать все, что выпадало из проходящих машин: доски, мешки с цементом, стекло, рулоны рубероида, словом, все, что валялось вдоль дороги, ведущей из порта к строительной базе треста «Арктикстрой», главного монополиста-строителя в Преображенском районе... И вот выросла в районном центре тепличка, немой укор не только районному начальству, но и строителям. Пытались как-то привлечь Саркисова к ответственности за якобы похищенные стройматериалы, но он оказался не так прост, каждую свою подобранную вещь оформляя соответствующими бумагами и актами... Понемногу к тепличке Саркисова привыкли и даже порой водили туда знатных гостей района, приезжих журналистов, не брезговали пользоваться его щедротами и местные начальники, особенно ранней весной, когда на государственных складах кончались запасы овощей.

На тарелках распласталась свежезасоленная нерка, невероятной розовости, икра в стеклянных банках, первые тундровые грибы и холодная запотевшая бутылка водки розлива Магаданского винно-водочного завода с фирменным знаком, изображающим голову матерого клыкастого моржа.

За питьем и закуской речь шла о вакантном месте первого секретаря райкома. Завел этот разговор Федяхин, отличающийся профессиональной бестактностью: одним из претендентов на освободившееся место был Маллакян.

— А может, этот человек, так сказать, прибыл инкогнито, наподобие гоголевского ревизора? — предположил Федяхин, насаживая на вилку розовый пласт нерки.

— В таком случае именно ты и должен знать,— резонно заметил озабоченный Маллакян.— По своим каналам.

Федяхин промолчал.

— Ну кто из серьезных людей будет играть в такие детские игры? — произнес рассудительный Абаев, предлагая выпить за праздник, содружество «Серпа и молота», дружбу народов. Он провел на Чукотке большую часть своей жизни, хотя родом был из Северной Осетии.

За обедом время пролетело быстро, и когда насытившиеся и слегка захмелевшие местные начальники снова вышли на палубу, то в поле зрения уже высился мыс Имтук и за ним хорошо знакомый морякам галечный пляж.

— Сценарий такой,— возбужденно и нервно повторял заведующий районным отделом культуры Кохановский.— На берег первым делом выгрузится духовой оркестр пограничников. Они же свезут на берег изображение серпа... Я сойду на берег вместе с оркестром и уже оттуда буду руководить. Товарищ Абаев, вы приплываете вторым рейсом с молотом. На берегу вас встретит с серпом знатный морской охотник Рахтуге. Договоренность есть. Он ждет...

Корабль замедлил ход и медленно приближался к галечному берегу, уже заполненному встречающими.

Федяхин полушепотом сказал Маллакяну:

— На всякий случай поосторожнее с этим... Не говорит, кто он.

— Надо было бы спросить у него документы.

— Это как-то неудобно, товарищ Маллакян,— развел руками Федяхин.— И притом это не моя функция. А вдруг действительно какое-нибудь начальство? В каком виде мы предстанем?

Беспокойство по поводу загадочного незнакомца на некоторое время затмилось началом праздника. Когда вторая лодка отчалила от борта гидрографического судна «Маяк» и на ней занял место с огромным, выкрашенным в красную краску пенопластовым молотом Абаев, с берега грянула музыка. С ближайших скал, вспугнутые необычными звуками, в воздух взмыли тысячные стаи птиц. Лодка ткнулась носом о чистый берег, грянул новый марш, самый громкий, и на берег шагнул Абаев, высоко держа в руке пенопластовый красный молот.

Морской охотник Рахтуге внешне еще выглядел крепким мужчиной с темным вечным загаром от морского ветра и безжалостного полярного солнца. В чистой белой парадной камлейке, нерпичьих штанах, но в ярко-желтых японских резиновых сапогах, он уже стоял наготове с фанерным серпом такого же цвета, что и молот Абаева. Морской охотник возвышался на пригорке как некий памятник, и к нему устремился с молотом начальник гидрографической базы.

Абаев добрался до Рахтуге, и двое мужчин, один в большой капитанской фуражке, а другой с непокрытой седой головой, соединили два древних инструмента, высоко их подняв над головой, как на известной скульптуре Веры Мухиной.

Так было предписано вышестоящими инстанциями, и для заведующего районным отделом культуры Кохановского мгновение, когда фанерный серп и пенопластовый молот скрестились над студеными водами Берингова моря, было наполнено чувством исполненного долга.

Живая скульптура некоторое время стояла в неподвижности, пока гремела торжественная музыка. А потом оба носителя символов-инструментов отлепились друг от друга и виновато, но с облегчением улыбнулись, отставив в сторону серп и молот.

Маллакян и Федяхин ловили выражение глаз незнакомца, который следил за всем торжественным действием с серьезностью и интересом.

Он и первым начал аплодировать, когда Абаев и Рахтуге застыли в идейно-политическом единстве и экстазе, олицетворяя единение города и деревни, нерушимое единство многонационального советского народа. Федяхин и Маллакян тоже яростно захлопали, и вся толпа присоединилась к одобрительным аплодисментам, еще более смутив исполнителей нового советского ритуала, о внедрении которого в жизнь отсталых народов Чукотки мечтали Кохановский и его вышестоящие руководители.

— Здорово, а? — простецки, надеясь на взаимное дружелюбие, произнес Федяхин, обращаясь к незнакомцу.

— Великолепно! — произнес тот в ответ.— Это символично. Здесь, на берегу студеного Ледовитого моря, мы становимся свидетелями рождения нового. Историческая общность — советский народ — не может обойтись без новых обрядов...

Федяхин слушал, и на его лице возникало выражение глубочайшего понимания сказанных слов.

Маллакян, навостривший свое внимание, был в нерешительности: вступать в беседу с незнакомцем или же сохранять нейтралитет. Как ни говори, при отсутствии первого секретаря он все же на сегодня — верховная власть в районе.

Кохановский, вооруженный мегафоном, объявил, что торжества будут продолжены в сельском клубе.

Праздник набирал скорость по накатанной колее, и отсутствие каких-либо непредвиденных отклонений радовало не только Кохановского, но и все районное начальство.

Для высокопоставленных зрителей в сельском клубе отвели первый ряд. Незнакомец с благодарственной улыбкой принял приглашающий жест Маллакяна и занял место между вторым секретарем райкома и Федяхиным.

Старый Рахтуге куда увереннее чувствовал себя на сцене, нежели на зеленом пригорке, когда пытался изобразить вместе с начальником гидрографической базы мухинскую скульптуру «Рабочий и колхозница». С любовью и настоящим мастерством он исполнил древний охотничий танец. Выступали школьники, трио молоденьких учительниц спело несколько современных песен довольно приятными, но слабенькими голосами.

— Недостаток кислорода,— вдруг тихо, но внятно произнес незнакомец.

— Что вы сказали? — не понял сидевший за ним Федяхин.

— Как известно, в арктической атмосфере кислорода мало,— продолжал незнакомец.— Поэтому петь трудно, особенно в полный голос... Разве вы не пробовали?

Федяхин в смущении задумался. Ему довольно часто приходилось петь под собственный аккомпанемент, особенно когда случалась хорошая выпивка с соответствующей закуской. Но недостатка кислорода, если честно говорить, не испытывал.

— Этим объясняется,— продолжал незнакомец,— что среди коренных жителей арктических регионов — эскимосов, чукчей, эвенов — нет хороших голосов...

Федяхин стал пристальнее смотреть на сцену, где Рахтуге, теперь уже взяв в руки древний музыкальный инструмент — бубен-ярар, затянул песню о чайке, борющейся с ветром. Сказывали, что этот танец-песню сочинил и впервые исполнил основатель чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон» Нутетеин, эскимос из покинутого селения Наукан на мысе Дежнева. Песня и танец почитались классическими, и, во всяком случае, местные жители не скрывали своего восхищения и песней, и танцем, и каждый раз приходили в волнение, едва заслышав знакомые звуки и хриплый голос певца. Федяхин ничего такого, достойного восхищения, ни в этой мелодии, ни в этой песне не находил. Однако вслух вместе со всеми соглашался, что «Чайка, борющаяся с ветром» — это яркое, самобытное произведение национального искусства.

Маллакян тоже всем своим видом показывал интерес к происходящему на сцене, но на душе у него было неспокойно и тревожно от неуютной, холодящей мысли о том, что вот опять ему придется остаться вторым секретарем неизвестно на какое время, чувствовать себя неопределенно, в каком-то подвешенном состоянии. При первом о втором вообще не вспоминали. Даже самый последний посетитель райкома старался попасть именно к первому или на худой конец к заведующему отделом, к инструктору... А второй... Второй оставался в вечной тени, из которой выходил лишь в то время, когда уезжал в командировку либо в отпуск первый или вот как сейчас, когда наступало вот такое неопределенное время затаенных надежд, страхов и ночных бессонных размышлений о своем будущем.

— Национальное искусство местного населения надо всемерно поддерживать,— продолжал загадочный незнакомец.— Но при этом надо иметь в виду...

Федяхин даже наклонился к собеседнику.

— Надо иметь в виду, что пережитки первобытнообщинного строя, древней дикости могут проникнуть в современное, национальное по форме и социалистическое по содержанию искусство...

Федяхину ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия. А Маллакян, который не мог даже делать вид, что не слышит, так как сидел достаточно близко, изобразил на своем лице понимание и бдительность.

После концерта народ потянулся на улицу. Здание сельского клуба стояло на высоком берегу, и отсюда открывался великолепный вид на морской простор, выдающиеся далеко в море скалистые мысы и стоящее на рейде гидрографическое судно «Маяк».

Районное начальство как-то само собой старалось быть ближе к загадочному незнакомцу, который, в свою очередь, хоть и сдержанно, но, по всему видать, от всей души наслаждался происходящим, общением с эскимосами. Он о чем-то оживленно побеседовал со старым Рахтуге, потом перешел к бригадиру морских зверобоев Кантухману, снова вернулся к Рахтуге.

— Как будет с выпивкой? — спросил его старый эскимос.

— Меня это тоже интересует, но только с точки зрения гостя и наблюдателя,— учтиво ответил незнакомец.

— Начальство всегда найдет, как выпить,— с горькой завистью заметил Рахтуге.— А как изображать дружбу народов или успехи социализма, прыжок из первобытности в коммунизм — давай Рахтуге! К пограничникам на политбеседу, к пионерам, к октябрятам, а как выпивать — нельзя, алкоголизм.

— Алкоголизм — враг спортсмена! — очень веско и многозначительно произнес незнакомец.

Федяхин, который не только по служебному, но и по чисто человеческому любопытству старался все улавливать, задумался: где же он такое слышал? Вроде бы есть такая брошюра в издании Магаданского книжного издательства.

— Я не спортсмен, а охотник,— возразил Рахтуге.— Персональный пенсионер районного значения. Выпить хочу... Скажи честно, можешь мне устроить бутылку?

— Бутылку чего? — спросил незнакомец.

— Спирта давно нет, но пусть водки. А если и водки нет, то черт с ним — пусть вермут или портвейн... Но лучше всего одеколон. Тройной или шипр...

— Шипр неприятно пить,— с неожиданным видом знатока заметил незнакомец.— Он зеленый...

— Какая разница! — убежденно произнес Рахтуге.— Зато крепкий и не такой дорогой... Ну как, устроишь?

— С точки зрения...

На этом Федяхину пришлось оставить собеседников: его отозвал в сторону Маллакян.

— Дирекция совхоза приглашает на закрытое мероприятие. В столовой. Объявили санитарный день, все приготовили. Мероприятие в узком кругу... Ну, а как он?

Федяхин сразу понял, о ком речь.

— Беседует с Рахтуге об алкоголизме...

— Как ты думаешь, надо звать его на мероприятие?

— Думаю, что надо,— поразмыслив, ответил Фе-

дяхин.— По-моему, там, на мероприятии, только и можно выяснить окончательно, кто он такой.

— Пригласишь его от нашего имени... Нет, от имени руководства совхоза и гидрографической базы. Партийные органы к этому нечего примешивать.

— Я и не думаю примешивать,— несколько обиженно заметил Федяхин.— Вот только как быть с Рахтуге? Его тоже приглашать?

— По большому счету надо бы,— задумчиво произнес Маллакян.— Но как-то уже повелось в нашем кругу, что на такое закрытое мероприятие мы представителей местного населения не приглашаем, кроме номенклатурных работников. Чтобы не было разговоров о спаивании коренного населения.

— Но в магазине все равно продают спиртное,— попытался возразить Федяхин.

— То торговля, а это мероприятие...

— Ну ладно,— вздохнул Федяхин и отправился к беседующим.

— Черные дыры во Вселенной могут поглотить все,— услышал он, подходя к беседующим.— Даже свет...

— Это я и без тебя знаю,— сердито ответил Рахтуге.— Войдешь в темноту, зажжешь спичку, а она тут же потухнет... Ты мне лучше скажи: устроишь мне бутылку? А то ведь в другой раз никакого серпа держать не буду. Ни серпа, ни молота! Сами играйте!

Федяхину надо было отвлечь внимание Рахтуге, который, похоже, не собирался отставать от незнакомца.

Он его отозвал в сторонку, вынул из кармана блокнот и быстро написал записку. Обрадованный Рахтуге, убегая, выкрикнул на ходу: — Вот это забота о человеке!

Незнакомец тем временем снова обратил свой взор на морской простор и вздрогнул, когда к нему обратился Федяхин. Он ответил не сразу:

— Я благодарен за приглашение, принимаю его, но должен заметить: не только сама планета Земля, но и околоземное космическое пространство изнемогает от мусора. Это отслужившие свое спутники, разного рода космические аппараты, осколки военных ракет... Ведь в конце концов может дойти до того, что они заслонят солнечные лучи, и Земля, наша зеленая колыбель, лишится источника тепла и жизни, погрузится в холод и темноту... Вы только подумайте, кто может выжить в таких экстремальных условиях? Понимаете? Лишь те, кто привычен к холоду и темноте. Переживающие из века в век полярную ночь арктические народы — это единственные человеческие существа, которые могут выжить в мрачном будущем.

Поначалу Федяхин не понял, какое отношение к будущему закрытому мероприятию, то есть банкету, имеет засорение Вселенной. Но в словах загадочного незнакомца чувствовалась зловещая логика, мрачная правда, и обычно находчивый начальник районного КГБ не знал, как реагировать на это. Однако, воспользовавшись паузой, он учтиво осведомился:

— Так мы можем рассчитывать на ваше присутствие?

Незнакомец кивнул. Причем его кивок был так величествен и многозначителен, что Федяхин окончательно уверился про себя: этот человек не так прост и уж, во всяком случае, далеко неспроста приплыл сюда, попав каким-то неведомым для бдительных органов путем на гидрографическое судно «Маяк». А его слова об арктических народах надо запомнить: в свете последних указаний относительно единой исторической общности.

Столовая совхоза «Заря коммунизма» размещалась в небольшом домике, стоящем на отшибе от остальных жилищ эскимосского селения, но впритык к котельной.

Федяхин шел рядом с величественно шагающим незнакомцем. Остальное начальство и приглашенные уже собрались у крыльца. Чуть поодаль шатались подвыпившие местные жители и вполголоса отпускали нелестные замечания в адрес собравшихся. Несмотря на то, что сегодня официально, по случаю праздника «Серпа и молота», в магазине спиртное открыто не продавали, кому очень хотелось, те нашли что выпить: брагу, одеколон... В маленьком эскимосском селении не было секретом, для чего закрыта столовая: все видели, как сюда ящиками таскали напитки, разные закуски.

Такая несправедливость часто вершилась здесь, в Преображенском районе. Правда, местное население в основном уже привыкло к такому обращению, если не считать так называемой местной интеллигенции, учителей, зоотехников, получивших вместе с образованием вредную привычку примечать и замечать некоторые вещи, по их мнению, унижающие и оскорбляющие достоинство человека. Маллакян и сам был не рад устройству таких тайных пиршеств, но так уже здесь было заведено, и отказаться от установившегося обычая — это нанести обиду и настроить против себя больших и маленьких районных начальничков, от которых зависело немало, да вот даже это шефство над маломощным, буквально умирающим совхозом с претенциозным названием «Заря коммунизма».

В небольшом зальце уже были накрыты столы. Горел электрический свет, так как окна были плотно зашторены.

Маллакян повел за собой таинственного незнакомца и усадил его рядом с собой на почетное место во главе стола.

Абаев, неизменный тамада на такого рода мероприятиях, зорко следил за тем, чтобы все усаживались согласно неписаному чину. Совсем близко от Маллакяна и незнакомца уселся Федяхин и уже за ними — директор совхоза, секретарь парткома, гости, родственники...

Абаев вел стол уверенно, предоставляя слово гостям, хозяевам, искоса поглядывая на незнакомца, который почти не притрагивался к своей рюмке.

Маллакян попытался было настаивать, но гость как-то странно посмотрел на своего соседа и вдруг, наклонившись к нему, тихо спросил:

— А вы согласны с тем, чтобы к штыку приравняли перо?

Маллакян где-то слышал такое выражение, но никак не мог припомнить, где, а Кохановский, который в таких затруднительных случаях всегда выручал, находился далеко, чуть ли не в конце стола, среди торговых работников, непременных гостей такого рода сборищ.

— Надо подумать,— уклончиво, но солидно ответил Маллакян и попытался сам перейти в наступление.— А ведь мы с вами незнакомы...

— Зато я вас знаю,— прищурившись, ответил незнакомец. Взгляд был неприятно проницательный.— Вас, наверное, интересует мое занятие?

Маллакян обрадованно ответил:

— Разумеется.

— Могу пока сказать, что это связано с писаниной,— небрежно заметил незнакомец.— Почти то же самое, что вы делаете.

Тем временем со своего места Абаев выкрикнул:

— Слово гостю!

Его призыв подхватили и остальные. Маллакян тихо сказал:

— Вас просят... Хотя бы несколько слов.

Незнакомец встал, держа почти полную рюмку в руке.

Наступила такая тишина, что отчетливо стали слышны выкрики за стенами:

— Жулики, а не коммунисты! Сами тайком пьют, а нам не дают! Вот напишем письмо Генсеку! Дадим телеграмму в Политбюро!..

Маллакян строго посмотрел на Федяхина: он-то должен был вместе с милицией обеспечить порядок. На худой конец ради праздника разрешить неплановую продажу спиртного.

— Мой тост обращен к людям, которые высшими силами предназначены продолжить род человеческий на Земле,— тихо начал незнакомец.— Я имею в виду эскимосов, арктический народ, выживший в экстремальных природных условиях. Очевидно, для вас не является секретом, что озонная дыра над нашей планетой увеличивается. Кроме того, реальная угроза ядерного столкновения между великими державами, а отсюда — наступление ядерной зимы. Что это значит? А это значит, что радиоактивное облако закроет солнце на многие годы. На всей Земле воцарится холод. Замерзнут моря, реки, озера... Вымрут теплолюбивые растения и теплолюбивые люди и среди них в первую очередь негры... Казалось бы, смерть человечеству. Но, к счастью, на Земле есть народы, которые имеют опыт выживания в самых тяжелых холодных условиях. Они — наша единственная надежда, и поэтому мой тост за их здоровье!

Незнакомец пригубил рюмку и опять как-то странно посмотрел на Маллакяна.

Может, это лектор из общества «Знание»? В летнее время они косяками приезжают на Чукотку, снимая обильный урожай с местных организаций, читая лекции на самые невероятные темы. Но если это лектор, то его поведение совсем непохоже, с одной стороны, на самоуверенного, всезнающего представителя центра, и с другой, на заискивающего перед местным руководством, от которого зависели транспорт, аудитория... Этот для лектора вел себя уж очень независимо.

Когда все выпили, слегка захмелевший Абаев, чтобы уравновесить слишком, на его взгляд, незаслуженное возвышение эскимосского народа, провозгласил тост за дружбу народов всего Советского Союза, за многонациональную Чукотку, где уроженцы далекого Кавказа чувствуют себя как дома.

Однако незнакомец после своей загадочной речи как бы потерял интерес к банкету и оживился лишь тогда, когда Федяхин почел себя достаточно разогретым, чтобы взяться за свой аккордеон.

— А вы бы не смогли мне проаккомпанировать? — осведомился незнакомец у начальника КГБ.

— Но я всего лишь любитель... А что вы будете петь?

— Старинный русский романс «Гори, гори, моя звезда...».

Федяхин несколько раз прошелся по клавиатуре аккордеона и скромно сказал:

— Попробую...

Незнакомец запел. Сначала тихо, почти что вполголоса. Но все вдруг в одно мгновение затихли, и в этой напряженной тишине снова послышались выкрики собравшихся у столовой эскимосов. Но по мере того как голос поющего набирал силу, недружелюбные выкрики затихали.

Да, это был почти что профессиональный голос, приятный баритон, с легкой хрипотцой, отнюдь не портящей общего впечатления. Человек пел, полузакрыв глаза. Он делал смысловые паузы, выделяя каждое слово, а когда дошел до строк: умру ли я..., то на несколько секунд умолк. Удивительно, что Федяхин точно следовал пению незнакомца, правда, в трудных для себя местах просто переставал играть, но, в общем, справился со своей задачей сполна, вызвав одобрительное замечание прежде всего у самого себя, так как вся остальная публика, быть может, лишь за исключением заведующего районным отделом культуры Кохановского, не знала, какое это великое искусство — настоящий аккомпанемент.

Последние слова и звуки песни были заглушены громкими и дружными аплодисментами.

Капитан судна, выходивший на время, вернулся и доложил, что надвигается туман и надо бы поторопиться: может накрыть так, что возникнет проблема, как попасть на судно для возвращения в бухту Провидения.

Все заторопились, засобирались.

И впрямь надо было поторапливаться: густой сырой туман, невесть откуда появившийся, накрыл все водное пространство как раз до берега, до уреза воды, отмерив с точностью до сантиметра серое покрывало. Команда «Маяка» зажгла фальшфейеры. Брызжущий, шипящий огонь с трудом пробивался сквозь плотную сырую пелену, и рулевой на шлюпке больше ориентировался на этот звук, нежели на свет.

Маллакян уже почитал для себя обязанностью опекать незнакомого гостя, и они первыми погрузились в шлюпку и отчалили на судно.

Взобравшись на палубу, незнакомец попросил позволить ему лечь поспать.

— Устал,— сказал он.— Давно не бывал на такого рода мероприятиях.

Чуткое настороженное ухо Маллакяна, однако, не уловило в его голосе ни недовольства, ни какого-то раздражения, и он самолично отвел загадочного гостя в капитанскую каюту, строго наказав не беспокоить спящего.

В глухой туманной тишине и звуки, и голоса становились приглушенными, все казалось каким-то плоским.

Понемногу районное начальство, участвовавшее в празднестве «Серпа и молота» снова собралось в кают-компании. Кто-то прихватил бутылку коньяку со стола, покинутого на берегу, а Федяхин, наполовину протрезвевший и от этого мрачный и какой-то взъерошенный, лениво перебирал клавиши своего аккордеона, не раздвигая мехов. Клавиши зловеще клацали, словно зубы потревоженного животного.

Однако почти все были объединены мыслью о загадочном незнакомце, и это создавало некую напряженность в тесной кают-компании. То и дело Маллакян ловил на себе вопрошающие, недоуменные взгляды своих товарищей.

— Что-нибудь выяснил?

Федяхин отрицательно мотнул головой, продолжая клацать клавишами аккордеона.

— Хотя бы имя и отчество выяснил... Тоже мне чекист!

У Маллакяна это вырвалось как-то непроизвольно, и потом он пожалел не столько о сказанном, сколько о тоне: уж он-то знал, как опасно ссориться с могущественными, непредсказуемыми в своих действиях органами.

— Мне было как-то неудобно выспрашивать,— простодушно заметил Федяхин.— Взяли бы и сами познакомились: вот так и так, я такой-то, а вас как зовут...

— Я пробовал,— признался Маллакян.— Он сказал, что знает меня...

— А чего тут гадать? — воскликнул Абаев.— Придем в порт, там будет обычная проверка документов, вот и узнаем.

— Обычно у начальства документов не проверяют,— засомневался Маллакян.— Пограничники нас знают в лицо.

— А его проверят,— настаивал Абаев.

— А если он предъявит чего-нибудь этакое, в то время когда у нас никто не будет проверять докумен-

тов?.. Нет, это не годится,— размышлял вслух Маллакян.— Где он остановился?

— Уж точно не в люксе,— сказал Федяхин.

Люксом называлась двухэтажная роскошно обставленная квартира в обыкновенном жилом доме, предназначенная для особо важных и почетных гостей. Ходили слухи, что Федяхин установил в ней подслушивающее устройство. Но «люкс» предоставлялся только по личному указанию первого секретаря райкома, а в его отсутствие, естественно, второго...

— Кроме как путем проверки документов нам не выяснить, кто он такой,— повторил свое предположение Абаев.— На подходе к порту надо связаться с пограничным нарядом и попросить или приказать проверить документы у всех поголовно, включая всех нас!

— Да,— важно произнес Маллакян.— Другого выхода у нас нет. Поступим именно так.

Туман к утру исчез бесследно. «Маяк» проходил створ в одну из красивейших арктических бухт при свете встающего из воды яркого солнца. Проснувшиеся птицы оглашали своими криками мрачные, покрытые разноцветными мхами прибрежные скалы. Пассажиры сгрудились у бортов и любовались и птицами, и двумя дельфинами, плывущими впереди по курсу корабля, словно указывающими путь.

Отдохнувший незнакомец стоял у борта и, радостный, сияющий, наслаждался открывшимся зрелищем: отсюда, с моря, портовый поселок выглядел настоящим маленьким городом. Пятиэтажные дома уступами поднимались по склонам сопок, окаймляющих бухту, по-своему оживляя эти безлесные каменистые берега. Конечно, отсюда, издали, не зная о вонючих канализационных стоках, пробивающихся из-под домов, помойках, грязи, копоти от нескольких десятков котельных, поселок можно принять за весьма приятное место.

— Красиво? — спросил незнакомца подошедший к нему Маллакян.

Секретарь райкома старался встать так, чтобы заслонить от него особенно отчетливые при утреннем освещении слова на склоне сопки: СЛАВА СТАЛИНУ.

— Красиво,— согласно отозвался незнакомец.

— Да, кстати, где вы остановились? Куда вас подвезти?

«Маяк» тем временем уже подходил к причалу, и на пирсе уже стояли несколько «газиков»: секретаря райкома, председателя райисполкома, начальника районного КГБ и начальника гидрографической базы. Среди них, серых, защитного цвета автомашин, ярко выделялась сине-белая санитарная машина.

— Меня уже встречают,— спокойно ответил незнакомец.

Маллакян глянул на пирс, вопросительно посмотрел на своего собеседника и почувствовал подступающий страх.

— А кто же вас встречает? — заплетающимся от неожиданно подступившего удушья голосом спросил Маллакян.

— Гариф Лутфуллович,— ответил незнакомец.

Когда на причал спустили сходни, опережая пограничный наряд, на него взбежали санитары во главе с Гилязовым. Они направились к загадочному незнакомцу, а тот, гордо подняв голову, шагнул к ним.

— Ну, приятель,— укоризненно проговорил Гилязов,— такого я от вас не ожидал.

— Мерси, дорогой доктор, мерси...

— Гариф Лутфуллович, в чем дело? — строго спросил Маллакян, ничего не понимая в происходящем.

— Все в порядке, товарищ Маллакян, это наш товарищ...

— Я вам не товарищ! — строго заметил незнакомец.

— А кто же вы? — наконец решился напрямик спросить Маллакян.

— Я Мопассан! — гордо ответил незнакомец.

В полной растерянности Маллакян скорее по инерции спросил:

— А ваше имя и отчество?

— Гюи Де! — громко ответил незнакомец и, оставив изумленного Маллакяна и подскочившего на подмогу Федяхина, важно зашагал меж двух санитаров.

— Ничего не понимаю!— воскликнул Маллакян.

— Это наш пациент,— пояснил доктор Гилязов.— Вчера утром сбежал из диспансера. Ну хорошо хоть нашелся... До свидания, товарищи.

Машина поглотила таинственного незнакомца, санитаров, доктора Гилязова и медленно отошла от края причала.

Пограничники приступили к поголовной проверке документов, как было приказано начальством.

Керро, 4 июля 1990 года.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

А. КОГАН

Верить надо практике! И раз уже была сделана вакцина против ящура, то есть основания приступить к практической проверке и осуществлению предложений Меклера и Идлис по борьбе со СПИДом.

Расходы, которые проверка потребует, ничтожны в сравнении с размерами задачи. Так же ничтожны ведомственные интересы и чьи бы то ни было амбиции. Проблема слишком важна. Потеря времени — это потеря человеческих жизней во всевозрастающем размере!

А. Д. АЛЕКСАНДРОВ, академик АН СССР

...Мне приходится тратить массу времени на письма, анонимки, невероятные прожекты. Самое удивительное, что за каждым лжеученым стоит группа АН и АМН. Вот мы правильно критиковали прессу, но ведь ее дезориентируют сами ученые! Гипотезы Меклера, например, не представляют интереса, говорю это с полной ответственностью, а у него есть кипа отзывов, подписанных авторитетными учеными. Кстати, я не уверен, что эти ученые читали то, что подписывали.

Президент Академии медицинских наук, академик АМН СССР В. И. ПОКРОВСКИЙ

Ряд данных указывает на то, что теория Меклера — Идлис обладает предсказательной силой и говорит о наличии в ней рациональной основы. Теория Меклера — Идлис имеет сторонников и противников. Противники находят в этой теории несовпадения, натяжки, слабые места. Конкретные замечания мне, однако, неизвестны. Имеют место общие фразы негативного характера. Противники не приводят убедительных доводов против развиваемой теории Меклера — Идлис. В случае справедливости теории Меклера — Идлис познавательное и прикладное ее значение трудно переоценить.

Заместитель директора по научной части Института цитологии и генетики СО АН СССР, заведующий отделом молекулярной генетики член-корреспондент АН СССР Р. И. САЛГАНИК

Десять лет тому назад в квартире Л. Б. Меклера зазвонил телефон.

— Лазарь Борисович? — спросил женский голос.— Я читала ваши статьи, в том числе посвященные коду химико-биологического узнавания, и представила этот код на математическом языке, в виде соответствующих графов. Получилась удивительно симметричная картина, наглядно демонстрирующая новые свойства генетического кода. Была бы рада узнать ваше мнение об этой работе. Прислать ее вам?

Так началось сотрудничество Розалии Григорьевны Идлис, математика и программиста, и Лазаря Борисовича Меклера, физико-химика и биолога.

Видя обоих ученых за работой, можно подумать, что они забавляются некоей игрой «в кубики», для чего им служат бумажные ленты, расчерченные на квадратики. Но каждый такой квадратик на самом деле изображает определенный «кирпичик жизни», один из тех двадцати аминокислотных остатков, образно говоря, разноцветных бусин всех цветов и оттенков радуги, из которых, словно мозаично-цветное ожерелье, собираются полипептидные цепи и белки: гормоны, ферменты, белки-транспорты, белки мышц, белки клеточных мембран, белки кровеносной, иммунологической и нервной систем и т. д. Белки человека, животных, растений, бактерий и их вирусов.

— Мы обнаружили принципы, отличающие живое от неживого,— говорит Лазарь Борисович.— Поняли самую механику Жизни. Построили атомно-молекулярные модели основных биологических процессов от формирования трехмерных молекул белков и нуклеопротеидов (комплексов, образуемых полипептидами и белками с соответствующими РНК и ДНК) до фотосинтеза, работы мышц, работы генов и даже процесса, результатом которого является формирование биологической памяти.

Ученые пришли к созданию настоящей «менделеевской системы» в биологии, содержащей ключ к самым сокровенным процессам жизни и далее к управлению этими процессами.

Становится понятным назначение разработанных ими бумажных моделей, демонстрирующих расположение элементарных «кирпичиков жизни» в пространстве. С помощью таких моделей, согласно Общему стереохимическому генетическому коду, создатели этого биологического «конструктора» могут наглядно моделировать тот до сих пор скрывавшийся от нас в микромире процесс, путем которого Природа строит трехмерные молекулы своих биополимеров. Ранее о бесконечно малых формированиях специалисты судили только по «рентгеновским снимкам» их кристаллов; на рабочем столе Меклера и Идлис неподвижные «фотопортреты» этих биополимеров оживают в действующих, работающих моделях соответствующих микромашин. Невооруженным глазом, с увеличением порядка 1:100 000 000 теперь можно следить за тем, как они перемещаются одни относительно других, выполняя свойственную им работу ферментов, гормонов, иных различных белков, откуда берут нужную им для этого энергию. Можно увидеть, почему и как они выходят из строя, буквально ломаются, вследствие чего и возникают различные болезни. Можно, наконец, принимать решения о том, как произвести замену испортившихся «деталей» и «узлов», а то и самих сверхмалых машин целиком, причем так, чтобы не повредить других, работающих рядом.

На простейших конструкциях из плотного ватмана и булавок легко определить, каким путем разумнее и удобнее защититься от нападения врагов — бактерий, вирусов и иных недружественных пришельцев, как использовать для такой защиты армию самообороны организма — соответствующие компоненты его иммунологической системы.

А в переводе на обычный язык это значит, что открывается путь к созданию безвредных, не вызывающих побочных эффектов лекарств, вакцин, методов лечения, наконец, как производить настоящий капитальный ремонт, пересадку органов и тканей таким образом, чтобы организм их не отторгал, а принимал за свои, необходимые ему для выживания. Фундаментальная система защиты жизни — вот что вырастает из этих «забав» ученых.

Ключевым процессом, приведшим к зарождению жизни, утверждает Л. Б. Меклер, должно было стать превращение неупорядоченного движения в упорядоченное, пусть и на микроскопическом уровне организации материи. Древние не ошибались — вначале действительно царил Хаос. И продолжением этого вселенского беспорядка можно считать микроброуновское движение молекул воды под воздействием тепловой энергии нашей планеты и Солнца. Но именно оно дало толчок для появления в Природе нового явления — порядка, буквально родившегося из Хаоса...

Меклер и Идлис составили достовер-

ную, математически выверенную картину этого процесса. Центральную роль, согласно их концепции, сыграли образовавшиеся в составе все более сложных будущих биополимеров структуры особой формы, которые они назвали омега-петлями, из-за сходства с большой греческой буквой «омега». Раскачиваясь под ударами молекул воды, словно маятники, эти омега-петли и стали той ключевой точкой опоры, воспользовавшись которой Природа создала на Земле Жизнь.

Выйдя из корабельного люка на поверхность Луны, космонавт Нейл Армстронг шагнул в плотную пыль. Последующее изучение ее на Земле показало, что лунная пыль — это микроскопические каменные шарики, получившие название реголитов, в каждом из которых, в сущности, заключена как бы вся Вселенная, ибо в каждом из них содержатся атомы всех химических элементов периодической системы Менделеева.

Все мы дети Космоса. И рождены в Космосе, откуда наши микропредки во время оно переселились сначала в ими же созданный Праокеан, а затем распространились по всей Земле. Иными словами, наше Мироздание с самого начала было «спроектировано» таким образом, чтобы в нем возникла Жизнь. Мало того, биологическая стабилизация Вселенной, закрепление ее устойчивости — вот цель, с которой еще при ее рождении было запрограммировано возникновение Жизни. И чтобы Жизнь не погибла, чтобы она развивалась, человек разумный дожен быть вершиной Природы, его вмешательство в нее — полезным для Мироздания.

Нынешнее же бедственное состояние природы, вызванное безрассудством нашего поведения на планете, в достаточной мере доказывает: неразумный человек, разрушитель своей планеты,— нонсенс, он неизбежно обречен на гибель. У Природы в запасе достаточно средств для того, чтобы обезвредить его, исключив из семейства живых существ. Природа может на это пойти, чтобы предотвратить нарушение человеком безумным стабильности Вселенной, ее дальнейшей пригодности для Жизни. И СПИД — один из таких способов.

— Порождение неразумного, варварского обращения с ядерной энергией — таково одно из ключевых следствий нашей теории — это вирусы-мутанты, вызывающие СПИД,— говорит Лазарь Борисович.— Стремительно распространяющаяся по планете пандемия — смертельное заболевание — достаточное свидетельство такой способности Природы.

Действенные вакцины против ВИЧ, эффективные лечебные препараты против СПИДа,— продолжает он,— мы можем создать не за два-три года, но наверняка намного быстрее, если к этой работе удастся привлечь всю мощь науки и техники высокоразвитых стран Запада и Востока.

Меклер и Идлис — ученые-теоретики. В своей крохотной квартирке, разумеется, вакцины им не изготовить. Но они разработали четкую концепцию возникновения вирусов иммунодефицита человека и животных: обезьян, кошек, крупного рогатого скота, мышей и др., по их теории — особых мутантов, никогда ранее не встречавшихся в природе. Возникновение таких вирусов-мутантов — прямое следствие событий, для биосферы планеты небывалых: это взрывы водородных бомб и такие катастрофы, как чернобыльская. Меклер и Идлис со всей наглядностью показали, как возникают такие вирусы-мутанты, как они становятся такими вирулентными и опасными, почему и как они вызывают в организме человека и животных такие страшные, никогда ранее не наблюдавшиеся поражения буквально всех органов и тканей.

Мы часто слышим, читаем, будто вирусы СПИДа передаются только с зараженной кровью или половым путем. Другие пути заражения этими вирусами официальными медицинскими инстанциями отрицаются начисто. Но раскрытая Меклером подлинная картина распространения вируса СПИДа по организму, способного проникать в любые ткани и органы, в любые жидкости организма, позволила ему заявить со всем необходимым для этого мужеством: смертельная инфекция передается не только двумя названными выше путями, «санкционированными» медицинскими авторитетами.

9 апреля 1990 года в «Правде» опубликована следующая заметка: «От 45 до 50 тысяч человек в Таиланде заражены СПИДом. К такому выводу пришла комиссия экспертов местного министерства здравоохранения и Всемирной организации здравоохранения, работавшая в стране несколько месяцев. Полученные данные в 14 раз превышают те, которые раньше считались официальными. Эпидемиологи пришли и к еще одному тревожному выводу. Смертельная инфекция перекинулась на те группы населения, которые принято с медицинской точки зрения называть «массовыми». Если раньше «зоной риска» были наркоманы, то теперь к ней причислены и завсегдатаи заведений, где в ходу общая посуда,— ресторанов, баров и распивочных».

— И это ныне утверждают и те самые эксперты ВОЗ, специалисты по СПИДу,— говорит Лазарь Борисович,— которые готовы были чуть ли не линчевать всякого, кто полагал, что вирус СПИДа может передаваться и так называемым бытовым путем.

Поистине кошмарное известие для человечества!

Люди на всей планете с напряжением ждут желанного спасения от «чумы XX века», того чудо-лекарства, которое ученые и практики медицины не осмеливаются даже обещать. Но разве не представлялось в свое время чудом создание вакцин против черной оспы, бешенства, столбняка? Или против полиомиелита, против клещевого энцефалита? Либо открытие пенициллина, остановившее смертоносную гангрену и другие заболевания, ранее почти неизбежно приводившие к смерти?

— Мы знаем, как синтезировать эффективные безвредные вакцины и лечебные препараты против СПИДа,— говорит Лазарь Борисович,— и сможем, вероятно, с их помощью спасать больных до третьей стадии его включительно.

Это заявление не выглядит таким уж самоуверенным, если принять во внимание малоизвестный прецедент из практики Меклера и Идлис. Речь идет о создании в одном из институтов АН СССР пептидной вакцины против ящура. Руководство института представило обоим ученым линейное изображение — формулу полипептидной цепи белка поверхности вируса, вызывающего эту болезнь, и они тут же указали точные границы пептидов — фрагментов белка, которые следует синтезировать, чтобы получить затем искомую вакцину. Вначале их не послушали — пошли по пути, указанному американскими исследователями, но искомого результата не получили. И после долгих безуспешных попыток, после потери нескольких лет требуемый результат был наконец получен — в точном соответствии с формулой, предложенной Лазарем Борисовичем и Розалией Григорьевной.

— Значит,— спрашиваю я,— в теории вакцина против СПИДа у вас уже готова?

— Мы близки к решению этой проблемы,— поясняет Лазарь Борисович.— Ибо мы уже знаем главное — на какие участки белков вируса СПИДа зараженный им организм человека отвечает иммунологической защитой против СПИДа. Нами уже разработаны приблизительные формулы. Но это, конечно, не вакцина против вируса СПИДа. Это только формулы сегментов ряда белков этого вируса, которые должны быть иммуногенными сами по себе.

Что касается самой вакцины против вируса СПИДа, она должна состоять из множества таких сегментов, представляющих собой омега-петли его белков. Сами по себе, как известно, кирпичи еще не образуют здания; подобно им, сами по себе сегменты белков еще не могут сложиться в вакцину.

— Но мы знаем, как построить это здание — вакцину против вируса СПИДа,— с уверенностью говорит Лазарь Борисович.— Знаем потому, что решаем такого рода задачи с позиций общего стереохимического генетического кода и теории работы этого общего кода.

СПИД грозит гибелью. Вот, к примеру, прогноз, представленный заведующим Всесоюзным центром профилактики и борьбы с этой болезнью В. В. Покровским, исходившим из динамики развития эпидемии в нашей стране по 1989 год включительно, то есть за период, в течение которого вирусом СПИДа заразилось 446 наших сограждан. Согласно этому документу, число инфицированных ВИЧ в 1990 году достигнет 1625 человек, в 1991-м — 6200, в 1992-м — 24 000, в 1993-м — 89 200. Таким образом, в эти годы, как и на предшествующей стадии, число советских людей, заражающихся вирусом СПИДа, будет удваиваться практически каждые 6 месяцев. И беспрепятственное развитие процесса может далее привести к тому, что уже к 1994 году в стране будет инфицировано 360 000 человек, к 1995-му — 1 440 000, к 1996-му — 5 760 000, к 1997-му — 23 040 000, к 1998-му — 92 169 000 человек. К 1999 году, если не будет поставлен надежный заслон, смертельной болезнью может быть заражено 368 640 000 человек, то есть больше, чем насчитывает сегодня все население СССР.

Так не лучше ли создать наконец лабораторию для проверки и осуществления возвращающих нам надежду идей и предложений Л. Б. Меклера и Р. Г. Идлис?

Надежда умирает последней.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Политическая организация общества во главе с правительством и его органами. 6. Нашивка на воротнике форменной одежды. 7. Пила с одной ручкой. 9. Опера З. П. Палиашвили. 10. Порт в Югославии. 14. Мелкий рыхлый лед в водоеме. 16. Помещение для чтения лекций, докладов. 19. Заместитель руководителя вуза. 21. Медицинский работник. 23. Древнерусский певец-поэт. 26. Марка автомобиля Чехословакии. 27. Лечебное учреждение. 28. Химический элемент, металл. 29. Рыхление почвы сельскохозяйственными орудиями.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Виртуозный пассаж в пении. 2. Тонкая прозрачная хлопчатобумажная или шелковая ткань. 3. Русский советский поэт. 4. Часть артиллерийского снаряда, патрона. 5. Ободок мужского головного убора. 6. Офицерское звание. 8. Соната Бетховена. 11. Река в Якутии. 12. Морская промысловая рыба. 13. Свидетельство об окончании учебного заведения. 15. Рыболовная снасть. 17. Река во Франции. 18. Областной центр в РСФСР. 20. Итальянский ученый XVI века, один из основоположников научной анатомии. 22. Овощ. 23. Роман К. А. Федина. 24. Публицистическое или научное сочинение. 25. Французский астроном, математик, физик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

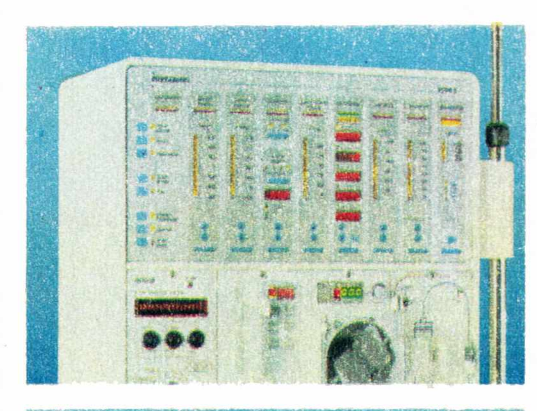
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Воспитание. 8. Митинг. 9. Реглан. 10. Охра. 11. Конакри. 13. Бионика. 15. Амур. 19. Сморгонь. 20. Протасов. 21. Тигр. 22. Пирамида. 24. Интеграф. 26. Рица. 27. Бахрома. 29. Окинава. 33. «Лето». 34. Мишень. 35. Лекция. 36. Мадагаскар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Офицер. 3. Погон. 4. Аврал. 5. Ингури. 6. Сингапур. 7. Бабанова. 12. Олимпиада. 14. «Коновалов». 15. Альтаир. 16. Реприза. 17. Мосин. 18. Кофта. 23. Америций. 25. Гимназия. 28. Морена. 30. Кваква. 31. Ольха. 32. Полюс.

«ФРЕЗЕНИУС» НА СЛУЖБЕ ЗДОРОВЬЯ

ИССЛЕДОВАТЬ, РАЗРАБАТЫВАТЬ, ПРОИЗВОДИТЬ В ИНТЕРЕСАХ ЗДОРОВЬЯ

Из одних рук – компетенция в области фармакологии и медицинской техники

Диализные машины, диализаторы, CAPD, системы магистралей

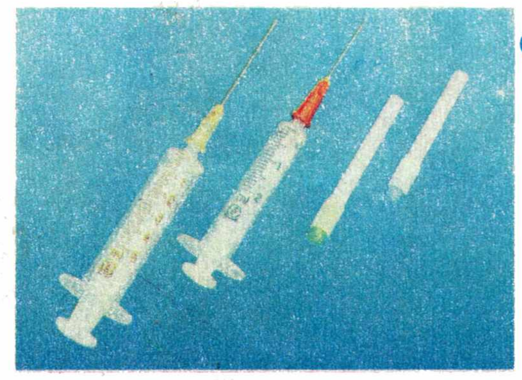

Парентеральное и энтеральное питание & техника

Плазменный эспандер и электролитные растворы

Стерильные предметы одноразового назначения

Инфузионные и шприцевые насосы Дезинфекция

ВАШИ ПАРТНЁРЫ ДЛЯ:

Фармацевтика & медицинская техника

Fresenius AG, Bad Homburg
Verwaltung.
Borkenberg 14, 6370 Oberursel Ts. 1
Tel. (0 61 71) 60-0, West-Germany

Австроимпекс ГмбХ
Представительство фирмы
Фрезениус АГ в СССР
107053 г.Москва В 54
гостиница Волга 13076, Дукучаев пер. 2
тел.: 2 07 55 09, факс: 2 88 95 67

Консультация, планирование, строительство установок

Pharmaplan GmbH
Königsteiner Straße 2, Abteilung A,
D-6380 Bad Homburg v. d. H., Tel.: (0 61 72) 3 00 70,
Tlx.: 41 0559 phpl d, Telefax: (0 61 72) 30 07 39

Диализ & предметы одноразового назначения

Совместное предприятие Фребор
СССР, 222120, г.Борисов, Минская обл.
ул. Строителей, 24, тел. 3 42 65

Представительство СП Фребор при НПО „Белмедбиопром"
СССР, БССР, 220600 г. Минск,
ул. Варвашени 17, тел. 34 26 84
факс: 0172/34 20 40

Более чем за 75 лет своей истории фирма «Фрезениус» прошла путь от «новичка», действовавшего в скромных масштабах, до предприятия, пользующегося международной известностью, программа которого целиком и полностью служит интересам здоровья. Основой продукции, выпускаемой предприятиями фирмы «Фрезениус», является высокий уровень научно-исследовательской работы. Научно-исследовательские подразделения с обширной программой разработок — к услугам наших партнеров. Служба помощи клиентам фирмы «Фрезениус» находится в 24-часовой готовности, чтобы доставить наши препараты и приборы на место применения.

Семь областей сбыта, в которых работает «Фрезениус АГ». Каждая из них по важности не уступает самостоятельному предприятию:

1. **Производство лекарств.**
2. **Диагностика.**
3. **Диализ.**
4. **Диететика.**
5. **Растворы для внутривенных вливаний.**
6. **Интенсивное лечение и гигиена.**
7. **Урология.**

Ответственность перед медициной, исследования и фармацевтическая компетентность — такова основа службы здоровья. Обмен опытом между фирмой «Фрезениус» и врачами имеет очень важное значение для разработки новых медикаментов и их испытания. Многие медицинские конгрессы, результаты которых часто означали знания, в высшей степени полезные для врача, обслуживающего медперсонала и пациента, были проведены благодаря активности фирмы. Фирма «Фрезениус» придает особое значение организации мероприятий по повышению квалификации врачей и обслуживающего медперсонала, проведению симпозиумов и «круглых столов», а также ежегодному присуждению премий за особые достижения в области медицины.

«Фрезениус» — это предприятия, действующие во многих странах мира. Его дочерние общества имеются в Англии, Нидерландах, Италии, Франции, Австрии, Бразилии, Швейцарии и США. Все нити, обеспечивающие управление, сходятся в Оберурзеле. Численность занятых на предприятиях фирмы «Фрезениус» — более 4500 сотрудников*.

Производственная программа фирмы осуществляется на четырех предприятиях (в Бад-Хомбурге, Швайнфурте, Санкт-Венделе и Мюнхене). Программа простирается от таблеток и растворов для внутривенных вливаний, пищи для потребления в жидком виде до медицинских приборов, управляемых с помощью компьютеров.

Фирма «Фрезениус» видит свою задачу в том, чтобы благодаря высокому качеству своей продукции и поддержке новых методов лечения, а также благодаря оптимальной информации обеспечить себе лидирующие позиции в фармацевтической промышленности. О таком стремлении свидетельствует состояние дел в обеих сферах активности фирмы — в фармацевтике и медицинской технике. Вы сможете убедиться, что фирма представлена в них изделиями, отвечающими самым высоким требованиям. «Фрезениус» будет и в дальнейшем выполнять свои задачи, основываясь на прогрессивных идеях, тесно сотрудничая с учеными и клиницистами, осознавая свою ответственность за качество услуг, оказываемых больницам и врачам-практикам. Это означает полное творческое применение способностей всех сотрудников в интересах охраны здоровья.

Телефон совместного предприятия «Фрезениус СП» в Москве 118-83-47.

* С 1991 года совместное германо-советское предприятие в Борисове под Минском будет изготовлять диализаторы и зондовые системы.

40 коп. Индекс 70663